

МАФУТАИЛОВЫ

ХЛЯБИ

Annotation

После распада семьи Дарья с дочерью возвращается на Родину — в глухой, таежный поселок. Однажды по дороге из школы дочь бесследно пропадает. Поисковики прочесывают тайгу, а Дарья начинает собственное расследование и все больше убеждается в том, что девочка не покидала стен школы, ведь обстоятельства ее исчезновения один в один напоминают давний кошмар, который в детстве пережила сама Дарья.

Глава 1

Дарья снова переживала тот же кошмар. Вот она выходит из лифта, достает из сумочки ключи, следом слышатся Машкины шаги и ее голос: «А можно сразу чай с тортом?».

— Нет, нельзя, — отвечает Дарья, распахивая дверь, — Сначала котлетку с гречей, а потом...

Она умолкает, принохиваясь. В квартире пахнет женщиной. Чужой. Это не первый раз, и ей совсем не хочется снова пережить унижение, а потому она делает шаг назад, чтобы выйти обратно в подъезд, тихонько закрыть дверь и... ну, скажем, переждать в соседнем дворе.

— Мам! — взвизгивает сзади Машка, — Ты мне ногу отдала!

Дарья едва сдерживается, чтобы не влечь дочери оплеуху. Отступить теперь некуда. Она громко хлопает дверью и медленно снимает сапоги и куртку. Чтобы дать им время... привести себя в порядок. Дверь в гостиную открывается, и на пороге появляется Женя. Одетый. Строгим голосом отправляет Машку в свою комнату, а ее, Дарью, приглашает войти... Эта сидит на диване и даже выглядит смущенной. Виновато прячет глаза и крутит на палец прядь волос. А Женя говорит и говорит. Спокойно, внушительно, убедительно. Отношения зашли в тупик. Хватит мучить друг друга. Впереди целая жизнь. Для них с Машкой он снял квартиру. Временно. Пока они с Этой не закончат с переездом. Куда? Какая разница. Вот ключи и адрес. Холодильник они заполнили. Вот немного денег на первое время. Не переживай, алиментами он не обидит.

...

Дарья застонала и проснулась. Глаза саднило от слез, нос распух, и воздух приходилось хватать ртом, мокрая подушка противно липла к щеке. Она помнила, как стояла навтыжку посреди гостиной и молилась только об одном, чтобы Эта хоть ненадолго исчезла. Пусть бы даже пошла в туалет подкрасить свои вывороченные губы. Она бы тотчас упала перед Женей на колени, и он бы снова внял ее мольбам. Она ведь ничего сверхъестественного от него не требовала. Просто, чтобы был здесь, с ней. Делал вид, что все хорошо. Позволил видеть себя хотя бы по вечерам...

Сейчас она понимала, что Женя тоже предвидел подобную реакцию и устроил «трехсторонние переговоры» отнюдь не с целью еще больше ее унижить. Эта... просто исполняла роль стратегического подспорья, сдерживающего фактора, цепи, тормозящей рвущуюся из нее визгливую собачонку...

Дарья едва успела сдержать очередной водопад и, устало покачиваясь, двинулась на кухню. Старые, усиженные мухами, настенные часы говорили, что Машка уже полтора часа назад должна была вернуться из школы. Пока одуревший от слез и противного дневного сна мозг пытался сформировать соответствующую обстоятельствам эмоцию, в двери закопошился ключ, и облегчение пришло раньше тревоги.

Она поставила разогревать суп и, зачарованно глядя на плавающие в бульоне мясо, овощи и перловку, снова провалилась в воспоминания. Женя отправил ее в спальню — собирать вещи. Машкины они уже собрали. Дарья вся сжалась от такой неуместной деликатности и с почти слабоумной медлительностью принялась паковать чемодан. И ни разу ее не поторопили, хотя она и чувствовала застывший от напряжения воздух в квартире.

Она все ждала шанса оказаться хоть на минутку с Женей наедине, чтобы снова повернуть все назад, исправить, подлатать и заштопать их неудачный брак, но так его и не получила.

Очнулась она на пластиковом сидении в аэропорту, рассеянно вспоминая, как здесь оказалась и куда делись сунутые ей на прощание ключ и бумажка с адресом. Скинула их в почтовый ящик? Выбросила по дороге в Енисей? Закопала в парке? И вдруг дико вскрикнула, решив, что вместе с ключом потеряла где-то по дороге и дочь, но тут же прижала ладонь к трясущимся губам — Машка разглядывала витрины сувенирных киосков.

А потом только облака за стеклом иллюминатора.

...

— Фу, чем пахнет? — услышала Дарья и зашлепала набрякшими веками. Суп! Подгорел. Она быстро сняла кастрюльку с плиты.

— Совсем чуточку подгорел, — пробормотала она виновато, ставя перед дочкой тарелку и присаживаясь напротив — Ты и не заметишь.

Машка придирчиво понюхала суп и принялась выколупывать из тарелки ненавистную морковку. А Дарья, изо всех сил стараясь остаться на поверхности, думала, что надо завести какой-то разговор, хотя бы спросить, как прошел день в школе.

— Ты припозднилась сегодня, — вяло произнесла она. Машка тут же защебетала, но Дарья уже снова заскользила вниз. Припоминались всякие гнусные подробности. Босые ноги с ярко красными, идеально ухоженными ногтями, на пушистом белом коврике из мерлушки, который Дарья тем утром тщательно пылесосила. Короткая юбка, старательно натянутая на колени...

Октябрь, и *Эта* ну никак не могла прийти с голыми ногами. Значит, ее колготки были торопливо затырены за диванные подушки. Хотя разве *Эта* будет носить колготки? Чулки. И обязательно в сеточку... Но все равно они были где-то за подушками...

— Что ты сказала? — Дарья неожиданно вынырнула и уставилась на дочь.

Машка закатила глаза и повторила:

— Сменку потеряла. С утра повесила мешок под куртку, а после уроков на крючке только куртка. Баба Надя помогла найти. Я уверена, что это дурак-Подковыров опять! Я даже Наталье Михайловне пожаловалась. Но она сказала, что он так... за мной ухаживает, и не надо на него сердиться.

Девочка захихикала и опустила глаза в тарелку, продолжая бесцельно гонять по ней овощи, словно надеясь, что суп таким образом хотя бы частично испарится, и ей придется меньше съесть.

Дарья даже не улыбнулась в ответ, вдруг испытав к своей девятилетней дочери чернейшую зависть. Две недели Машка ревела без перерыва и требовала папу. Но вот еще и месяца не прошло, как они вернулись в поселок, и она уже хихикает. И не раздражает ее больше ни слабый интернет, ни крошечная квартира, которую приходится делить с мамой и бабушкой, ни отсутствие собственной комнаты, ни новая школа, ни старая, жалкая площадка во дворе, ни дурак-Подковыров, который с первого же дня не давал ей проходу. Словно... словно так всегда было. А она, Дарья, так не могла, каждую секунду помня, что имела и чего лишилась. Не по своей воле! Она несколько лет мужественно закрывала глаза на все Женины похождения. Улыбалась, когда хотелось реветь, и с готовностью раздвигала ноги, когда хотелось отправить его спать на коврик в прихожую. Раздвигала ноги, даже зная, что ему это не нужно и не интересно...

Она зажмурилась, усилием воли прогоняя из головы Женю, и с неясным подозрением

спросила:

— А кто это... Баба Надя?

— Гардеробщица наша, — ответила Машка и тут же плаксиво протянула, — Можно я не буду доедать?

Дарья безразлично кивнула, налила дочери стакан молока и сняла с корзинки полотенце. В корзинке внучку ждал бабушкин кулинарный изыск — пирожки с луком и яйцом. С вкусной добычей Машка улепетнула в комнату, а Дарья, на некоторое время застыла с удивленно вздернутыми бровями. «Баба Надя» и «Сменка» — это было что-то... чудовищно знакомое, личное, родное... и не могло иметь ну ничегошеньки общего с ее дочерью.

Она вышла из кухни и заглянула в комнату матери.

— Помнишь... когда я училась, у нас была такая... «Баба Надя»?

— Твоя подружка-то? — хмыкнула Валентина Ивановна, не отрывая глаз от ноутбука. Она работала на дому, и с тех пор, как на ее шею свалились дочь с внучкой, ей приходилось работать в три раза больше, помогая всем толстозадым и ленивым бухгалтерам поселка сводить дебет с кредитом, — Что вдруг вспомнила?

— У Машки сейчас тоже баба Надя. Гардеробщица.

— И?

— Просто забавно. Тот же самый поселок, та же школа, и будто та же самая баба Надя...

Валентина Ивановна убрала руки с клавиатуры и со странным выражением, одновременно сочувственным и раздраженным, посмотрела на дочь. Потом очень медленно и аккуратно, словно ступая по острым камням, произнесла:

— Если бы речь шла о бабе, скажем, Изауре, Лауре или Аделине, я бы, может, и поделила твое удивление...

— Забудь, — Дарья собралась было вернуться в постель, но задержалась, — А почему ты назвала ее моей подружкой?

— Ляпнула и ляпнула... Бабка была слабоумная, только с первоклашками и дружить. Странно, что ты вдруг ее вспомнила...

— Машка сказала, что потеряла сменку, и баба Надя помогла ей найти... Я словно в собственное детство погрузилась...

— Нечего туда погружаться! — взвилась вдруг Валентина Ивановна, — Займись лучше нынешней жизнью! А что было тридцать лет назад, давно ушло!

Под тяжелым взглядом матери Дарья прикрыла дверь и вернулась на кухню. Материнское раздражение было, с одной стороны, удивительно, а с другой, странно понятно и объяснимо. Когда она была маленькой, в поселке орудовал маньяк, похищающий детей, и Дарье лишь чудом удалось не стать очередной его жертвой. Отец тогда сразу бросил престижную и хорошо оплачиваемую работу горного инженера, забрал семью и увез прочь, в большой город — в Красноярск. Потом уже, спустя много лет, когда Дарья вышла замуж, родители вернулись в родные края встречать старость. Теперь вот вернулась и Дарья.

Убирая со стола и сгребая в мусорный мешок недоеденный дочкой суп, Дарья вдруг вспомнила, что у маньяка была писклявая, птичья фамилия. Чижик?

Нет! Чибис!

Она, кажется, лишь мельком видела этого невзрачного человечка с кривым носом и в огромных очках, когда милиционеры, скрутив ему руки за спиной так, что голова оказалась

на уровне колен, засовывали его в машину. И долго еще отказывалась признавать, что он и есть то чудище, по воле которого она несколько месяцев провела в психиатрических клиниках.

Прибрав на кухне, Дарья заварила себе чай и с неохотой откусила от пирожка, смутно понимая, что надо поесть. О том, чтобы засунуть в себя тарелку подгоревшего супа — речь даже не шла. Она потыкала в телефон и нашла на википедии статью.

«Чибисов Виталий Сергеевич, 1937 (с. Грановщина) — 1989 (Красноярское СИЗО). Советский серийный убийца по кличке «Чибис». На протяжении нескольких лет похищал детей в поселке «Врановое». Был пойман с поличным при попытке спрятать тело последней своей жертвы — пятилетнего Миши Альхова — которого похитил прямо из детского сада, где работал охранником. Остальные жертвы найдены не были. Со следствием не сотрудничал, местоположение похищенных детей указать отказался. Их судьба неизвестна по сей день. Пытался симулировать безумие. Был признан вменяемым и расстрелян по приговору Краевого Красноярского Суда 18 марта 1989 г.»

С размытой черно-белой фотографии на нее смотрел плюгавенький мужичок с бритой головой и в очках. Подпись под фотографией гласила *«Виталий Чибисов за несколько дней до расстрела»*.

Дарья долго вглядывалась в фотографию, и ничего в ней в ответ не дрогнуло, не возмутилось. Но стоило вспомнить слова *«Сменка»* и *«Баба Надя»*, как сердце начинало тяжело трепыхаться в груди. А еще при мысли о *«школе»*, несмотря на то, что в местную школу она ходила совсем недолго (первый класс она заканчивала уже в Красноярске). Так было всегда. Стоило только подумать о своем первом учебном году, как в нос ударял фантомный запах туалета, под ногами мнились бряцающие железной окантовкой стертые ступени и... тьма. Это старое, еще довоенной постройки, здание в виде перевернутой буквы *«Г»* будило в ней только ужас и безнадегу. Может, именно поэтому, когда они с Машкой вернулись, она и оформление ее в школу свесила на мать, отговорившись депрессией и разбитым сердцем...

...

Вспомнив про свое разбитое сердце, Дарья вновь захлопала носом, роняя слезы в кружку с чаем. Снова одолели мысли о том, куда были спрятаны чулки в сеточку — под диванную подушку или под сам диван? Или были торопливо заброшены в узкий промежуток между спинкой того самого дивана и панорамным окном, сверкающим вечерними огнями? Может, забытые, они по-прежнему там лежат? О том, что они делали после того, как пухлая, кожаная обивка входной двери отрезала от них жену и дочь с двумя чемоданами — большим и маленьким. Наверное, обнялись и нервно рассмеялись. Без злорадства, лишь с облегчением. Открыли коллекционное вино, которое она, Дарья, берегла до Нового Года. Чисто чтобы снять напряжение. А потом... не стали даже трахаться. Включили фильм и уснули, утомленные неприятной историей, на том же самом диване... *Эта* — уткнувшись носом Жене в едва выступившую щетину, как любила всегда засыпать сама Дарья... до поры.

А еще через несколько дней Машка не вернулась из школы.

...

День сурка проходил, как обычно. Сквозь мутную дрему Дарья слышала, как мать кормит Машку завтраком и выпроваживает в школу. Осознание собственной никчемности, ненужности и беспомощности доставляло даже какое-то извращенное удовольствие. Мол, поглядите на принцессу Несмеяну. Мать гваздается, а я страдаю и плевать на весь мир. За

Машкой хлопнула входная дверь, Валентина Ивановна ушла к себе — работать, а Дарья, стараясь опередить ноябрьский рассвет, поспешила погрузиться в сон.

Проснулась она уже после обеда. В квартире стояла тишина. Ни звуков телевизора, ни приглушенных пощелкиваний клавиатуры в соседней комнате, ни голосов. Она вполне могла бы спрятаться от ненавистной реальности под одеяло и снова уснуть, но все же потянулась к телефону.

13-30.

Она резко села и прислушалась. Уже к себе, а не к квартире. Она явно что-то проспала, и это что-то гораздо страшнее, чем уход Жени.

— Машка? — позвала она, хотя прекрасно понимала, что, если бы Машка была дома, она бы об этом знала. Может, мама забрала ее из школы, и они пошли гулять?

Борясь с головокружением, Дарья поднялась и подошла к окну, надеясь увидеть дочь на ржавой карусели, но во дворе гулял только ноябрьский ветер. Она набрала Машку, а когда ее забытый телефон глухо запиликал под подушками, стала звонить матери, но тут же отменила вызов. Вспомнила, что та предупредила ее еще с вечера, что кормление Машки и ее уроки сегодня на Дарьиной совести, потому что она сама уходит на День рождения к подруге и вернется поздно.

Долго она стояла у окна, вздрагивая при появлении каждого редкого прохожего, а тем временем к поселку ползли ранние сумерки.

«Опять сменку потеряла что ли?», — подумала она, и это безобидное предположение внезапно наполнило ее чувством непоправимого. Она натянула джинсы, первую попавшуюся кофту и куртку и побежала в школу.

Бежать было совсем не далеко, но она, истощенная последним месяцем собственноручно прописанного постельного режима, страшно запыхалась, а перед школой затормозила, испытывая уже настоящий ужас. В большей степени это, конечно, был страх за ребенка, но было и что-то еще, что мешало войти в эти двери.

Мигающим несмелым взглядом она оглядела добротное двухэтажное строение, задержала дыхание и потянула на себя тяжелую дверь. Она была готова окунуться во тьму, пропитанную душным запахом туалета, но вместо этого ее встретил просторный, хорошо проветренный холл и скучающий за стеклом молоденький охранник.

— Учитель на месте? — выпалила Дарья.

— Какой именно учитель? — охранник вышел из своей будки, а Дарья, испытывая все более растущий ужас и, одновременно, стыд, мучительно припомнила:

— Наталья... Ник... нет, Михайловна. 2 класс. Букву... не помню.

— Буквы нет, у нас один второй класс. А Наталья Михайловна работает в первую смену, — настороженно ответил охранник, — начальная школа уже давно... Что-то случилось?

— Дочка... не вернулась из школы!

Парнишка вернулся за загородку, потыкал в стационарный телефон и передал трубку в Дарьины пляшущие руки.

А через мгновение, как показалось испуганной матери, она уже сидела в кабинете директора. Черноволосый, румяный, пышущий здоровьем, Олег Иннокентьевич вызывал по телефону всех подряд — медиков, полицию, волонтеров, классного руководителя и завуча.

И начался Ад.

Глава 2

Когда в 1908 году над Тунгусской тайгой взорвался метеорит, неизведанные и малонаселенные ранее территории начали пользоваться интересом исследователей и путешественников. Тогда же здесь обнаружили и золото. Поселок «Врановое» был построен Советскими властями еще в тридцатых годах прошлого века специально для старателей. Аккуратные ряды двухэтажных кирпичных и деревянных домов, рассчитанных на несколько семей; красивые парки; дом культуры, где для маленьких и взрослых крутили кино, устраивали танцы и организовывали всевозможные кружки; крошечный аэропорт чуть в сторонке, а до прииска была проложена хорошая дорога, по которой дважды в день возили работников.

Платили всегда хорошо, но вот потратить деньги в поселке было совершенно не на что. После Большого Развала, поселок заселяли в большинстве люди старшего поколения, которые уже давно отрожались и выпроводили детей в большой мир, и вахтовики, чьи семьи терпеливо ждали их с увесистым барышом за пределами первобытного леса. Поэтому, как и при Советском Союзе, поселок вполне обходился одной школой и одним детским садом.

А вокруг поселка, аэропорта, дороги и прииска — лишь грозная, непролазная тайга.

...

Именно там — в тайге — и начались поиски. В первый день поисковики пытались что-то разглядеть с воздуха, но за сплошными кронами ничего было не видеть, поэтому рассредоточились на земле. В помощь им вышли почти все жители поселка и принялись прочесывать прилегающую территорию, но, когда в чаще стали плутать и теряться сами волонтеры, Администрация собрала их в кучу, пересчитала по головам и отправила от греха искать девочку по дворам и подвалам.

Основная — и практически единственная — версия была, что Машка после школы отправилась погулять, вышла к границе поселка и... что-то привлекло ее внимание. Может, зверька какого заприметила и отправилась за ним, а может, просто решила прогуляться по осеннему лесу. И заблудилась. Не она первая. Ежегодно в поселке пропадали и дети, и взрослые. Большинство находилось, и находилось именно в тайге. Кто-то целым и почти невредимым, кто-то с обморожениями или инфекциями, кто-то иногда и мертвый. Несколько «гуляк» регулярно приводили в поселок эвенки — малочисленный народец, испокон проживающий в этой тайге. И лишь единицы пропадали бесследно.

Дарья тоже лазила по чаще, до хрипоты орала имя дочери, и выводить ее из леса на ночь поисковикам приходилось почти силой. Голова у нее шла кругом от нескончаемых паники и чувства вины, и она почти ничего не соображала, кроме того, что у ее дочери в ноябрьском лесу очень мало шансов. Она не продержалась бы и суток, а уже пошли третьи! Единственная надежда была на тех же эвенков. Что если на нее наткнулись охотники, приютили, обогрели и ведут в поселок? Но если ведут, то почему *еще* не привели?! Гнала от себя мысли, что наткнуться на нее могли вовсе не эвенкийские охотники, а готовящийся к спячке медведь или какой-нибудь дикий лось... Тигры? Рыси? Она понятия не имела, кто может населять эти дебри.

А внутри подспудно трепыхались сомнения, что Машка вообще могла оказаться по доброй воле в тайге. Она выросла в большом городе, все ее знакомство с дикой природой сводилось к поездкам на дачу и редким совместным вылазкам за грибами. И даже в

жиденьких пригородных лесах, она не отходила от родителей ни на шаг. Дарья вспомнила, как Женя гнал ее от себя, увещевал, что если она будет ступать за ним след в след, то ни одного гриба не найдет, а она все жалась к нему, и не спускала глаз с его широкой спины.

Женя... Дарья впервые за эти сумасшедшие дни вспомнила о нем, и ничего в ней не дрогнуло. Губы даже дернулись в горькой, саркастической усмешке. *«Хочешь выкинуть из головы мужика, спроси меня как...»* А она даже ему не сообщила...

Машка не любила и боялась леса... К концу третьего дня Дарья попыталась донести эту мысль до руководителя поисковой группы. И он со всей деликатностью дал ей понять, что в случае, если ребенок все-таки ушел в тайгу, они должны сделать все возможное, чтобы найти его как можно скорее. Если она в поселке, у нее еще есть шансы, но на исходе третьего дня в тайге — шансы минимальны.

Впрочем, и поселковые волонтеры, облизав вдоль и поперек все гаражи, подвалы и канализационные люки не нашли ни следа. Словно сквозь землю провалилась.

Валентина Ивановна, возглавлявшая волонтерскую группу, которая в поисках внучки ходила по квартирам некоторых неблагонадежных поселковых элементов, вскоре была госпитализирована с гипертоническим кризом, и Дарья осталась совсем одна. Надежды на сколько-нибудь благополучный исход не оставалось, и вечером третьего дня она вернулась домой с бутылкой коньяка, собираясь напиться до полусмерти и хоть ненадолго отключиться от ужасающей реальности.

Но вместо того, чтобы отключиться, ее мозг словно притормозил и стал работать более спокойно, вдумчиво. Нервы, все эти дни натянутые до предела в ожидании судьбоносных вестей, обмякли. Она сидела на кухне, при свете лишь уличного фонаря, зачаровано глядела на ополовиненную бутылку и чувствовала приятную отстраненность, словно была лишь сторонним наблюдателем.

Не могла Машка пойти в тайгу. Никакая, даже самая милая зверушка (если такие здесь вообще водятся) не могла заманить ее в ледяную, присыпанную первым снегом чашу. Значит, она в поселке. И где-то внутри у нее росла уверенность, что искать ее надо не в канализации или за гаражами, а... в школе. На миг все внутри снова взбунтовалось при мысли о школе, но она смогла подавить этот бунт. Она понимала, насколько нелепы ее домыслы, но сердце настоятельно требовало вернуться назад, вспомнить... Ведь уже так было...

Дарья сходила в материнскую комнату и достала с антресолей старые семейные фотоальбомы. Включила, наконец, на кухне свет и, прихлебывая маленькими глоточками коньяк, принялась их рассматривать. Вот школьный альбом ее отца. Он тоже ходил в эту школу, только тридцатью годами ранее. С черно-белого фото на нее глядели старшеклассники пятидесятых годов. Само собой, на фоне бронзового бюста Ильича. Дарья и сама фотографировалась на том же фоне на первое сентября со своим классом. Вспомнился душный аромат гладиолусов, астр и лилий, ощущение собственной взрослости и важности от надетой строгой школьной формы с плиссированной юбочкой и кружевным белым фартуком поверх, даже вспомнилось праздничное угощение после линейки — компот и невероятно вкусные пирожные с кремовыми утятами. Дарья пошла немного дальше, припоминая расположение коридоров и кабинетов. Фантомный туалетный смрад снова ударил в нос, но она смогла его проигнорировать.

Крыло начальной школы было в левой части перекладки буквы «Т». И в конце коридора, действительно был туалет за вечно приоткрытой тяжелой дверью. Наверное, он

предназначался только для малышей, но ходили туда все, кому приспичит, от этого в их классе всегда пахло мочой. В правой перекладине находились на первом этаже — огромный кабинет труда для мальчиков, а на втором — спортзал. На лестнице никогда не горела лампочка, и добираться приходилось на ощупь, то и дело сталкиваясь со встречным потоком. Вспомнился и совсем молоденький физрук, который смешно командовал на разминке: «И-ресь, и-ресь, и-ресь, два, три!». Наверное, его распределили во «Врановскую» школу сразу после института. Щупленький, бледный, с подростковыми усишками, но очень милый.

При мысли о физруке, Дарью внезапно передернуло. Поверх смутных, размытых воспоминаний легло другое — кромешная тьма, горячая, соленая ладонь на ее губах и жаркий, пахнувший зубной пастой шепот прямо в ухо: «Только молчи, милая. Ни звука!».

Дарья зажмурилась и затрясла головой. Не время еще, нет... Она только напугается и снова все забудет. Надо постепенно...

Она мысленно спустилась из спортзала обратно в холл. Просторный, но всегда темный, несмотря на огромные окна. Лавочки вдоль стен, где на переменах собирались старшеклассники, широкая лестница, уходящая в подвал, где располагался гардероб. Напротив центрального входа статуя Ленина уже в полный рост и питьевой фонтанчик, направо — спуск в столовую. А рядом с Лениным — лестница на второй этаж. Та самая, с бряцающими отставшим железом ступенями.

Пробежавшись по деревянным полам второго этажа, Дарья не вспомнила ничего интересного. Разве что за актовым залом она немного задержалась. Там, в закутке был тесный кабинетик, где царствовала пугающая своим комсомольским рвением Анна Геннадьевна. Красная комната — предмет вожделения всех советских школьников. Там принимали в октябрята и пионеры, там произносились клятвы.

Дарья даже вспомнила, как выглядела Анна Геннадьевна. Худая, долговязая фигура с красным галстуком на жилистой шее; очки с толстыми линзами, только усиливающие безумный блеск глаз... По коридорам она двигалась всегда с таким видом, словно несла на плече винтовку, шагая в наступление на невидимого врага. Глаза устремлены строго вперед, шаг маршевый, губы решительно сжаты. Все — и учителя и ученики — расступались на ее пути. Анна Геннадьевна, конечно, была нелепым персонажем, каким-то пережитком прошлого, но и пугающим. Каждый должен был пройти через ее руки, чтобы получить заветный значок октябренька, пионерский галстук и комсомольский значок, поэтому никто из учеников не осмеливался обсуждать, критиковать или подшучивать над ней.

Дарья снова «спустилась» вниз и... столкнулась с бабой Надей. Та взгромодилась на стул и давила деревянной шваброй на клавишу школьного звонка. Синенький халат в мелкую ромашку, теплые трико, пухлые валеночки. Крошечная старушка, не выше самой Дарьи-первоклассницы, ведь в дни самоуправления, тот же самый звонок жали старшеклассники, даже не вставая на цыпочки.

Дарья вдруг вспомнила, почему мама назвала бабу Надю ее подружкой. Отец с матерью уходили из дома очень рано, еще до семи. И Дарье было очень страшно сидеть почти целый час одной в квартире, поэтому она уходила из дома сразу после родителей. Тогда о Чибисе еще никто не догадывался, а до школы было рукой подать. Всего-то выйти из двора, перебежать через дорогу и вот ты уже на школьном дворе. Баба Надя в силу каких-то обстоятельств, над которыми Дарья никогда не задумывалась, жила в школе.

Если двигаться по широкой, обитой мрамором лестнице к гардеробу, на полпути будет

еще одна лестница, спускающаяся направо. Один пролет и вот она — дверка в крошечную комнатку бабы Нади. А если пойти еще ниже — то упруешься в железную решетчатую дверь, всегда запертую на тяжелый навесной замок. Дарья с тревогой поглядела на эту дверь и поднялась обратно — к комнатке бабы Нади.

Старушка всегда открывала дверь черного хода, когда Дарья в него колотилась. Эти утренние часы, когда школа еще темна, и до прихода первых учеников почти час, были самыми любимыми. Баба Надя, без остановки шамкая и причмокивая, видимо, вставными челюстями, вела Дарью в свое жилище. Раскладушка, маленький шкафчик вроде кабинки в детском саду, школьная парта с кой-какой посудёшкой и одноконфорочная электроплитка. Вот и все богатство. Но на электроплитке Дарью уже ждала чугунная сковородка с жареной картошкой, а в пузатом чайнике прел густой листовой чай. Дарья уписывала безумно вкусную, хрустящую картошку, запивала крепким, сладким чаем и вполуха слушала неразборчивое бабинадино бормотание. Может, действительно, старушка была не в своем уме... Впрочем, Дарье тогда так не казалось. Она думала, что не может понять почти ни слова из-за проблем с речью — тех самых шамканий и причмокиваний...

При воспоминании о соленом, сдобренном чесноком и укропом вкусе жареного картофеля Дарья почувствовала волчий голод и виновато «вернулась» на лестницу. Вверх — путь обратно в гардероб, а вниз... Что там, за решеткой, Дарья не помнила. Помнила только, что однажды не нашла в гардеробе свою сменку и случайно заметила искомый бордовый полотняный мешок внизу — за этой решеткой. Всего-то спуститься, протянуть руку между прутьями...

А следом без перехода мерцающая тьма, соленая ладонь, душащая ее визг, и шепот *«Только молчи, милая. Ни звука!»*

Физрук! Олег Иннокентьевич, его звали... Где-то он сейчас?..

Дарья заморгала, с трудом отрывая взгляд от загнипнотизировавшего ее мутного блеска бутылки. Стоп... Может ли быть такое совпадение?

Она изо всех сил постаралась вспомнить его. Молодой, щупленький, с усишками, в голубом спортивном костюме с лампасами... лица же она совершенно не помнила. Дарья вскочила из-за стола, но тут же села обратно и сдавленно хмыкнула. Неужели она действительно собралась бежать в школу посреди ночи? Навалилась тяжелая, пьяная сонливость. Надо поспать, хоть и утро точно не будет мудренее вечера. Утро... опять беготня, изматывающая паника... К матери в больницу тоже надо...

Она попыталась дотянуться душой до дочери, попробовать почувствовать, жива ли та. В книжках у матерей всегда так получается. Но Дарья плохая мать. Не сберегла семью, увезла дочь в этот дикий край, не уследила... Она попыталась хотя бы вспомнить дочкино лицо, но и это у нее не получилось, словно после машинной пропажи прошло не три дня, а все тридцать лет.

...

Утром Дарья, борясь с похмельной тошнотой и головокружением, первым делом отправилась в школу. Ошарашенный и заспанный охранник сообщил, что Олег Иннокентьевич обычно приходит не раньше девяти.

— Могу я подождать его здесь? — спросила Дарья.

— Ждите... Может, кофе вам налить?

Охранник жалостливо глядел на нее. На нее все в поселке теперь глядели так же — с жалостливым любопытством. Дарья была уверена, что каждый пытался примерить на себя ее

незавидную роль, представить, что бы сам чувствовал и делал на ее месте. И одновременно благодарил бога, что произошло это с ней, а не с ним.

— Спасибо, не нужно, — Дарья посмотрела на часы, которые показывали начало восьмого, — А можно мне пока... погулять по школе? Я сама, знаете ли, училась здесь когда-то...

Охранник пожал плечами и повел рукой, мол, пожалуйста.

Дарья огляделась. Школа была, с одной стороны та же, а с другой — совершенно другая. По мере того, как охранник в своей клетушке за стеклом поднимал рычажки рубильников, такой родной утренний полумрак озарялся трещащими под потолком лампами.

Лестница на второй этаж все там же, но подле нее ни Ленина, ни фонтанчика, ни шаткого столика, за которым сидела когда-то баба Надя, оберегая от школьных хулиганов заветную клавишу звонка, ни самой бабы Нади, ни звонка. Пол расходящихся на три стороны коридоров был когда-то с подъемами и скатами, словно повторяющими естественный ландшафт, а теперь выровнялся и сверкал свежей плиткой.

Дарья поднялась на второй этаж. В прошлый раз она почти ничего не видела перед собой, сразу ворвавшись в кабинет директора, а теперь с каким-то облегчением поняла, что и здесь все изменилось до неузнаваемости. Новые двери, новые стены, никаких деревянных полов. В актовом зале, где когда-то не было ничего, кроме деревянного же помоста и Ленина, теперь стояли ровные ряды кресел, сцена с огромным белым прямоугольником экрана, осветительное оборудование и проектор. За актовым залом, вместо Красной комнаты, теперь находился школьный музей, а под ним табличка: «Зав. музеем Лизовская Анна Геннадьевна».

«Боже...», — изумилась Дарья, шаря глазами по табличке, — «Она не только жива, но и продолжает работать?! Сколько ей тогда было? Пятьдесят? Уж точно, не меньше...».

Она вернулась в актовый зал и подошла к большому стенду, напоминающему архаичную доску почета. Там красовался весь школьный штат. Около десятка учителей, несколько методистов, два охранника и... два знакомых лица. Анна Геннадьевна и Олег Иннокентьевич.

Геннадьевна была без очков (видать, линзы), но все та же, узнаваемая, хоть и постаревшая. А вот Олег Иннокентьевич... Она долго всматривалась в его лицо, пытаясь понять, тот ли это молоденький физрук или она просто хватается за соломинку? Крупное, щекастое лицо, торчащая щеткой надо лбом густая чернявая шевелюра, пиджак и галстук на крепкой, бычьей шее. Вроде бы ничего с общего с субтильным юношей в голубом трико... Но что-то неуловимое... Или ей это только мнится?

Дарья вернулась на первый этаж, выдавила улыбку наблюдающему за ней охраннику и стала спускаться по все той же, выложенной белым мрамором лестнице. В гардероб. Сердце тут же начало скакать и сбоить. Она закрыла глаза. Вот-вот широкие мраморные перила должны оборваться... Но разрыва не было. Через несколько секунд Дарья глухо вскрикнула, наткнувшись на стену, и открыла глаза.

— Я не могу там включить, — послышался сверху извиняющийся голос, — свет на лестнице включается из гардероба...

Когда-то это был просто широкий, бездверный проем ведущий к большому подземному залу, где на деревянных панелях в беспорядочном множестве вместо крючков были набиты гвозди. Теперь проем закрывала пластиковая панель со стеклом. И магнитный замок. Дарья обернулась и поглядела наверх. Лестница была одна. Ее ответвление, где пряталось жилище

бабы Нади и невесть куда ведущая железная решетка, видимо, со временем было заложено кирпичом и обито плиткой.

Все в ней моментально потухло. А ведь будь на месте эта решетка, Дарья знала бы, куда идти. Перегрызла бы ее зубами, если, конечно, охранник отказался бы ее отпереть...

Глава 3

— Есть какие-то новости? — директор пропустил Дарью вперед, вошел следом в свой кабинет и щелкнул выключателем. Серенький рассвет за окном снова потемнел, откатившись на час назад.

Дарья покачала головой, села на предложенный стул и приняла в руки кружку растворимого кофе, к которому уже начала привыкать. Олег Иннокентьевич был в явном замешательстве от повторного визита. Повесив пальто в шкаф, он сел в свое кресло и, прокашлявшись, затянул стандартную успокоительную речь:

— Не стоило ей, конечно на окраину выходить. Лес там с виду светлый, приветливый, но стоит сделать лишний шаг... Впрочем, не теряйте веры... Ноябрь — не приговор, ведь морозов пока не было...

— Как давно вы здесь работаете? — прервала его Дарья.

— О-о... столько не живут, — улыбнулся он, — Сразу после института. Через два года буду отмечать жемчужный юбилей, если, конечно, можно свадебные даты использовать в трудовом стаже.

— Вы меня совсем не помните? — спросила Дарья и, видя его затруднения, подсказала, — ...Чиби́с.

Олег Иннокентьевич уставился на нее, нахмурил брови, губы его шевелились.

— Да... ша? — вдруг, спотыкаясь, пробормотал он, и глаза его расширились то ли от потрясения, то ли от удивления. Дарья вполне допускала и то, и другое. Он умолк и застыл в настороженном ожидании.

— Это я..., - Она облегченно улыбнулась, — Я до последнего не была уверена, что это вы. А ведь вы... когда-то спасли мне жизнь...

— Вот дела..., - Олег Иннокентьевич шумно выдохнул и провел рукой по густой щетке волос. Они на мгновенье прижались к голове, но тут же снова встали дыбом, — Невероятно...

— Тоже не буду утверждать, что вы совсем не изменились...

— Как ты... вы...? — он умолк.

— Я этого не планировала, — Дарья вздохнула, — Семейные неурядицы. Приехала к маме, чтобы пережить... И вот...

Глаза снова оплыли слезами, и она, по-детски кривя рот и хватая им воздух, разревелась. Олег Иннокентьевич некоторое время растерянно и ошарашенно глядел на нее, потом вышел из-за стола и прижал ее голову к своей белой рубашке.

— Тише... Тш-ш-ш..., - шептал он совсем как тогда, в том жутком подземелье, и Дарья заревела еще громче. И от жалости к себе, и от внезапного облегчения, что появился рядом кто-то, кто может *по-настоящему* ее понять. Мать не в счет. Во-первых, она в больнице, а во-вторых, с самого начала всю вину справедливо возложила на Дарью. Напрямую она, конечно, этого не говорила, но это и не было нужно. Ее взгляд был красноречивее любых слов.

Когда поток слез иссяк, Дарья шумно высморкалась в предложенные ей одноразовые салфетки и виновато улыбнулась, указывая на большое, мокрое пятно на его животе.

— Высохнет, не переживай...те, — отмахнулся Олег Иннокентьевич, — Простите, мне трудно, ведь вы все-таки были моей ученицей, и я прекрасно помню ваши смешные косички,

торчащие в разные стороны, как у Пеппи.

Дарья улыбнулась, от его слов стало так тепло.

— Для вас я просто Даша.

Они помолчали, но это было приятное молчание старых знакомых, имеющих общее прошлое. Олег Иннокентьевич первым нарушил его.

— Так... чем я могу тебе помочь? Ты ведь не просто так пришла в семь утра?

— Мне кажется... Машка не в тайге.

— В поселке тоже ведутся активные поиски.

— Да, я знаю, но мне кажется, она..., - глубокий вдох, — Не выходила из школы...

Брови Олега поползли вверх, и Дарья поспешила объяснить:

— Мне кажется... я почти уверена, что то, что произошло со мной в детстве... то же самое произошло и с ней...

Олег надолго замолчал, настороженно вглядываясь в ее лицо.

— За одним маленьким исключением, — произнес он осторожно, — Чибисов давно мертв и даже, я уверен, успел сгнить в своей безымянной могиле... Или ты думаешь, что у него появился последователь?

Дарья сморщилась и покачала головой.

— Мне кажется, там было что-то еще, что-то гораздо *большее*, чем Чибис. Я пришла, потому что надеялась, что вы мне поможете вспомнить... потому что я совсем ничего не помню ... Остались лишь ощущения.

— И слава богу. Твой отец поступил крайне мудро, сразу забрав тебя из поселка, прочь от пережитого. К тому же тебе требовалась квалифицированная медицинская помощь, а здесь весь медицинский штат состоял из молоденького фельдшера-недоучки — по кличке Сопля — и двух медсестер пенсионного возраста, — Олег откинулся на спинку, сочувственно, но строго посмотрел на нее, — Даша, зачем тебе потребовалось сейчас это все ворошить?

Дарье показалось, что он хотел добавить «*Вместо того, чтобы бросить все силы на поиски дочери*», но из деликатности промолчал.

— Дело в том, что за несколько дней до исчезновения Маша сказала одну вещь, которая не дает мне покоя... Это так перекликается с тем, что я сама пережила тогда... и было напрямую связано.

— Не темни.

Дарья глубоко вдохнула и медленно, тщательно подбирая слова, произнесла:

— Она сильно припозднилась и объяснила это тем, что потеряла сменку. И что *баба Надя* — гардеробщица — помогла ее найти. А я прекрасно помню, что, когда я училась, тоже была баба Надя и... в передрыгу я попала, потому что тоже искала сменку.

— У нас нет никакой гардеробщицы, — удивился Олег, — Гардероб, как и 70 лет назад, на самообслуживании. Мы только поставили недавно дверь и магнитный замок, чтобы успокоить особо мнительных родителей и учеников.

— Но..., — Дарья беспомощно хлопала красными глазами, — Ведь... А как же *баба Надя*?

— Мне кажется, девочка просто выдумала эту историю, чтобы ты не ругала ее за опоздание. А сама, тем временем, гуляла с подружками...

— Но я-то свою бабу Надю точно не выдумала! А если вы будете намекать на обратное, то моя мама тоже ее помнит и...

— Тише, не заводись, — Олег задумался, рассеянно катая шариковую ручку по столу, и протянул, — Во дела-а...

Он ткнул кнопку на стоящем рядом телефоне и, когда через мгновение по громкой связи раздался голос, попросил: «Елена Анатольевна, будьте добры, принесите мне личное дело Скляровой Надежды Прокопьевны, работала в 80-ых годах, а может, и раньше. Точный период не помню».

Через несколько минут в кабинет постучали и передали Олегу Иннокентьевичу тоненькую картонную папочку.

Дарья во все глаза следила за тем, как директор пролистнул несколько вложенных в папку страничек, достал пожелтевшую личную карточку с отпечатанным на машинке текстом и протянул ей через стол. В уголке была приклеена фотография женщины средних лет со строгой прической, которая совершенно ни о чем Дарье не говорила. А Олег, ознакомившись с записями, произнес:

— Склярова Надежда Прокопьевна, 1920 года рождения. Она действительно работала здесь с 1975 по 1988 годы. Бывшая фронтовая медсестра. На войне была контужена и получила пожизненную инвалидность. Судя по документам, ни семьи, ни детей... Бог весть, каким ветром ее занесло в наш поселок, но здесь она нашла приют и работу. Жила здесь же, в школе. Выполняла кой-какую посильную работу — помогала в столовой, давала звонки, мыла полы...

— Да, да, — Дарья энергично закивала, — Это она, только, видимо, фото совсем старое... Вы ведь... тоже помните её?

— Помню, как не помнить. Одинокая, слабоумная и совершенно безобидная старушка, — Олег внимательно и, одновременно, смущенно поглядел на Дарью, — В чем суть, я не пойму. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что Надежда Прокопьевна восстала из могилы и похитила твою дочь?

— Из могилы..., - плечи у Дарьи опустились. Она и не подумала, что если бы баба Надя была жива, ей было бы уже к ста годам...

— Уволена по причине смерти в 1988 году.

— То есть практически сразу после того, как...

— К чему ты клонишь? — Олег закрыл папку и посмотрел на собеседницу.

— Я не знаю, — уныло призналась Дарья, — Но это так... похоже... Я помню ее комнатку по пути к гардеробу. И лестницу, ведущую ниже — в какой-то глубокий подвал. С железной решеткой... Я тогда потеряла сменку, пошла к бабе Наде за помощью, но не нашла ее ни на своем месте у звонка, ни в столовой, ни в ее комнате, а потом увидела свой мешок. Он лежал в самом низу, за той дверью! Всего-то стоило спуститься и протянуть руку между перекладинами....

Дарья сглотнула, пальцы ее судорожно переплелись под грудью.

— Я так и сделала, только мешок не достала, потому что кто-то его отдернул прочь... в темноту. Дверь же оказалась открытой, и я пошла... А дальше совсем темно... Что это за место было?

— Когда началась война, там сделали бомбоубежище, единственное на весь поселок, но очень просторное. Оно соединялось подземными коридорами с детским садом, расположенным напротив. Естественно, после войны засыпать его никто не стал, навесили только с двух сторон крепкие решетки, чтобы детишки случайно туда не забрели.

— А дальше?

— А дальше был Чибис, — Олег вздохнул, явно не желая погружаться в воспоминания, — Он работал в детском саду сторожем. И, конечно, имел доступ к ключам от бомбоубежища. Видимо, он решил, что это отличное место, чтобы расправляться с детишками. С одной стороны, школа; с другой — детсад. Ясно, что он каким-то образом смог сделать дубликат со школьных ключей. Спускался в переход из детского сада и через несколько минут был уже у школьной решетки. Таился, следил, высматривал, потом приманивал. Возможно пресловутой сменкой... Только не понятно, куда потом девал тела, ведь те переходы потом обшарили вдоль и поперек, и ничего не нашли. Кроме мальчика, которого он утащил прямо из детского сада и которого не успел спрятать. А после того, как его поймали, администрация приняла решение заложить эти двери, и где-то через год дело было сделано.

— А не могла ли Баба Надя ..., - Дарья опустила глаза, — быть... его сообщницей? Может, она и отдала ему ключи, или, например, в условленное время сама отпирала решетку?..

— Нет. Не могла, — сдержанно ответил Олег Иннокентьевич, — Я бы скорее предположил, что Чибисов хитростью выманил у нее ключи или просто забрал их, пока она отвернулась. Уверен, это было не сложно, ведь старушка была не от мира сего. Но обвинять ее в сообщничестве... просто аморально и преступно.

— Да. Она была душкой. Каждое утро отпирала мне черный ход, кормила завтраком..., - Дарья вздохнула, — А я? Как было со мной?

— Я шел к Надежде Прокопьевне, чтобы взять ключи от спортзала и увидел, что дверь в убежище приоткрыта. Пошел посмотреть и вдруг услышал твой истошный визг. Побежал и в полутьме увидел, что ты стоишь посреди перехода, а впереди маячит какая-то безобразная фигура, вроде паука. Я даже сперва подумал, что это и есть огромный, человекообразный паук, но потом сообразил, что это мужчина, который держит на руках ребенка, поэтому и конечностей так много... Я отдернул тебя назад и оттащил в какой-то темный закуток, где мы затаились. А когда Чибис прошел мимо, мы припустили обратно — в школу. Я тут же вызвал милицию, и... в общем-то все. Его быстро поймали и скрутили. А потом увезли в Красноярск, судили и расстреляли.

Раздался оглушительный звонок, от которого Дарья подпрыгнула на стуле, а следом школа наполняется гулом, гомоном, хлопаньем дверей, смехом, шелестом шагов. Она глянула на часы и поднялась. Пора обратно в Ад.

— Держи меня в курсе, — попросил Олег Иннокентьевич и написал Дарье на листке из отрывного блокнота свои домашний и рабочий телефоны, — Если потребуется помощь — любая — не стесняйся, звони. Я, знаешь ли, не последний человек в поселке. Но, насколько знаю, местные и краевые власти делают все возможное...

Дарья смущенно свернула листочек, сунула в карман и двинулась к двери. В голове неожиданно запорхали какие-то посторонние, не имеющие с ней ничего общего, мысли. Может, и ему дать свой телефон? Вдруг позвонит... Как-то будет звучать его голос в трубке? Он наверняка женат, но она так далеко не заглядывает. Ей только бы немного тепла, мужского плеча, поддержки... пока она не найдет дочь — живой или мертвой — и не уедет отсюда...

И о чем она только думает?! Ужаснувшись, она даже не попрощалась и заторопилась прочь.

...

Начался новый день и новая беготня. Сначала Дарья прибежала домой, приняла запоздалый душ, выпила еще одну чашку противного растворимого кофе, переделалась и побежала в штаб поисковиков, чтобы узнать последние новости и прогнозы. Группа по-прежнему прочесывала периметр. Из-за небольшой оттепели сошел снег, что затрудняло поиски, но, с другой стороны, тепло добавляло шансов Машке. Она уже второклассница. Если сообразила соорудить себе шалаш или нашла небольшую пещерку, у нее были все шансы дождаться помощи. Помыкавшись, Дарья забежала в магазин и, купив кой-каких продуктов, припустила в больницу — мать тоже надо навестить.

Та — осунувшаяся и постаревшая — испуганно завозилась на своей койке, суматошно заглядывая дочери в глаза, но та покачала головой. Никаких новостей.

Разговор не клеился. Валентина Ивановна явно не понимала, почему дочь понуро и стыло сидит возле ее кровати, вместо того, чтобы... что-то делать. Дарья тоже не понимала, но продолжала сидеть, уткнувшись опухшим лицом в растопыренные ладони. Она не знала, что делать, а носиться, сломя голову, как последние дни, казалось ей бессмысленным.

— Пойди к эвэнкил, девочка, — послышался вдруг натужный голос. Дарья испуганно вскинулась и воззрилась на мамину соседку по палате — дебелую женщину, которая в момент ее прихода крепко спала.

— Что вы сказали?

— Мне помогли, — ответила женщина и с трудом перевернулась на бок, — Даже место указали, где искать.

— Я же вас просила оставить свои сказки при себе! — вскинулась мать и тут же выдала дочери, — А ты не слушай! Нам сейчас только колдунов не хватало!

— И... нашли? — Дарья затаила дыхание.

— Нашли, — ответила женщина.

— Еще «Битву экстрасенсов» пригласи — они тебе тоже найдут...

Дарья, не обращая внимания на мать, поднялась и переставила табурет поближе к женщине.

— Сынишка мой — Антошка — пропал пять лет назад, — женщина прикрыла глаза и отдышалась, — Тоже бегали всем поселком, искали. Толку ноль. И подсказали мне найти эвэнкил. Они, де, помогут.

— *Эвэнкил?* Вы об эвенках?

— О них. Но из глубокого уважения к этому народу... называю их так, как они сами себя именуют. Алтанай сразу нашел сына, и место указал, где искать. Антошку моего... медведь погрыз. Прикопал да и... видимо, забыл про схрон.

— Я вам очень сочувствую, — Дарья сглотнула. Вероятность найти дочь мертвой, казалась уже не самым худшим финалом. Страшнее было не найти ее вовсе и всю оставшуюся жизнь мучиться в скорби и неизвестности. Душа ее уже настолько была истощена, что она готова была к любому исходу, лишь бы он наступил поскорее, — А сколько лет было... Антошке?

— Девятнадцать. Из райцентра приехал на каникулы, на охоту собрался. Это потом уж шаман объяснил, что медведь много раз предупреждение оставлял — царапины на деревьях. Сказал, медведь таким образом человека на бой вызывает. Человек же, если не согласен биться, должен пониже его отметин свои сделать — ножом, тогда зверь отступится. Но откуда Антошке было знать...

— Ну-ну, — фыркнула Валентина Ивановна, — слушай, Дадуня, сказки народов мира,

пока твоя дочь... Тебе надо немедленно пойти к соседке Людмиле. Мы с ней вместе список составляли местных маргиналов, да не всех успели обойти. Ты, конечно, амеба, но Люда пойдет вместе с тобой и поможет.

Дарья с отсутствующим видом посмотрела на мать, потом склонилась ближе к женщине и спросила:

— А где искать то их? Эвенков?

— У истока Тунгусски они всегда зимуют. Край дремучий, но не далекий. Сама ты, конечно, не найдешь, но, если поспрашиваешь местных — кто постарше и попытнее — они проводят. Здесь не далеко, меньше дня ходу, а если на больших колесах, то часа за два добраться можно. Я бы и сама проводила, но, как видишь... скорее, провожу на тот свет, — женщина грузно заколыхалась под одеялом, и Дарья не сразу поняла, что та смеется.

— Тайга..., - Встрепенувшись поначалу, она снова стала затухать. Она и тайга были на разных полюсах мироздания... Если только, действительно, кто-то поможет...

Дарья поблагодарила женщину и поднялась.

— Неужто собралась?! — испугалась мать, — Мне еще только не хватало *тебя* разыскивать!

— Мам, ты выздоравливай скорее, — Дарья поцеловала ее в мокрую, холодную, щеку и поспешно вышла из палаты. Вслед ей неслись причитания и упреки.

Вернувшись домой, она в который раз прокляла этот богом забытый поселок, в котором из всех благ цивилизации — разве что смывной туалетный бачок. Гугл карты не желали грузиться. Тогда она порылась на пыльных антресолях и нашла старый атлас мира. Чувствуя себя первобытной женщиной в пещере, она, морща от напряжения лоб и высунув язык, нашла карту местности и долго пыталась сориентироваться, где поселок, а где тот самый исток, а потом рассчитать километраж.

Если двигаться по прямой, всего-то 30 километров. На машине по трассе это расстояние можно преодолеть минут за 10. А тут тайга... Пойти к Людмиле и попросить у нее помощи? Может, она или дядя Паша — ее муж — знают кого-то, у кого есть хороший автомобиль и... желание прокатиться по ноябрьской тайге... Нет, лучше там не появляться. Она, конечно, тут же снарядит Дарью на битву с местными маргиналами, а она, Дарья, настолько истощена, что не сможет ей противостоять... А больше она в поселке никого и не знала.

Она подумала про поисковиков и их маленький, шустрый вертолет, но понятия не имела, как их уговорить отвезти ее к эвенкам. И вдруг на нее снизошла благодать!

«Олег Иннокентьевич!» — воскликнула она, снова побежала в школу и уже через 10 минут сидела на том же самом стуле, что и с утра. Выложив директору свои соображения, она закончила:

— Вы обещали помочь, вот я и пришла... Помогите мне выпросить у поисковиков вертолет... Совсем ненадолго. Он все равно стоит который день без дела. А тут ведь недалеко. И пилоту заделье, и топлива совсем немного потратится...

— Ты, наверное, шутишь, — Олег настороженно смотрел на нее, — Что я им скажу? Про колдунов? Или, может, медведей-дуэлянтов?

— Ну, вы же сами сказали, что не последний человек в поселке! Может, и не нужно будет ничего объяснять! Они так и так первые сутки крутились над тайгой, только не там, где надо. А тут... ну, не знаю, может, сказать, что получили анонимку, что видели девочку на стоянке кочевников...

Олег молчал, исподлобья изучающе глядя на Дарью. Уж не рехнулась ли со страху? Она насупилась под этим взглядом.

— Ладно... я сама... Если не дадут вертолет, попрошу местных. У кого-то в этой дыре, конечно, есть хороший внедорожник. А нет, так возьму отцовскую палатку и пойду пешком.

Голос ее дрожал, но был полон решимости, которой она совершенно не ощущала. Вся надежда была на то, что он ее толком не знает... не знает, какая она амёба, и поверит. Если бы напротив сидел ее муж, то только усмехнулся бы. *Ага, пойдет она, пешком, с палаткой — флаг в руки, барабан на шею!*

Если Олег ей не поможет, она... скорее всего, вернется домой, допьет остатки коньяка, а потом спустится ниже этажом к Людмиле. И пусть та решает, что делать дальше. Ломиться в квартиры местных алконафтов, искать машинные следы пребывания по подвалам — все равно.

Дарья поднялась и сделала шаг к двери.

— Подожди, — Олег откатился со своим креслом к окну и долго глядел на гоняющих мяч школьников, то и дело невесело усмехаясь и покачивая головой. Потом обернулся к ней и слабо улыбнулся, — Ты лучше скажи, когда последний раз ела?

Дарья недоуменно пожалала плечами. Какая разница?

— Я отвезу тебя, — Олег поглядел на часы, — Но выезжать надо как можно скорее, чтобы успеть добраться до темноты. Мне надо кое-что доделать, а через полтора часа я жду тебя у себя. Вот адрес.

Дарья от облегчения снова разрыдалась, с трудом сдержавшись, чтобы не кинуться ему в ноги. Он снова спасает жизнь! На этот раз Машкину...

— Сходи пока домой, вдруг появились какие-то новости. Из вещей возьми только теплую обувь. Унты или что-нибудь вроде того. Остальное я беру на себя.

Дарья кивнула, постаравшись вложить в свой взгляд всю благодарность, на какую была способна.

— Только..., - Он немного смутился, — Лучше никому не говори, что собралась к кочевникам. А если не удержишься, то... хотя бы меня не упоминай. Видишь ли...

— Я понимаю. Репутация... Я никому ничего не скажу.

— Тогда до встречи.

Дарья выскользнула в коридор, со смутным любопытством подошла к зеркалу и оглядела себя. Да уж... неудивительно, что Олег Иннокентьевич спросил, когда она в последний раз ела. С той стороны на нее таранился красными, отекавшими глазами скелет. Пухлая куртка не скрадывала, а, наоборот, подчеркивала ее худобу. Все лицевые косточки были туго обтянуты шелушащейся, обветренной кожей. Прелестные карие веснушки, густо усыпавшие ее переносицу и прежде молодящие ее, теперь выглядели неопрятной старческой пигментацией, а бледно-рыжие, похожие на проволоку, волосы торчали дыбом, как у домовенка Кузи.

Она отвернулась от зеркала и тут же словно съежилась до размеров семилетки. Как и тридцать лет назад Анна Геннадьевна стремительно шагала ровно по центру коридора, игнорируя наличие встречного потока. Да, постарела, да, совсем высохла и одряхла. Но это без сомнения была она. Тот же иступленный до фанатизма, сканирующий взгляд, от которого встречный поток расступался перед ней, как воды Красного Моря перед Моисеем. Разве что красного галстука на жилистой, тощей шее не хватало и комсомольского значка на груди.

Дарья прижалась к стене, пропуская нелепую и, одновременно, жуткую фигуру. Та задержала на ней немигающий, мутный за толстыми линзами взгляд, губы ее недовольно поджалась, словно вынося Дарье вердикт — такую в пионеры не возьмут. А потом без стука вошла в директорский кабинет и закрыла за собой дверь.

Дарья отлепилась от стены и потащила домой. Впереди полтора часа — целая вечность — прежде чем она, наконец, начнет делать что-то для своей дочери! Лучше было бы сразу отправиться по адресу, но оставалась еще смутная надежда, что во дворе ее встретят возбужденные соседки и сообщат радостную новость. Ну, или хоть какую-нибудь новость... С витрин магазинов и остановок на нее тут и там глядели машинки. Уже порядком выцветшие и пожамканные после снега и следовавшей за ним оттепели. «ВЫШЛА ИЗ ШКОЛЫ И ПРОПАЛА».

Снова и снова в мозгу билась уверенность, что если бы Машка *вышла* из школы, то непременно пришла бы домой. А то, что она вышла... нет тому никаких подтверждений, кроме заверения учителя. А учитель был уверен только в том, что Машка после последнего урока вышла из класса. Ни камер, ни свидетелей. Никто из ребят тоже ничего не мог вспомнить. Даже дурак-Подковыров, уличенный в нежных чувствах к ее дочери, только

испуганно фыркал и возмущенно утверждал, что знать ее не знает и в глаза никогда не видел.

Зайдя к Людмиле, Дарья предупредила соседку, что до утра ее не будет. Мол, убедила кой-кого из волонтеров повозить ее по тайге чуть в стороне от основных поисков. Потом собрала небольшую сумку, в которую кинула пару шерстяных носков, теплый свитер, бутылку воды и смену белья, хоть и сомневалась, что ей представится возможность в дороге сменить трусы.

...

Дом Олега Иннокентьевича располагался на самой окраине поселка, можно даже сказать — за окраиной. Среди высоких кедров, сосен и пушистых елок стоял высокий кирпичный забор с автоматическими воротами. А во дворе просторный, одноэтажный дом и, в притирку к нему — огромный гараж, который, как вскоре выяснилось, был и гаражом, и мастерской, и кладовкой, и погребом. Аккуратный, вымощенный тротуарной плиткой дворик был аскетически пуст. Ни цветочных клумб, ни теплички. Лишь беседка с большим мангалом и жаровней-гриль. Все ей говорило, что не встретят ее на пороге ни подтянутая, моложавая жена, ни пара-тройка разновозрастных детишек.

Когда она пришла, Олег уже был дома и занимался жаровней, раскладывая на раскаленной решетке несколько увесистых стейков.

— Ого..., - Дарья улыбнулась и потянула носом дымок. Невероятно, но на нее вдруг навалился страшный голод. А ведь еще час назад она стояла у открытого холодильника, пытаюсь заставить себя сварить хоть пару яиц, и не смогла, — Вы кого-то ждете?

— Перекусим по-быстрому, а остальное возьмем в дорогу. На гарнир времени нет, но я уже загрузил пару контейнеров с овощами и хлеб, — он поймал Дарьин недоуменный взгляд и пояснил, — Заночевать придется в тайге, а к рассвету выйдем обратно. Не переживай, я даже на работу не опоздаю. Еды только кажется много, но ты просто не представляешь, как тайга будит аппетит.

— А почему не выехать сразу?

— Опасно. В ночном лесу лучше вести себя тихо, а мой старичок, знаешь ли, очень горластый, — Он кивнул в сторону приготовившегося к путешествию старенького, но ухоженного вездеходика с изображением таящегося в кустах льва на боку, — По молодости часто выбирался на охоту и рыбалку, но с возрастом делать это стало все ленивее.

Дарья с любопытством взглянула на него. Сколько ему? 54–55? Выглядел он на десяток лет моложе. Если верить недавнему отражению в зеркале, даже сама Дарья в свои 37 выглядела сейчас старше него. А не верить ему оснований не было... Удивительно, что его никто до сих пор не охотул. Впрочем, возможно, что он приверженец свободных отношений...

Вскоре она получила в руки картонную тарелку с огромным куском мяса, горбушку хлеба, горочку маринованного лука и кружку свежесваренного кофе.

— Спасибо вам за все, — жалобно пробормотала Дарья, жуя сочное, с хрустящей корочкой мясо, — Для меня никто и никогда не делал столько, сколько вы... А, вы ведь в сущности посторонний человек... Я понятия не имею, получится ли у меня когда-нибудь отблагодарить...

Пообедав, они забрались в хорошо прогретое нутро вездехода и двинулись в путь. Тепло, уютно. В желудке ощущалась давно забытая, сытая тяжесть. Дарья с удовольствием подливала себе из термоса сладкий, крепкий кофе и глазела на густой, сумеречный лес.

— Вы без карты..., - произнесла она, — уже ездили к ним?

— Я хорошо знаю Тунгусску. Много раз ездил на рыбалку. Но нет, к шаманам я пока не обращался. И да. Я не женат.

— Что?

— Видел, как ты осматриваешь мое жилище не предмет женской руки, — Он кинул на нее озорной взгляд, но тут же снова посерьезнел, — Как-то не сложилось. Дело не в женщинах. Дело, наверное, во мне. Слишком ценю свое личное пространство и с трудом переношу чье бы то ни было общество. Это еще с юности пошло. Наверное, поэтому отработав положенный срок, не сорвался прочь отсюда к огням большого города, хотя были такие возможности. Ну, а после того, как, благодаря тебе, я стал местным героем, то и карьера пошла в гору... Поэтому это скорее я тебя должен благодарить за в общем-то счастливо сложившуюся жизнь.

Они помолчали. Из динамиков негромко звучал старый, умиротворяющий джаз. В салоне пахло освежителем воздуха, кофе и кожей. Подсветка на приборной панели навевала что-то радостное, новогоднее. Вот бы еще Машка сейчас была с ними... Щебетала бы что-нибудь на заднем сидении...

— Скажи, — спросил он вдруг, разгоняя ее мысли, — Чего ты от них ждешь?

— Та женщина сказала, что они укажут, где Машка.

— И ты на самом деле веришь в это?

— Мне нужно во что-то верить. Разве вы не понимаете?

— Ты.

— Что?

— Просто Олег. Пока мы не в стенах школы, конечно... Почему бы тебе не поверить в профессионализм поисковиков? Эти ребята знают свое дело... Или ты по-прежнему считаешь, что ее нужно искать в школе?

— Я не знаю, где она. Но точно не в тайге и не в подвалах. Что-то внутри постоянно нашептывает, что она гораздо ближе, чем возможно, но при этом предельно... далеко, где ее не найдет ни один самый опытный поисковик. Не знаю, как объяснить. После того, как вы... ты рассказал о том дне, я много раз пыталась вспомнить, но, хоть убей, я не помню тот момент. Тот... коридор и Чибиса с ребенком на руках. Мне вообще кажется, что я впервые увидела Чибиса, когда милиция запихивала его в бобик. Но вместо Чибиса мне навязчиво лезет в голову что-то... серебристое и... свечи.

— Серебристое? — Олег изогнул бровь.

— Да... что-то вроде..., - Дарья умолкла, мучительно подбирая слова, — Что-то похожее на поплывшее зеркало... Ну, словно поверхность его была жидкой...

— Могу тебя заверить, что ничего подобного я не видел...

— Может, это было до того, как ты нашел меня...

— Но ведь и милиция прочесала все переходы и ничего подобного не нашла.

Дарья пожала плечами.

...

Костры они увидели еще издали. Тайга поредела, расступилась, издали за громогласным ворчанием мотора послышался шум реки. На просторной поляне над небольшим, бурным водопадом расположились около десятка конусообразных хижин, над которыми ввысь ползли приветливые дымки. Лаяли собаки, гомонили люди, смеялись дети.

— Они... как цыгане..., - пробормотала Дарья, глядя в поселение.

— Их так и называют — таежные цыгане, — рассеянно ответил Олег и притормозил на краю, — Посиди в машине.

Он вышел и удалился в направлении самой большой хижины. Дарье сразу стало тоскливо, одиноко и тревожно. Она чувствовала на себе десятки липких раскосых взглядов. А когда внезапно на боковое стекло оперлись две пары массивных лап и появилась огромная, как у теленка, собачья голова даже вскрикнула и отшатнулась. «Кавказец? Алабай?» — гадала она, вглядываясь в умные и злые собачьи глаза и мечтая, чтобы Олег скорее вернулся.

Олег действительно вернулся быстро и явно был чем-то доволен, усаживаясь за руль.

— Что там? — спросила Дарья.

— Подожди, — был краткий ответ.

Через несколько минут к машине подошли несколько эвенков и поманили Дарью за собой.

— Собаки..., - пробормотала она, взявшись за ручку двери и с испугом глядя на Олега, — Ты разве не пойдешь со мной?

— Не бойся. Не тронут, — ответил он, — Иди. Колдун согласен принять только тебя одну.

Дарья неуверенно вышла из машины и последовала за провожатыми, чувствуя, как морды псов тычутся носами ей сзади, но не смея даже оглянуться а, тем более, отогнать их.

Один из эвенков приподнял край оленьей шкуры и пропустил Дарью в чум. Внутри было тепло и светло. Дым от расположенного по центру костерка уходил прямым вверх — в круглое отверстие в крыше. Справа на циновках, шкурах и подушках расположилась небольшая группа женщин, слева — мужчины, а перед костерком и подвешенным над ним на железном крюке котлом сидел высохший старик. В мутном бульоне плавали огромные куски жирного мяса и какие-то травы.

— Говори, — Он сонно приподнял глаза на Дарью и снова опустил их.

Дарья растерялась и начала сбивчиво и смущенно пересказывать события последних дней. Но тот вскоре перебил ее:

— Не то говоришь. Кого ищешь? Дочь?

Дарья кивнула.

— Родная?

— Да.

— Дата рождения?

— Моя или...

Старик снова словно с трудом приподнял веки:

— Пропавшей.

— Эм... да, конечно. 30 июня 2009.

— Время рождения?

— Около пяти вечера... точно не помню...

— Родила сама или резали?

— Кесарево — да.

— Причина?

Дарья смутилась.

— Вы Алтанай? — спросила она, — Почему моего друга не пустили?

— Алтаная нет. Мытарит. Но тебя примет его внук, — снова короткий взгляд, — А что

не пустили твоего приятеля, так у шамана шкура не казенная

— Как это?

— Он не отец ребенка, а на зевак Тамнар-гун силы не расходует. Причина кесарева?

— Странные вопросы... — Дарья скосилась в сторону сидящих в углу мужчин, — Ну, допустим, отсутствие родовой деятельности...

— Рождена в браке?

— Да...

— Полное имя. Включая и то, что дано при крещении.

— Мария Евгеньевна Телепнева... некрещеная.

— Прозвища, клички?

— Просто... Машка...

Дарья чуть приподнялась на цыпочках и увидела, что глаза старика не просто так смотрят вниз. Все это время он что-то черкал на кусочке березовой коры, крошечным ножичком.

— Когда пропала?

— Прошел четвертый день...

— Точные дата и время, когда ты ее в последний раз видела?

Дарья замешкалась. На ум пришло то утро, когда мать собирала ее в школу. Но...

— Не видела... слышала. Но моя мать ее видела утром четыре дня назад. И учитель...

— Точная дата и время, когда *ты* ее в последний раз видела?

Дарья припомнила последний вечер. Какая-то рябь и раздражающее мельтешение, на котором никак не удавалось, да и не хотелось сосредоточиться. Это Машка пыталась изобразить перед ней танец, который они разучивали в школе к Новому году... Можно ли сказать, что она тогда Машку... *видела*?

— 15 ноября в девять вечера, — неуверенно ответила она и расслабленно выдохнула, когда старик прекратил допрос и свистнул, сунув два пальца в рот. В чуме тут же появился мужчина в косматой, медвежьей шапке, забрал у него исчерканную кору и исчез.

— Тамнар-гун тебя ждет. Иди.

Дарья вышла из чума и кинула испуганный взгляд на кромку леса, внезапно уверившись, что Олег ее бросил и уехал. Но нет — и вездеход, и широкоплечая тень за рулем были на месте. Она даже увидела крошечный огонек его сигареты. Беззвездную ночь освещали только огни костров.

Ее взял под руку тот самый эвенк в шапке и повел прочь — за деревушку. Там ее ждал еще один костер, выложенный по широкому кругу большими камнями. За периметром стоял еще десяток эвенков, а в центре перед костром на шкуре оленя сидел шаман. На голове его был высокий головной убор с густо свисающими на лицо и полностью его скрывающими длинными, кожаными ремешками. Провожатый подтолкнул ее в круг и указал сесть напротив. Дарья подчинилась и услышала из-под ремешков высокий, женский голос:

— Когда Бэркэнча затушит огонь, закрой глаза и не открывай, пока я не скажу. И не шевелись. Ты можешь услышать что-то вроде хлопанья птичьих крыльев, крики, зов или стоны. Это нормально. Тебе может даже показаться, что тебя кто-то касается, хватает. Редко, но бывает. Не обращай внимания, на тебя они не могут воздействовать.

— К-кто?..

Шаман помолчал, дал отмашку стоящим вокруг людям, которые тут же подняли с земли что-то вроде двусторонних березовых веников с длинным черенком и застыли наготове.

— Мы пойдем в Хэргу Буга. Мир усопших. Он совершенно безвреден. Но по пути нам придется пересечь Мэдэ Угэй — очень неприятное место, где...

— Мир усопших?! — Дарья пропустила половину мимо ушей, — Вы думаете, Машка умерла?!

— Я могу поискать только там..., - ответил Тамнаргун, — Если найду твою дочь, она укажет, где тело.

— Боже! — Дарья задрожала, но тут же в спохватилась в надежде, — Но... ведь если не найдете, значит, она жива?

— Да.

— Боже..., - повторила она, и он, словно приняв ее беспомощный возглас за призыв к действию, достал откуда-то из-за пазухи кусочек коры, который ему передали, и бросил в костер. Тот вспыхнул ярче, затрещал и отчаянно задымил жутковатым красным дымом. Дарья испуганно огляделась. Стало еще темнее, грохот водопада словно отдалился, костры и чумы потускнели, звуки голосов и лай собак резко утихли. Все словно застыло вокруг, кроме окружающих костер мужчин. Те, наоборот, принялись в бешеном темпе крутиться вокруг своей оси, разгоняя «вениками» идущий от костра дым. Глаза их были завязаны лоскутами кожи, лица суровы и напряжены. Дарья успела удивиться, как они не теряют равновесия, не сталкиваются между собой, а потом увидела еще одну фигуру, выступившую из тьмы в таком же, как у шамана, головном уборе, закрывающем лицо. В руках перед собой он держал огромную шкуру.

— Запомнила? — спросил шаман.

— Да. Да... Не открывать глаза, — пробормотала Дарья, охваченная первобытным ужасом, и в ту же секунду, как шкура упала на костер, поднимая столб дыма и искр, она зажмурилась.

...

Это не было похоже на птичьи крылья. Больше напоминало звуки, которые издает мокрое белье на ветру. Ленивые, медленные, тяжелые хлопки. От них закладывало уши, как в самолете, ныл висок, пульсировали зубы мудрости, которые она так и не удосужилась вылечить. Никто ее не трогал и не хватал. Лишь время от времени она вздрагивала от ощущения, будто попала лицом в лесную паутину. Фоном звучал голос шамана — какая-то эвенкийская белиберда — но она странно успокаивала и манила за собой. Дарья тянулась за этим звонким, женским голосом, как мотылек тянется на огонек.

«...иее а́чин хутэлэ тэдёмэмэ...дялгэ мэдэ угэй а́чинди...»

В какой-то момент голос едва уловимо споткнулся, сбился, но тут же выправился и потянул ее дальше мимо хлопающих, мокрых простыней, шума вроде бы... проливного дождя и чьего-то трубного рева. Ей показалось так могут трубить лишь слоны. Голосов она не слышала, но то и дело в голове ее словно появлялись обрывки не принадлежащих ей мыслей: *«А теперь он весь пойдет спа-а-ать...»*, *«Добрый мой мячик Боб...»*, *«Иисусе — наш спаситель...»*, *«А-жи-жа! А-жи-жа! А-жи-жа!!!..АЖИИИИЖААА!»*

Последнее было так мучительно, что она едва удержалась, чтобы не заткнуть уши. Но, к ее облегчению, вскоре все стихло, лишь шаман тянул свою белиберду, да еще тоненько жужжало на периферии, словно где-то под потолком пищал комар.

«Нет потолка... Боже, где я?», — пронеслось в голове, и она с облегчением поняла, что это, наконец, ее собственная мысль. А еще через некоторое время шаман позволил: *«Можешь открыть глаза»*.

Она приоткрыла глаза, и тут же все завертелось перед ней. Ее вырвало, а потом рвало снова и снова, пока круговерть не остановилась.

— Вы..., - она провела тыльной стороной руки по мокрым, трясущимся губам, стирая слюну, — Вы ее... видели?

— Твоя дочь жива, — ответил шаман, и Дарья от облегчения разрыдалась.

— Где она? Где?!

— Этого я не могу знать, — Шаман устало снял шапку, и Дарья с удивлением увидела, что за «паранжой» из ремешков скрывался вовсе не женщина, а мальчик. Сколько ему? 14? 15? — Ищи дочь здесь, среди людей.

Тамнаргун поднялся. Тут же набежали эвенки и с большими почестями отряхнули и свернули шкуру, которой был затушен костер. Поднялась и Дарья. Вокруг все снова закрутилась, и ее пошатнуло, как пьяную. Она смущенно хихикнула и поймала взгляд молодого шамана. Он смотрел на нее растерянно и напряженно.

— Что? — спросила она, — Ты что-то не договариваешь...

— Мне показалось..., - он умолк и перевел взгляд на потухшее кострище, — Впрочем, может, действительно показалось.

— Но она точно жива?

— Абсолютно. Но... Алтанай вернется через месяц. Тогда приходи снова. Одна или с дочерью. Если найдешь ее.

— Снова? Зачем?

— Дед поможет. Вполне вероятно, что твоему ребенку это потребуется. Мне показалось, что я ее слышал... в Мэдэ Угэй.

— Где?

Он не стал отвечать, а через мгновение Дарью уже взяли под локоток и вывели за пределы круга. Ей очень хотелось возмутиться, но природная стеснительность не позволила.

С одной стороны, она не получила ровным счетом никакой полезной информации, лишь туманные намеки, но, с другой, услышала главное для себя — Машка жива. Конечно, этот вердикт она услышала из уст зеленого мальчишки в дедовом колпаке... Она тряхнула головой и поспешила к вездеходу. Ей было необходимо верить.

...
— Что сказал Алтанай? — спросил Олег, как только она залезла в машину.

— Его нет. Куда-то ушел, — ответила Дарья и потянулась за своим стаканчиком-непроливайкой. Кажется, там еще оставался кофе..., - Вместо него был какой-то юнец. Но он сказал, что Машка жива!

— И все? — Олег скептически скривился.

— Все... Сказал искать ее среди людей...

Дарья допила кофе, хотела рассказать о его последнем напутствии, но промолчала. Она от себя самой гнала унылую мысль, что мальчишка просто ни черта не увидел, поэтому и сказал ей явиться через месяц, когда дед вернется и увидит больше. Озвучить это — только дать Олегу понять, что он напрасно повез ее в эту глушь?

— Я тебе говорил то же самое, — Олег принялся разворачиваться на узком пятачке, — Может, подать резюме в орден шаманов? Или как там у них сообщество называется?

Дарья промолчала. Может, и правда, все, что она чувствовала и слышала, было вокруг нее. Та паутина — лишь соломинки, разлетающиеся от бешено размахиваемых веников, а странные, бессвязные мысли — всего лишь последствия угара от дымящего костра? Поэтому ее так и рвало...

Нет. Нет. Она чувствовала, что этот молоденький шаман увел ее за собой куда-то... Да и зачем было бы это представление? Денег он с нее не взял и даже не намекнул, что в следующий раз неплохо было бы прийти не с пустыми руками... Дарья вдруг хмыкнула и поглядела на Олега.

— Ты говорил, что никогда не ходил к шаманам, но сразу спросил про Алтаная? Откуда же ты знаешь, как его зовут?

Олег ухмыльнулся, нашарил сигареты и, приоткрыв окно, закурил.

— Алтаная в поселке все знают. Он вроде как местная достопримечательность. Эвенки утверждают, что он был свидетелем падения метеорита. И даже есть подтверждение в виде фотографий. Ученые провели какой-то там анализ черт его лица и пришли к выводу, что запечатлен на фотографиях именно Алтанай, хоть и в совсем юном возрасте.

— Постой, — Дарья нахмурила лоб, — Это какого метеорита? Тунгусского что ли? Это ж когда было...

— То-то и оно. Начало прошлого века. По его словам, ему было тогда десять лет. А значит, теперь ему сто восемнадцать..., - Олег завернул на небольшую полянку и потушил фары, — Здесь и заночуем. Я понимаю твое замешательство, но лучше нам переждать ночь в тишине.

Дарья не противилась. Ночью она все равно ничего не сможет сделать, а сидеть в пустой квартире — страшно. Зато прямо по приезду она первым делом отправится в местный опорный пункт, наврет что-нибудь, и потребует немедленно вскрыть старое школьное бомбоубежище.

Олег перебрался на заднее сидение, где хранились припасы, и вскоре вернулся с обернутым фольгой мясом, контейнерами с овощами, хлебом и солеными рыжиками. При виде рыжиков, у Дарьи снова разыгрался аппетит.

— А что там? На тех фотографиях? — спросила она.

— Да ничего особенного. Скошенная, выжженная тайга и группа ученых в компании местных эвенков. Среди которых мальчишка лет десяти, которым и является наш Алтанай. Он рассказывал, что в тот день чудом остался жив.

— Ничего себе..., - Дарья повозила по тарелке маринованный лук и не стала его есть, смутно озаботившись свежестью дыхания. Внезапно навалилось томное смущение. Она искоса поглядела на Олега, задумчиво смотрящего на ночную тайгу. В сущности, она совсем его не знает. Все, что запомнилось из детства — это его «*ресь-два-три!*» и голубое трико, да еще горячая ладонь на губах и шепот: «*Только тихо...*». Почему же она испытывает такую невероятную, почти болезненную близость к нему? С трудом удерживается от того, чтобы не привалиться к нему, не положить голову на плечо...?

Он взглянул на нее.

— Хочешь вина? Сунул бутылочку на случай, если появится настроение...

— Давай..., - Дарья дождалась, когда он отвернется, копошась в багаже, и быстро оглядела себя в зеркало заднего вида. Нет, нечего и думать. С той стороны на нее глядела измученная, бледная, старая женщина с глубокими складками у рта, кривой морщинкой меж бровей и красными, опухшими глазами, — Почему ты все-таки решил ночевать в лесу?

— Конечно, чтобы воспользоваться случаем и соблазнить бывшую ученицу, — ответил он, с улыбкой откупоривая бутылку и разливая вино по пластиковым кофейным кружкам, — А если серьезно... Места эти нехорошие, и лучше сидеть тихо. Поселок тоже плох, и я тебе настоятельно рекомендую: как только Мария найдется, немедленно уезжайте.

— А если некуда?..

— Весь мир перед тобой! Откинь все малодушные самооправдания «Некуда, не на что, не зачем», и сразу поймешь, что жизнь гораздо проще, чем тебе кажется.

— А если... просто... не хочется уезжать? — выдавила через силу Дарья и залпом выпила вино. Белое, сладкое... Дух захватило, во рту пересохло, сердце забилося. Шли секунды. Она ждала, что он поймет такой явный намек, и... Но он не двигался.

Она подняла на него глаза, и появившийся было романтический настрой увял.

Олег молча смотрел на нее. Были в его взгляде и жалость, и сочувствие, и какая-то непонятная вина, и тепло. Не было только желания... Она смущенно отвернулась.

— Насчет «соблазнить» я пошутил, — произнес он, пытаясь иронией сгладить неловкий момент.

— Я такая дуреха..., - пробормотала она, — Просто слишком много впечатлений в последние месяцы. Захотелось... хоть одного приятного...

Она отставила кружку и расплакалась. Вскоре он уже обнимал ее, гладил по голове, как ребенка, и шептал:

— Вот увидишь, все скоро наладится. Маша найдется. Живая и невредимая. И вы уедете прочь из этого проклятого места, и начнете жизнь заново... И все-все забудете, как страшный сон.

— Я не смогу, — всхлипывала она, — Разве такое можно забыть?!

— Сможешь. Ведь один раз у тебя уже получилось...

...

Когда она проснулась, было еще темно. Лишь на востоке небо слегка посветлело. Деревья снова двигались мимо.

— Кофе остыл, но он все еще есть, — сказал Олег, не глядя на нее.

Дарья поморщилась и отказалась. Что на нее нашло этой ночью? Никогда в жизни она не кидалась на мужиков. А ведь если бы он захотел, то она с радостью бы взгромоздилась на него. В машине, в лесу... Но зачем ему все-таки понадобилась эта ночевка? За всю ночь она не услышала ни единого шороха. Только совы ухали где-то вдалеке и шумели деревья. Немудрено, что она что-то себе придумала... А Машка тем временем...

Сердце ее болезненно и привычно сжалось. Шестой день! Нет уже надежды, или все-таки? Вдруг мальчишка-шаман не совсем дилетант? Может, ему все-же можно верить?

До поселка они доехали в молчании, а когда кромка леса поредела, Олег сказал:

— Ты ведь дойдешь сама до дома? Все прутся на работу, и мне бы не хотелось...

— Да. Да, — поспешно ответила Дарья, стыдливо пряча глаза и заранее схватившись за ручку, чтобы, как только вездеход окажется у ворот, сразу выйти, — И вы простите. Я сама не своя в последнее время...

— Не дури, — строго ответил Олег, — Я тебе, кажется, уже объяснил, что серьезные отношения не для меня. А с тобой могут быть только серьезные отношения.

«Кинул кость... подсластил пилюлю» — замельтешило у нее в голове. Настолько его слова не сочетались с бесстрастным, почти безразличным выражением лица, когда они подъехали к кромке леса.

— К тому же... ты скоро забереешь дочь и уедешь. Так стоит ли...?

— Ты правда думаешь, что я ее найду? — поторопилась она сменить тему.

— Уверен, — твердо ответил он, остановив машину, — Прямо как твой шаман.

— Он не был уверен, — Дарья вздохнула и открыла дверь.

— Значит, он никудышный шаман.

...

Прежде чем идти домой, Дарья через силу дотащилась до лагеря поисковиков. Сердце ей подсказывало, что ничего нового она там не услышит, и не ошиблась. Группу она нашла в большой крытой палатке, служащей столовой, за неспешным завтраком. Утомленные лица отводили взгляды, руководитель черкал перед Дарьей в развешенной на стене карте, отмечая запланированный на день участок поисков и тоже прятал глаза. Никто больше не верил и уже даже не пытался ее успокоить. Наоборот, Дарье показалось, что руководитель аккуратно подготавливает ее к худшему.

Навалилась страшная усталость, тело ныло от сна в неудобной позе, во рту ощущался вкус кислоты, а ведь выпила-то всего стаканчик. Дарья вспомнила, что сразу по возвращении собиралась идти в участок, заставить полицию вскрыть заложенную лестницу в бомбоубежище. Теперь они казались смехотворными. Если стена заложена кирпичом и облицована мрамором, как Машка могла туда попасть? Вспомнилась сцена из «Чародеев» — молодой Абдулов придерживая на голове ушанку, проходит сквозь стену. Ерунда... Но подспудно подтачивало осознание, что все лишь отговорки, чтобы отступить, пойти домой и лечь спать. Забыться, спрятаться, свалить всю грязную работу на посторонних людей, которые получают за это зарплату... А она устала. Так чудовищно устала...

Проходя мимо школы, она заметила во дворе чернокожую девочку без шапки, уныло восседающую на железных, врытых в землю скобах для ходьбы, и грустно улыбнулась. Наверное, девочка тоже боится оставаться дома одна, вот только нет больше бабы Нади, которая отопрет ей школу пораньше и накормит жареной картошкой...

Чернокожая девочка? Посреди дремучей Сибирской тайги? Без шапки?...

Дарья остановилась, вгляделась в сторбленную, зябкую фигурку и вдруг с диким криком

«Машка!!!» кинулась через дорогу. Путь ей преградили частые, металлические копы школьного забора, но она не притормозила. Скинула по дороге пухлую куртку и протиснулась между прутьями. Голова застряла, и она завизжала, забилась, но через несколько мгновений прутья слегка разошлись в стороны, и она оказалась на дворе, прижимая к себе дочь. За собственными бессвязными восклицаниями она услышала мужской голос: «Срочно скорую, девочка нашлась!», а следом ее плечи придавил тяжелый, теплый полушубок.

Вокруг все мельтешило и рябило. Чумазая машинка мордашка, собравшаяся вокруг гомонящая толпа, вскоре озаренная красно-синими огнями подоспевшей скорой, испуганный лепет молодого школьного охранника, вышедшего на шум, истеричное тьяканье чьей-то собачонки.

Какие-то люди попытались забрать у нее дочь, и Дарья вцепилась в ребенка мертвой хваткой. Ее решительно, но бережно оттащили, погрузили вместе с ребенком в теплое нутро автомобиля, закутали обеих в пледы. Машина с мигалкой и сигналом вырулила со двора.

— У меня для вас неплохие новости — сегодня Марию подготовят к выписке, а завтра вы можете забрать ее домой.

— Домой? — Дарья подняла ничего не понимающий взгляд на пожилого профессора, который занимался ее дочерью последние два месяца и наверняка успел накатать внушительную диссертацию.

— Сегодня мы получили из Краевой последние результаты анализов и, могу вас обрадовать — болезнь Баттена не подтвердилась.

Профессор ожидал от нее какой-то реакции. Радости и облегчения, например. Она же чувствовала только разочарование и жгучий стыд за это чувство. А еще ужас. Домой? Он говорит, что она может забрать дочь домой? Остаться с ней в четырех стенах? Проводить вместе дни и ночи и приспособливаться к новой... жизни? Господи Боже... Даже в Аду всего девять кругов, а она прошла уже штук двадцать, и дна все не видать...

Болезнь Баттена, пугающая ее до икоты еще полтора месяца назад, теперь не казалась таким уж страшным исходом. Потеря зрения, судороги, паралич, прогрессирующее слабоумие и смерть к двадцати годам? Заверните. Мы возьмем.

— Липидный фон в норме, пробы ничего не показали, признаки эпилептиформной активности отсутствуют, зрение не падает, завершающий анализ ДНК, как ваш, так и девочки, не выявил генетических дефектов, — продолжал профессор, — конечно, для полноты картины хотелось бы взять анализ и у отца ребенка, но... До выздоровления девочке еще очень далеко, но соответствующей терапией мы смогли несколько купировать как катаплетические проявления, так и острый делирий. Дальнейшие исследования вы будете проходить амбулаторно, а в случае возобновления или усугубления симптоматики, придется пожаловать обратно в стационар. Боюсь, с наступлением весны это будет даже необходимо...

— А почему просто не остаться в стационаре? Тем более, что весна не за горами... Вы написали целый талмуд, — Дарья кивнула на увесистую, сшитую веревочкой папку на столе, — Но так и не выяснили, что с моей дочерью.

— У вашей дочери нехарактерное течение болезни. К сожалению, мы не могли наблюдать дебют, а ведь первые тесты самые полные и точные. Сначала она несколько дней провела в поселковой больнице, затем почти месяц в неврологии, где пытались выявить органические нарушения, и только потом попала, так сказать, по профилю. Понятно, что состояние ее к тому времени усугубилось.

— То есть... ее надо было сразу везти сюда?

Доктор потер переносицу.

— Боюсь, что так. Но, если учесть ее историю, никакой ошибки в действиях медиков не было. Неизвестно, где был ребенок на протяжении почти целой недели и какому воздействию подвергался. Логично, что спонтанное проявление такого широкого симптоматического спектра приписали, в первую очередь, последствиям возможных ЧМТ, асфиксии, алкогольного или наркотического отравления. В пользу тяжелой интоксикации свидетельствовали и эпизодический онейроидный синдром, и каталепсия. Но ни одна из этих причин подтверждена не была, поэтому наши коллеги вплотную стали заниматься генетическими нарушениями, которые, возможно, *совершенно случайно* совпали с ее

похищением, но и они не подтвердились. Ознакомившись с историей болезни, я удивился, что у нее сразу не взяли пробы на болезнь Баттена. Если честно, я до последнего был уверен, что причина в ней, и искренне рад, что ошибся. В противном случае, Марию не ждало бы ничего, кроме прогрессирующего слабоумия, физических страданий и неминуемой смерти через 10–15 лет.

Профессор многозначительно помолчал, но, не дождавшись от Дарьи ни малейшего проявления восторга, продолжил:

— Зато сейчас мы с полной уверенностью можем исключить органику. Мы провели комплекс тестов и, если честно, находимся в некотором замешательстве. Ясно, что у девочки тяжелейшее посттравматическое расстройство, но диагноз мы поставить пока затрудняемся, так как симптомов слишком много и слишком они... так скажем, разноплановые и взаимоисключающие. Психика ребенка, простите за тавтологию, просто... *психует*, выдавая на горá пачками симптомы, свойственные и шизофрении, и всевозможным психозам и даже врожденной олигофрении разных степеней тяжести. Именно поэтому мы пришли к выводу, что, в качестве эксперимента, Марию стоит хотя бы временно поместить в домашние условия, дать ей покой и отдых как от новых стрессов, так и от медикаментозного хаоса. Вполне вероятно, что, оказавшись в родных стенах, среди близких...

— Вы это всем консилиумом на кофейной гуще нагадали? — угрюмо спросила Дарья.

— Что, простите? — доктор вздернул брови.

— Вы в курсе ведь, что она мне вчера сказала? Это было и при медсестрах, и при том щупленьком интерне, который старательно конспектирует все ее... бредни.

— Это вы про...?

— Да, я запомнила дословно: *«Ты такая же тощая, как та кошка, которую я вздернул вчера на чердаке, и пахнешь так же. Так и подмывает повесить тебя рядом и содрать шкуру»*.

Доктор замычал, переставил местами на столе пресс-папье с Кремлем и подставку для канцелярии.

— Не хотите ли вы сказать, что боитесь девятилетней девочки?

— Боюсь, — смело призналась Дарья и поднялась с неудобного стула, — Я уже продумываю, как взрезать замок в ее комнату, и куда спрятать все острые предметы, включая стеклянную посуду. Вы очень обрадовали меня, сообщив о выписке. Спасибо.

— Вы преувеличиваете.

— Да, конечно, я преувеличиваю. Наверное, именно поэтому в ее палате персонал никогда не появляется по одиночке. Даже техничка приходит подтирать экскременты только в компании крепкого медбрата, а то и пары.

— Это всего лишь совпадение... Никаких специальных указаний или жалоб со стороны... Да, у девочки все признаки диссоциативного расстройства идентичности, попросту говоря, раздвоения личности, но...

— Размножения.

— Что?

— Не раздвоения — размножения личности.

— Да... кхм... действительно, наблюдаются множественные личности, но опять же точный диагноз мы поставить не можем, потому что отсутствует основной фактор — наличие, пусть эпизодическое и кратковременное, базовой личности. Ни разу за все время наблюдений Мария не была просто Марией Телепневой, школьницей девяти лет от роду... И

еще только предстоит выяснить...

— Во сколько я должна ее забрать? — прервала его Дарья, с трудом подавив порыв сказать что-нибудь глумливо-издевательское по поводу купленных дипломов. Ей до смерти опротивело слушать о том, что им *еще только предстоит* выяснить.

— Все необходимые документы я подготовлю к обеду, — насупился доктор, снова поменяв местами «Кремль» и канцелярскую подставку, — После часа дня можете забрать ребенка.

Не попрощавшись, Дарья вышла из кабинета и застыла в нерешительности, куда направить стопы — сразу в магазин за крепким замком или все-таки сначала навестить дочь? Второй вариант ее нервировал и угнетал, но казался необходимым. Она все-таки мать, хоть и плохая... Она двинулась вниз по лестнице, но не смогла пересилить себя и остановиться двумя этажами ниже, где располагалась одиночная (камера) палата ее дочери. Она еще успеет хлебнуть сполна всех уготованных ей материнских забот.

...

По приезду в Красноярск, она две недели трусливо ночевала в больнице, располагаясь на пустых койках, которые ей указывали сердобольные бабушки-санитарки или, в отсутствие оных, скрючившись в коридорных креслах. Персонал относился снисходительно к одуревшей от тревоги матери и даже время от времени разрешал ей пользоваться душевой для персонала.

Материнская тревога, конечно, правила бал, но безвылазно сидеть в больнице ее заставлял всего лишь страх заявиться домой и поставить Женю в известность. Первое время она надеялась на профессионализм краевых медиков, которые быстро выяснят причины машинного помешательства и приведут ее в норму, но, когда прошла неделя, а потом и две, а дочкино состояние не изменилось, она все же поплелась домой.

Заранее подготовившись к потоку желчи и обвинений в материнской несостоятельности, она решила для себя принять их, как должное. Действительно, это ведь она увезла ребенка к черту на рога, потом потеряла его и вот привезла назад в полном... неадеквате. Ничего этого не случилось бы, если бы тогда она послушно переселилась в снятую им квартиру. Даже школу менять не пришлось бы...

Дверь ей никто не открыл, и она, чувствуя себя вором, отперла ее собственными ключами. Ее встретила пустая, гулкая квартира и записка, воткнутая за зеркало в прихожей.

*«Надеюсь, ты не наделала глупостей, а Машка цела и невредима. Элла предлагала подать заявление в полицию, но я, в память о наших добрых отношениях, не стал этого делать. Ты мать, и ребенок должен быть с матерью. Квартиру я, как и обещал, оставляю тебе. Коммуналка оплачена на год вперед. Также в **нашем месте** тебя дожидается небольшая помощь, но я надеюсь, что ты все-таки, наконец, найдешь работу. Поцелуй за меня Машку. С любовью, Женя»*

Прочитав записку, Дарья вместо ярости, ревности и обиды почувствовала почти болезненное облегчение. Свалил — и скатертью дорожка. Упоминание о «*нашем месте*» тоже не вызвало никакого сентиментального всплеска.

Она прошла в спальню и, встав на колени, вынула кусочек деревянного плинтуса под изголовьем кровати. Раньше они туда прятали от любопытной Машки всякие взрослые штучки. Никакого криминала — в основном, презервативы и лубриканты, изредка пакетик с марихуаной или диск со «взрослыми» фильмами. Сейчас отверстие целиком занимал пухлый пакет с наличкой.

Дарья пересчитала деньги. Женя не поскупился. Хватило бы, как минимум, на год хоть и скромной, но вполне спокойной жизни. Если бы не...

Тогда она улеглась на голый, затянутый полиэтиленом, матрас кровати и устало разрыдалась, рассеянно удивляясь, почему еще не ослепла от такого количества соли.

...

С тех пор прошло почти три месяца, и слезы давно иссякли, оставив внутри глубокую и совершенно пустую дыру. Она уныло обошла по-прежнему пустые комнаты, поглядела на все тот же голый матрас. Постельное белье Женя и его новая пассия забрали, а ей так и не пришлось в голову купить новое. Вместо жалости к себе, внутри ворохнулось раздражение, ведь все это время она словно подсознательно рассчитывала, что белье появится само собой. Как и все остальное. Постель сама застелется, посуда перемоется, холодильник заполнится, а Машка вылечится... Все как-нибудь само...

Она сдернула полиэтиленовый чехол, убрала его в пустой шкаф и вдруг почувствовала себя лучше.

...

Эйфория в тот памятный день, когда Машка нашлась, продлилась всего лишь до вечера. Во время короткой завывающей сиреной поездки, Дарья привычно лила слезы, но в кое-веке от счастья. Да, она прекрасно видела, что Машка оглушена, но это ее пока не настораживало. Было бы даже странно, если бы девочка отделалась легким испугом.

В больнице им выделили двухместную палату, а девочку сразу увезли на диагностику, анализы и сбор биоматериала. После ее отмыли, поставили укол и уложили спать.

Доктор пояснил, что видимых повреждений, в том числе, обморожений нет. Первичный осмотр показал, что физическому насилию (в том числе, сексуальному) девочка, с большой долей вероятности, не подвергалась. Впрочем, точно можно будет сказать только после получения результатов. Жизни ее ничего не угрожает. Единственное, что вызывает опасение — это глубина шока, граничащая с каталептическим ступором. Возможно как воздействие психотропных веществ, так и сильное психоэмоциональное потрясение. Девочку до утра погрузили в медикаментозный сон, тревожить ее не стоит.

Оставшись с дочкой наедине, Дарья на цыпочках подошла к ней, взгляделась в ее спящее лицо и почти не узнала. Осунулась, конечно, исхудала, лицо покрылось красными струпьями, но это было не главное. Она словно... опустела. Так пустеют разве что трупы, лишившись заполняющей их прежде индивидуальности. Захотелось растормошить ее, увидеть глаза, но она не смела. Возможно, так действует укол... Чтобы занять себя, она принялась разбирать дочкины вещи, которые перед этим принес медбрат. В гардероб они одежду отправлять не стали, потому что утром ее должна была забрать полиция.

Она помнила, как приняла сначала Машку за негрятянку, да и в скорой удивлялась тому, какая девочка грязная. На лице и руках грязь была такой густой, что начала трескаться. Ей припомнилось, что даже веки ее были в засохшей коричневой глине. Но при этом на одежде грязь была только с изнанки. Словно... Словно она разделась донага, закопалась в мокрую землю, а потом выкопалась и снова оделась... Пуховик был и вовсе, как новенький, а вот сапожки... сапожки были чужие.

Она полезла дальше и нашла еще незнакомые вещи. Юбка с замком на бедре и блузка с бабочкой — Машкины, а трусы и майка — чужие и при этом явно мальчишковые. Колготок она не нашла вовсе. Решив, что в спешке вещи перепутали с вещами других маленьких пациентов, она нашла санитаря и сообщила о подмене. Тот ушел в приемный покой и вскоре

вернулся с описью вещей. Вся одежда, сложенная в мешке, действительно была снята с Машки. Колготок на ней не было.

Всю ночь она не сомкнула глаз, ожидая, когда Машка проснется, улыбнется ей и все расскажет... Но та и утром, когда начался обход, все так же лежала солдатиком. Пришли врачи. Светили фонариками в глаза, стучали молоточком по локтевым суставам, водили тем же молотком по пяткам. Хмурились, что-то писали на планшетах, собирались кучкой на сестринском посту и шепотом ругались, тыкая пальцами в журналы. Единственное, что пришло встревоженной Дарье в голову — это кто-то накануне переборщил с дозой снотворного.

Вскоре Машку, все так же лежащую ручки по швам увезли на очередные анализы, а компанию ей составили полицейские, пришедшие в надежде опросить ребенка. Им-то Дарья и поведала о своих открытиях. Полицейские забрали одежду и хмуро удалились, записав Дарье номер участка с просьбой позвонить, как только девочка придет в себя.

Краткая передышка от иссушающей паники, в которой Дарья провела почти неделю, обернулся новым кругом Ада. Куда бы Машку ни увозили, привезли ее уже в сознании. Если так можно выразиться.

Дарья глядела на нее и все больше убеждалась, что ребенок, сидящий перед ней, не имеет с Машкой ничего общего. Глаза ушли глубоко под лоб, и в них появилось что-то звериное, нижняя челюсть стала грузной и квадратной, вокруг рта сальной россыпью набухли крупные, налившиеся гноем прыщи, а зубы словно... поредели. Девочка мерно раскачивалась вперед и назад на каталке и странно скрючивала пальцы на руках, словно пыталась скрестить их все разом.

С Машкой пытались говорить. До Машки пытались докричаться. Но она только водила вокруг себя какими-то враз ставшими бесполезными глазами и неуверенно ухмылялась.

Дарью так и подмывало устроить скандал, заявить, что вместе с одеждой ей перепутали и ребенка... Но она, пусть напуганная и донельзя измученная, понимала — ребенок ее. Вон под внезапно мясистым носом шрамы от ветрянки — без сомнения Машкины, и ребристые ногти на указательном и среднем пальцах так и не выровнялись после того, как год назад Машка случайно прихлопнула их дверью, и большая родинка в форме кривой запятой на шее...

Неожиданно Дарью потащили на допрос врачи. Были ли отклонения в развитии? Как протекала беременность? Не было ли во время ее токсоплазмоза, инфекций, вирусных заболеваний? Когда девочка начала держать голову, ходить? Умеет ли читать и писать?

На последних вопросах Дарья совершенно растерялась. Что значит «*умеет писать*»? Маша вообще-то учится в общеобразовательной школе! Но, несмотря на ее уверения, первичный диагноз был поставлен быстро и неумолимо — тяжелая олигофрения! И только подоспевшая характеристика из школы от Олега Иннокентьевича заставила врачей с легким разочарованием продолжить обследование.

К вечеру дебильное выражение, а с ним, внезапно, и прыщи ушли с Машкиного лица, снова сменившись пустотой. Пустота тоже была страшна, но хоть не так отталкивающа. А третий день начался с нового необычного явления. Дарья решила взбить дочери подушку, вытащила ее из-под головы и обнаружила, что Машка по-прежнему держит голову на весу. Она мягко надавила девочке на плечи, и та опустилась было на матрас, но через несколько секунд снова поднялась в исходное положение.

«Синдром воздушной подушки» — так это вскоре оценили медики — распространённый кататонический симптом. Круги Ада после этого завертелись в бешеном ритме. Наступил период быстро сменяемых каталептических ступоров и возбуждений. Машка то застывала в диких позах с раскоряченными руками, то вдруг начинала активную и совершенно бессмысленную жестикуляцию, сдобренную безумной мимикой. Жутко было наблюдать ее беготню по палате, на то, как ее рот злобно щерится стиснутыми зубами, а глаза, в противовес ему, лучатся весельем. Медики склонялись к наркотической этимологии заболевания, но анализы крови и мочи не подтвердили их опасений. Тогда-то трудную пациентку начали готовить к транспортировке в Красноярск.

— Вы же понимаете, — несколько виновато объяснял местный эскулап, — Надо бы сделать МСКТ и пункцию взять, а у нас просто нет таких возможностей. Мы организуем вам спецборт и обеспечим медика в сопровождение.

Дарья его прекрасно понимала и ничуть не винила. Пара участковых врачей, травматолог, стоматолог и хирург — вот и весь персонал, призванный вылечить сезонный грипп, заштопать, вправить, зашить, вырезать острый аппендикс, удалить кариозный зуб, а в сложных случаях — всего лишь выдать направление в Краевые больницы. Люд в поселке здоровый, работающий, большего и не требуется. Даже ежегодные профосмотры старатели проходили в Красноярске.

В последний вечер снова заявила полиция — следователь и его помощник с небольшим чемоданчиком. Следователь хмуро покосился на пускающую слюни Машку, в немом изумлении разглядывающую что-то недоступное другим, понял, что смысла обращаться к ребенку нет, и нехотя сообщил Дарье, что нашелся хозяин сапог, майки и трусов. Вернее, не нашелся, а, наоборот...пропал. Оказывается, вечером накануне Машкиного появления, исчез еще один ребенок, мальчик. Родители были в длительном отъезде, и он оставался с бабушкой, которая отпустила внука погулять и в силу преклонного возраста хватилась только утром, когда пришла будить его в школу.

— Улучшений нет? — спросил он, кивнув на Машку, — Нам бы очень пригодились сейчас ее показания, ведь ясно, что они с этим мальчиком пересекались.

Дарья пожала плечами. Для нее лично улучшения были. Если бы сейчас перед Машкой стоял телевизор, то она выглядела бы нормально. Глаза бегают, рот приоткрыт, ручки сжаты в кулаки. Будто смотрит захватывающий мультфильм. Вот только нет никакого мультфильма — перед ней обшарпанная больничная стена. Поэтому улучшения сомнительные.

— Судя по всему, в поселке завелся какой-то псих или психи. Бог знает, что они делали с детьми, но ясно, что их раздевали и, видимо, потом перепутали вещи. Вероятен сексуальный контекст, и, судя по состоянию вашей дочери, очень жесткий.

— Что?! — Дарья отвела глаза от девочки и уставилась на следователя, — Но врачи

уверили меня, что ее так не... обижали!

— Обидеть можно и не прибегая к силе. Тем более маленькую девочку...

— Боже! — Дарья обхватила голову руками и затряслась.

— Одежду мы отправим в Край вместе со всеми отпечатками пальцев, которые сможем собрать, — следователь помолчал, — Если вы не против, я бы хотел взять и ваши, и вашей дочери... Чисто, чтобы избежать путаницы...

Дарья неуверенно протянула помощнику ладони, который тут же раскрыл свой чемоданчик и наликвасил ей — а потом и Машке — пальцы жирной черной краской.

После их ухода появилась Валентина Ивановна с их вещами и кой-какими продуктами и долго причитала, пытаясь достучаться до внучки, а потом методично и очень эмоционально перечисляла Дарье все ошибки, которые та совершила в жизни, начиная с плохого аттестата и заканчивая браком с «блудливым псом».

Дарья рассеянно кивала на каждое мамино утверждение, а сама с суеверной жутью наблюдала, как меняется Машкино лицо. Живой интерес сменился сначала уже знакомой — трупной — пустотой, а потом в ее глазах забрезжили напряжение и какая-то мысль.

С натугой, словно каждое слово давалось ей невероятным трудом, она противно надула губы и впервые заговорила: *«Не только... м-м... м-м... женщины и мужчины любят. Мужчины и мужчины тоже. Любят-любят. И обнимаются. И целуются. Это любовь. М-м... М-м... Любовь-любовь... Они тоже могут друг друга любить. Любить-любить».*

Валентина Ивановна взвизгнула и бросилась прочь из палаты, а Дарья словно срослась с койкой, на которой сидела, до боли вцепившись в металлические перекладки. Голос был Машкин, но интонации совершенно чужие. Эти «м-м... м-м...» и идиотские повторения, через которые неведомый говорун безуспешно пытался пробиться...

— Кто... ты? — спросила она онемевшими губами.

Машка слегка повернула в ее сторону голову, словно прислушиваясь, а потом все так же натужно произнесла: *«Они говорят со мной, доктор... говорят-говорят. Голоса. М-м... м-м...».*

Через мгновение в палате появилась испуганная Валентина Ивановна и теснящий ее дежурный доктор. Но Машка уже «опустела», и ему оставалось только записать все с Дарьиных слов. Тогда ее словарный запас пополнился такими понятиями, как «эхолалия» и «персевераация», а Машкина медкарта новыми симптомами. Дарья хотела донести до врача, что кто бы ни говорил ее ртом, это была не Машка. Совсем не Машка. Она вспомнила, как влажно блестели ее собранные в бутончик губы. Такие же чужие, как трусы и майка. Как сапоги! Но она отогнала эти мысли как прямой путь в дремучее мракобесие.

Валентина Ивановна, немного успокоившись, поцеловала на прощание дочь и внучку и, сморкаясь в платочек, удалилась, пообещав приехать помочь, как только закончит годовые отчеты.

Последним в этот вечер пришел Олег с большим плюшевым зайцем под мышкой. Дарья плаксиво скривилась:

— Боюсь, заяц ей ни к чему...

— Зато, надеюсь, будет рада ему, когда поправится, — он пристроил игрушку в изголовье Машкиной кровати и с некоторым смущением взгляделся в ее лицо. Машка снова «смотрела мультики», как про себя окрестила это состояние Дарья. Врачи же предполагали некий «онейроид» — звяк в копилку словарного запаса и еще одна запись в медкарту.

— Следователь считает, что... было сексуальное насилие. Врачи же говорят, что нет

никаких... следов... То есть они что-то такое делали или показывали ей, что у нее... крыша совсем съехала. Что можно было такое показать ребенку, чтобы...

— Почему он так считает?

— Ее раздевали. Догола. А потом перепутали вещи. А еще, судя по всему, закапывали в землю. Но где-то в теплом месте, потому что ни переохлаждения, ни обморожений, — она нехотя подняла на Олега глаза и пояснила, — без колготок ее нашла. Явно она не по тайге слонялась шесть дней.

— Знаешь, это не факт, — неуверенно ответил Олег, — Говорят, люди, когда замерзают, начинают чувствовать жар и раздеваются. Может, и Маша...

— Ага, — Дарья горько усмехнулась, — Стало жарко, разделась, закопалась в мерзлую землю, чтобы остыть, а потом откопалась и снова оделась. А заодно прихватила трусы какого-то охлаждающегося рядом пацанёнка, а ему, взамен, оставила свои колготки со стразиками.

— Ладно, ладно — произнес Олег успокаивающе, старательно избегая ее взгляда, — Я глупость сказал, признаю.

Дарья видела, что Олег смущен и зажат, и тут же вспыхнула от неожиданно вернувшегося стыда. Неужели он до сих пор переживает тот нелепый конфуз? Зачем тогда пришел?

— Что там за мальчишка пропал, кстати? — спросила она, нервно теребя поясok халата.

— Из пятого класса. Я его почти и не знал... Родители сами виноваты, оставили с бабкой-маразматичкой... Словом, уезжайте. Я уверен, что в Центре ей помогут. Детишки довольно стойкие существа. То, что взрослого может серьезно подкосить, они переживают без особых последствий, — Олег поднялся, достал из внутреннего кармана сверток и вложил в Дарьины руки, — Только не отказывайся. Мне все равно они ни к чему здесь, а вам с Марией пригодятся и в лечении, и в жизни.

— Спасибо вам, — произнесла она, и губы ее заплясали, — Вы не представляете, насколько я вам благодарна за все. Я верну. Сколько тут?

— Если будешь возвращать, я смертельно обижусь, — улыбнулся он, — И помнишь, пока мы не в школе, я просто Олег. Пиши и звони, пожалуйста. Я хочу знать, как продвигается лечение.

Дарью снова повело. Отложив сверток, она поднялась и повисла на Олеге, отчаянно надеясь, что он поймет, как ей страшно, одиноко и тяжело, предложит остаться или, наоборот, пообещает приехать к ней, подставит плечо, сам все разрулит... Но тот лишь церемонно отключил зад и сдержанно похлопал ее по спине.

...

С тех пор прошло почти четыре месяца. Долго она ждала от Олега первого шага, за который могла сойти даже банальная смс-ка «Как дела». Но так и не дождавшись, разочарованно удалила его номер, боясь, что в один прекрасный момент не выдержит и вывалит на него весь багаж своих проблем, чем окончательно похоронит свою и так небогатую гордость.

Почти каждый день Машке ставили новые диагнозы и отменяли некоторые из уже поставленных. Олигофрения, кататония, каталепсия, мутизм, параноидный бред, эпилепсия, онейроидный синдром, шизофрения, эхолалия, болезнь Баттена, даже гебефрения, что само по себе нелепо в ее возрасте.

Каждый раз, придя навестить дочь, Дарья с нескрываемым раздражением обнаруживала

в палате толпу студентов. Ну, еще бы! На одном пациенте изучить весь курс психиатрии! Поначалу, когда один диагноз за другим начал отсеиваться, она даже радовалась, но ближе к концу это стало пугать еще больше. Хотелось, чтобы врачи уже, наконец, пришли хоть к каким-нибудь, пусть и самым неутешительным, выводам и начали, наконец, лечение... Но, вместо этого, Дарья вдруг предложили забрать ребенка домой! Ничем иным как врачебным бессилием Дарья объяснить это не могла. Домашние условия, говорят они. Покой и уют, утверждают они. Отсутствие стрессов и привычная обстановка, обещают они. Тупик...

...

Убранный в шкаф чехол запустил что-то в ней, и весь день она потратила на тщательную уборку квартиры, а уже под вечер спохватилась — ей же необходимо организовать дочери *комфорт и уют*... и как это сделать в чисто вылизанной, но пустой и гулкой квартире. Она подошла к двери детской, куда ни разу не заглянула с момента возвращения. Можно снять с их (ее) кровати матрас и положить в комнате у девочки. Ей будет на нем *комфортно и уютно*. Только не забыть врезать крепкий замок!

Крутанув ручку и толкнув полотно, Дарья с удивлением обнаружила, что комната — единственная в квартире — ничуть не изменилась. Прелестная кроватка под розовым балдахином, компьютерный уголок, шкафчики и комодики, игрушки... Она мысленно поблагодарила Женю за такой подарок, но тут же саркастически скривилась. В нынешнем состоянии их дочери больше подошел бы голый матрас и толстая цепь, продетая через между секциями ржавой чугунной батареи.

Дарья вздохнула и отправилась за замком, попутно звоня в «муж на час».

...

На следующий день она сидела в холле с принесенными теплыми вещами и ждала, когда ей приведут дочь. У входа ее ждало такси, и она очень надеялась, что водитель окажется лояльным, ведь знал, откуда поступил вызов.

Вскоре двери открылись, и показалась Машка, мягко направляемая плечистым медбратом. На ней были синие джинсы с аппликацией и полосатая кофта — некогда Машкина любимая, потому что ей казалось, что в этой кофточке ее плоская грудь выглядит не такой плоской... Теперь же и джинсы, и кофта висели на ней, как на вешалке, и выглядели грязными, растянутыми и неопрятными. И дело было вовсе не в вещах, а в их маленькой хозяйке. Дебильное выражение, которое пугало Дарью больше всего, вернулось на ее лицо. Глаза снова ушли глубоко под лоб и с бессмысленным весельем глядели на мать. Дарья видела, что Машка ее узнает, отсюда и веселье, но вместо радости от возможного улучшения, она испытала только жгучее омерзение. Это не ее дочь. Не может быть ее дочерью!

Внутренне содрогаясь, она быстро одела ребенка, натянула на голову розовую шапку с помпоном и махнула рукой в сторону входа, как собаке, надеясь, что та ее поймет.

— Ей пришлось сделать укол, — сказал медбрат, — Вам лучше взять ее за руку... ну, или идите, как я, сзади и направляйте толчками.

Дарья угрюмо поглядела на здоровяка и, нехотя взяв машинку безвольную ладонь, потянула за собой. Притихшая было, Машка в такси некстати оживилась и всю пердела слюнявыми губами, подражая гулу двигателя. Дарья чувствовала, что закипает, а ведь прошло всего пять минут их новой жизни. Что же с ней будет через час? Через день? Она слегка толкнула дочку в бок, надеясь, что та поймет и замолчит, но получила обратный эффект — девочка стала еще и подпрыгивать на сидении.

— Я не хочу обидеть, просто вижу знакомые черты..., - послышался голос, и Дарья враждебно посмотрела на водителя.

— Что? О чем это вы?

— Олигофрения. У сестры первый ребенок таким родился. Говорят, токсоплазмоз. Кошку зять в дом притащил, а она не сообщила врачам. У нее-то бессимптомно прошло, а вот мальчишка... 20 лет с ним маялась, пока не умер.

— У моей дочери нет никакой олигофрении. Она учится во втором классе обычной школы... то есть... училась.

— Тут нечего стыдиться, — Водитель глянул на нее в зеркальце заднего вида, — Я только это и хотел сказать. Сочувствую вашему горю. Красивая девочка получилась бы... Вот и Игоряша наш. Длинноногий, статный, высокий. Красавец! А голову — хоть отрежь и выбрось. Издержки цивилизации. Животные ведь тоже кой-каким разумом обладают, но ни одного я не видел с олигофренией. Это только у так называемого венца творения сбой на сбое.

— У нее нет олигофрении, — голос Дарьи дрожал от возмущения и стыда, — Была серьезная психологическая травма.

Водитель недоверчиво скосился на нее и до конца поездки не проронил больше ни слова.

Как могла быстро Дарья протащила Машку сначала до лифта, а потом от лифта до квартиры. Никто из соседей ей не попался, и за это она вознесла небесам небольшую молитвенную импровизацию, а дома, переодев Машку в пижаму, усадила ее на кухне и поставила перед ней тарелку гречневой каши с молоком.

Сунув ей в руку ложку, она отошла к подоконнику и принялась наблюдать. Машка старательно черпала кашу, правда выпуклой стороной ложки, и с удовольствием ее облизывала, хитренько поглядывая на мать. Дарье даже пришло в голову, что Машка притворяется. Вот-вот захохочет и скажет: «*Разыграли дурака на четыре кулака!*». Повинуясь призрачной надежде, она облизнула губы и как могла спокойно и внушительно произнесла:

— Ну, все, хватит. Признайся, что ты все это затеяла, чтобы вернуться домой. Я не буду ругаться. Мы даже обсуждать это не будем. Никогда. Я обещаю. Вместо этого пойдем и купим тебе новое платье. Согласна?

Машка кивнула.

— Тогда прекрати кривляться... Сейчас же!

В ответ Машка радостно ударила кулаком по ребру тарелки, отчего та кувыркнулась и разбилась, заляпав пол и стены. Дарья подскочила, отвесила дочери подзатыльник и проволокла за шиворот до детской. Впихнув ее в комнату, она тут же захлопнула дверь и повернула ключ на два оборота.

Глава 8

Противный, какой-то нечеловеческий, рёв продолжался до глубокого вечера. Дарья сидела на своей застеленной новым бельем кровати, сжимала ладонями виски и раскачивалась, молясь, чтобы девочка поскорее уснула, впала в кататонию или что еще там у нее по расписанию. Когда же все внезапно стихло, стало еще хуже. Она почувствовала свой моральный долг пойти и проверить ребенка. Может, Машка воткнула себе карандаш в глаз, или подавилась языком, или упала и свернула себе шею... А может, и того хуже... Страшнее было бы открыть дверь и увидеть, что та цела и невредима и, например, размазывает свое дерьмо по стенам (а так уже было пару раз) или — еще хлеще — ест его (что тоже однажды имело место быть)...

Нет, ей просто необходим отдых, иначе она тоже загремит в дурдом. Дарья забралась под одеяло и, вздрагивая от малейшего шороха, через некоторое время забылась тревожным сном.

Проснулась она глубокой ночью. За стеной слышалось ... шуршание и бормотание. Шуршание она определила сразу — Машка явно отдирала обои с феечками. Она на цыпочках подошла к стене и приложила к ней ухо. Слышно стало чуть лучше, но от этого не более разборчиво. Что-то вроде деловитого «...а-пыр-дыр, пыр-дыр-а, дыр-а-пыр...».

По крайней мере, стало ясно, что с девочкой все в порядке. Насколько это возможно... Она уже собралась лечь обратно, как вдруг за стеной раздалось визжащее «а-жжжж! А! Жжжж! А-ЖИЖААА!!!».

Дарья вскрикнула, отшатнулась и метнулась в кровать, спрятавшись, как в детстве, под одеяло. В голове беспорядочно заметалось: «Не может этого быть! Или может?...».

Она никому не рассказывала о том, что чувствовала и слышала во время странного «путешествия» с мальчишкой-шаманом. Так где она могла?... Если только...

За стеной, тем временем, послышалась глухие удары. Если соседи услышат... Удивляясь собственной храбрости, она вышла в коридор и, не давая себе времени на раздумья, открыла дверь в детскую.

Машка стояла совершенно голая посреди комнаты и, согнувшись пополам, копалась у себя в гениталиях. Услышав посторонний звук, она разогнулась и уставилась на Дарью с выражением неверия и ненависти.

— Куда ты его дела, паскуда?! Это из-за Катьки? Кастрировать меня решила, тварь?!

Лоб ее кровоточил, рыжие волосы стояли дыбом, как у старой куклы Барби, а глаза лезли из орбит. Девочка рванула к остолбеневшей Дарье, но на полпути вдруг замедлилась и, по-лягушачьи приподняв руки, застыла, разом опустев, как это уже бывало.

С колотящимся сердцем Дарья отвела глаза от дочери и оглядела комнатку. Обои полосами свисали со стен, на которых тут и там виднелись круглые кровавые отпечатки. Эксперимент с домашним уютом явно провалился. Дарья поспешно заперла комнату и схватилась за телефон, чтобы немедленно вызвать скорую и отправить ребенка обратно — в диспансер. Но потом ей вспомнились бессмысленное и жуткое «А-жжжж!», и внутри стало настойчиво стучаться осознание леденящей иррациональности.

Дарья вспомнила, как ее часами мурыжили врачи, прокручивая на мониторе записи. В основном те, что касались так называемой «множественной личности». Доктор до последнего не хотел ставить диагноз «шизофрения», объяснял, что у многих детей, как

правило, неблагополучных, подвергшихся физическому или эмоциональному насилию, стрессу часто наблюдаются схожие с диссоциативным расстройством идентичности симптомы. Они являются не нарушением, а всего лишь своеобразным способом справиться с проблемной реальностью. Дескать, все эти — любимые за рубежом — воображаемые друзья из той же оперы.

В сознании ребенка находится целый ряд, как близких ей, так и порой чисто случайных персонажей. Отец с матерью, бабушки, дедушки, дальние родственники, друзья и их родители, случайные знакомые, герои фильмов и сказок. В критический для маленькой личности момент, они вынимают эти альтер-эго и стараются ими заменить собственное «Я», спрятаться за них, переживая бурю...

Цепляясь за соломинку, доктор прокручивал Дарье записи в надежде, что та узнает или догадается, кем Машка пытается заместить собственное израненное сознание... Это было бы большим прорывом в терапии, ведь выявление истоков — половина лечения. Но Дарья глядела то на вертлявую, расхристанную бабенку, которая несла какой-то бред про Рюриковичей, то на уже знакомого пухлогубого гомосексуалиста, бесконечно застревающего на одних и тех же словах, то на сурового старца, который чертил карандашом на листке бумаги формулы, «доказывающие», что он и есть единственный за всю историю мессия — можете идти и проверить. Все эти, да и многие другие, личности, проступающие время от времени в ее дочери, были ей совершенно незнакомы, а само предположение, что девочка могла вращаться в подобном обществе, было обидным и оскорбительным. Единственное, что обо всех этих личностях Дарья могла сказать твердо и наверняка — это, что они еще более безумны, чем сама Машка.

Но если насчет этих альтер-эго Дарья могла со скрипом допустить, что Машка, пользуясь предоставляемой ей относительной свободой, могла насмотреться лишнего по телевизору или в интернете, интерпретировать увиденное на свой незрелый лад и выдать в трудную минуту невразумительную мешанину... то «А-жи-жу!» она подслушать никак не могла.

Насколько возможно совпадение? Совпадение на уровне старых мексиканских сериалов, где брошенный на помойке нежеланный младенец спустя 20 лет *случайно* приходит служить дворецким в ту самую семью, что от него избавилась...

Она включила верхний свет и прислушалась. Из соседней комнаты не доносилось ни звука. Хорошо это или плохо, она не знала, но не позволила себе размышлять об этом, а вместо этого достала из-под кровати Машкин ноутбук. Его Женя тоже оставил в знак особого расположения к дочери, а Дарья предусмотрительно изъяла. Вскоре она уже бороздила гугл, разыскивая информацию про изгнание бесов.

Информация была крайне неутешительной. Это на западах экзорцизм был по-прежнему в моде, и любой дурак мог хоть каждый день ходить в ближайшую церквушку на «отчитку». В России же с этим давно было туго, вплоть до того, что РПЦ уже давно собиралась её официально запретить.

Если верить большинству источников, редкий батюшка умеет это делать, а еще реже попадется тот, кто возьмется «отчитывать» ребенка. Вроде как в Александро-Невскую лавру можно было обратиться. Поиск же по Красноярску выдал только богатый список шарлатанов цыганской наружности. Дарья углубилась в тему и совершенно разочаровалась. Оказывается, даже если она найдет грамотного батюшку, то ей необходимо будет предоставить справку, что ребенок психически здоров... А справку ей, само собой, ни один психиатр не даст. Но

даже если она умудрится такую справку добыть, то прежде чем приступить к отчитке, надо будет продемонстрировать церкви неопровержимые доказательства одержимости. Дарья, все более тоскливо прочла небольшой список:

Демонстрация сверхъестественной силы — ни разу Машка не была замечена за тем, чтобы поднять на руки медбрата или завязать в узел металлическую ножку больничной кровати. Иррациональное отвращение или ненависть к церковной атрибутике — маленький золотой крестик Дарья с нее сняла совсем недавно, боялась, что потеряется. И Машка ни разу не обратила на него внимания, не говоря уж о дискомфорте. Изменения голоса — Дарья ни разу не замечала, чтобы голос Машкин как-то качественно изменился. Менялись интонации, выражение лица, наблюдались множественные речевые дефекты, даже скорость и манера самой речи, но ни разу не было такого, чтобы дочь заговорила чужим голосом. Противоестественные знания — ни один из ее альтер-эго не сообщил, например, какого цвета было нижнее белье профессорской жены этим утром. Честно говоря, все ее «демоны» не обладали хоть какими-то адекватными знаниями и несли совершенный бред. Что уж говорить о знаниях противоестественных... Владение неизвестными прежде языками. Надежда на то, что «пыр-дыр» и «а-жи-жа» — это слова из языка какого-нибудь папуасского племени, была крайне призрачной.

Список на этом не заканчивался, но остальные пункты были совсем уж фантастическими — вроде левитации или повелевания дикими животными.

Дарья подумала о том, что та самая «а-жи-жа» вполне могла сойти за противоестественное знание, но согласится ли с этим батюшка или просто примет ее за неразборчивый лепет умственно поврежденного дитя...?

Мальчишка-шаман мог бы подтвердить... Дарья внезапно оживилась и снова зацелкала клавиатурой.

«Он явно о чем-то догадывался или подозревал», — думалось ей, — «Не зря он советовал явиться вторично, когда Алтанай вернется...»

Поисковик выкатил несколько статей об Алтане и множество черно-белых фотографий, среди которых она узнала ту, что описывал Олег. Несколько фигур на фоне поваленной и выжженной тайги, среди которых затесался подросток азиатской внешности. Заголовок под фото гласил *«Старейший очевидец падения тунгусского метеорита отмечает 100-ый День Рождения»*.

Статья была почти двадцатилетней давности, и в основном касалась воспоминаний о памятном дне:

«В какой-то момент сильно посветлело, хотя утро и так было солнечное. Я вышел из чума и увидел, как небо раздвоилось и словно зажглось. Будто второе солнце вспыхнуло. Стало очень жарко. Так жарко, что мне показалось, что на голове загорелись волосы. Я кинулся к кадке с водой, но небо внезапно схлопнулось, и раздался сильный удар. Чум завалило, кадку опрокинуло, а меня отбросило. Земля скакала под ногами, слышались взрывы, словно палили из пушек, а по траве, выжигая вокруг кривые дорожки, несся огненный ветер. Я прижался к земле и ждал смерти. Казалось, наступил конец мира.

Мы так и думали много дней, пока не появились русские и не объяснили, что небесное тело упало. Дед — он тоже был шаманом — сказал, что это очень скверно, нельзя тревожить Тунгусскую Тайгу, а тут такой удар... Он тогда и повелел убираться из тех краев, но иногда нам, избранным, приходится возвращаться....»

Дарья бегло пробежалась по остальному тексту, который, в основном, касался быта

эвенков и шаманских ритуалов. Глаза уцепились только за главный вопрос репортера: «*Не считаете ли вы, что стали долгожителем, благодаря тому событию?*»

«— *О, нет... метеорит тут не при чем, — Алтанай лукаво усмехнулся, — Можете написать, что виной всему чистый сосновый воздух и здоровый образ жизни. Мой дед прожил 105 лет, надеюсь, мне удастся его переплюнуть...*»

Статья была датирована 5 апреля 1998 года, целую вечность назад. А Алтанай по-прежнему жив... Дарья вдруг подумала, что совершила большую ошибку, покинув поселок. Столько времени упущено... Надо было ждать, когда Алтанай вернется, и повторно ехать к нему. А теперь на календаре конец февраля, и совсем скоро эвенкийская зимовка у водопада подойдет к концу. Где его потом разыскивать?

Она лихорадочно нашла сайт аэропорта и заказала билеты на следующий же день. От сердца внезапно отлегло. Да, теперь ей не светит ни спецборт, ни медсопровождение, а везти бредящую и ходящую под себя дочь в общем салоне — такое себе удовольствие... Вполне вероятно, что их обеих выбросят в иллюминатор и парашют не дадут. Дарья фыркнула, потом расхохоталась. Машка за стеной тут же отозвалась сонным «*пыр-дыр-а!*», но Дарья продолжила хохотать, утирая выступившие слезы.

«*Я становлюсь так же плоха, как она*», — подумалось ей, но чувство облегчения не отпускало. А еще сердце радостно скакнуло от предвкушения, ведь совсем скоро она снова увидит Олега!

...

В прошлые свои перелеты Дарья была полностью погружена в переживания, а потому за борт и не смотрела, но в этот раз Машка решила быть умницей и всю дорогу мирно сопела, свесив голову на грудь. А Дарья внимательно разглядывала в разрывы облаков плывущую внизу тайгу. Место падения метеорита не было видно — оно было далеко за горизонтом, но тут и там она замечала небольшие круглые проплешины на лохматой зеленой шкуре.

Почитав статьи, она узнала, что метеорит не упал в прямом смысле этого слова, а разбился о густую атмосферу в нескольких километрах над тайгой, как сырое яйцо разбивается о пол. А вспоминая рассказ Алтаная, она верила, что та самая «пальба из пушек» и была брызгами разбившегося метеорита. Вскоре она с удивленной радостью различила водопад, у которого зимовали эвенки. Отсюда, с высоты птичьего полета, он казался таким близким к поселку — и не скажешь, что до него нужно добираться на машине...

При подлете, самолетик сделал несколько кругов над поселком — видимо, ждал добро на посадку. Как на ладони были и прииски, и жилые кварталы, и больница, и ненавистная школа. Дарья даже смутно порадовалась — что бы там ни ждало их дальше, больше Машка порог чертовой школы никогда не переступит. Она пригляделась получше, и ей показалось, что школа расположена на такой же «проплешинке». Не деревья — в основном посаженные в середине прошлого века тополя — были маркером, а какая-то неясная диспропорция, некоторая корявость на общем ровном полотне строгих прямых улиц и скверов. Какое-то едва уловимое углубление. Или ей только мнится? Она закрыла глаза, досчитала до десяти и снова открыла, стараясь охватить взглядом как можно бóльшую площадь. Ощущение не изменилось. Школа, а также детский сад и небольшая деревянная хибара сбоку от него находились словно в естественном ландшафтном углублении. Неужели «брызги» разлетелись так далеко от эпицентра?

Самолет пошел на посадку, и она отвлеклась. Машка по-прежнему или спала, или была в нередком для нее «коматозе». Дарья решила дождаться, когда все пассажиры выйдут и

только потом попробовать ее разбудить, а может, и не будить вовсе, а аккуратно донести до автобуса. Глядишь, и проспит всю дорогу до дома.

...

Валентина Ивановна заметно сникла, обнаружив на пороге дочь с внучкой.

— А врачи разрешили перевозить ее? — спросила она после того, как Дарья унесла ребенка на тахту и принялась снимать с нее верхнюю одежду.

— Врачи открестились, мама, — ответила Дарья, устало стаскивая с себя пуховик, — Предложили забрать ее домой и посмотреть, что будет... Поэтому я не посчитала необходимым ставить их в известность.

— А Женя твой что говорит?

Дарья многозначительно скривилась, и Валентина Ивановна, понимающе умолкнув, принялась разглядывать внучку:

— Она спит или...?

— Напичкала ее седативными перед перелетом, — Дарья посмотрела на мать, — Не переживай, мама. Я буквально на пару дней, а потом мы вернемся в Красноярск.

— Я же говорила, что закончу с отчетами и приеду к тебе... Ты получала переводы? Деньги, может, закончились?

— Тебе не обязательно приезжать. Если ей не станет лучше, я ее оформлю обратно в стационар. Даже вдвоем мы с ней не справимся

Дарья поманила мать за собой на кухню, поставила на плитку чайник.

— Тот мальчишка так и не появился? — спросила она, — Ну, который вслед за Машкой пропал...

— Нет. Месяц полиция прочесывала все квартиры по нескольку раз. Даже ко мне приходили, с кисточками и пудрой по всей квартире лазали. Потом еле отмыла эту пудру. Никаких следов.

— Странно...

— Конечно, странно! Таких исчезновений не было со времен Чибиса. Словно из могилы, черт поганый, поднялся и за старое.

— Да я не о том... Странно, что Машка нашлась. В таком состоянии, как у нее, она точно не могла устроить побег. Получается, тот, кто ее похитил, потом оставил ее на видном месте. Зачем? В чем смысл?

Чайник тоненько засвистел, и женщины налили себе чаю.

— Не знаю, Дадуня, — Валентина Ивановна задумчиво грызла сушку, — Может, слаба Машка оказалась, повредилась головой от того, что эти нелюди с ней делали. Вот они и выбросили ее — все равно ведь ничего не расскажет.

— А после него ребята не пропадали?

— Нет, он последний.

— Странно...

— Что теперь?

— Не знаю, мама...

Дарья вздохнула и отпила из кружки. Где-то глубоко брезжили неясные догадки и предположения, но она никак не могла их собрать воедино. Не похоже, что Машку просто выбросили, как испорченную куклу. Ей упорно казалось, что ее именно *вернули*, а на ее место забрали другого ребенка. И все это было проделано в спешке, отсюда и неразбериха с одеждой... Но в чем причина возврата и какова конечная цель? Этого она не могла даже

предположить, но все больше сомневалась, что речь идет о сексуальных экспериментах или «хоум видео».

— Я отвезу ее завтра к эвенкам, — произнесла она, глядя в окно на виднеющуюся за соседним домом новенькую школьную крышу. Валентина Ивановна засопела от негодования, но голос повышать побоялась, чтобы ненароком не разбудить внучку, — Если Алтанай не поможет, то...

— Дура ты, Дадуня! Сорок лет не за горами, а все в сказки веришь! Да они обдерут тебя как липку, всучат шкуру дохлого кабана и скажут трижды в день в нее обрядить Машку и выгуливать на северном ветру. К врачам ее надо!

— У врачей были мы, мама... Долго были...

— И как ты ее потащишь к водопаду? На своем горбу?

— Почему же на горбу... Олега Иннокентьевича снова придется попросить...

Валентина Ивановна вдруг поджала губы, а потом ее круглое лицо расплылось в понимающей ухмылке. Дарья неуютно заерзала на табурете, глаза забегали.

— Сразу бы так и сказала, что на Олежку нашего глаз положила, — хмыкнула мать и взяла из вазочки еще сушку, — А то колдуны, эвенки... Попробуй, но губу сильно не раскатывай. У нас за него тут в свое время целое бабское побоище шло, но так никто его и не окольцевал. Сейчас, конечно, страсти поутихли... Но все же у тебя прицеп, и какой! Тут надо редкими качествами обладать, чтобы...

— Прекрати, мама, — Дарья насупилась, — Я ни о чем таком даже не думаю. Это единственный человек, который по-настоящему помогал мне. И тогда, и сейчас.

— Ладно, ладно, — Валентина Ивановна благостно отмахнулась и поднялась. Дарья не стала дальше оправдываться. В принципе, пусть думает, что хочет, главное, чтобы не препятствовала ее планам.

— Мам... ты посидишь немного с... ней? Я только до школы и обратно. Если она вдруг проснется, то... просто запишись в своей комнате.

— Так все плохо?

— По-разному бывает.

Валентина Ивановна задумчиво покосилась в сторону зала и нехотя кивнула.

Дарья оглушённо сидела на страшно неудобном стуле с прямой спинкой, на котором каждый будет чувствовать себя провинившимся школьником. Олег Иннокентьевич несколько секунд назад закончил гневную отповедь, что только усиливало этот эффект, и с мрачным видом глядел в окно на февральские сумерки.

Она рассчитывала если не на пламенные поцелуи и объятия, то хотя бы на улыбку, на что-то такое, что намекнуло бы ей... что он рад новой встрече. Но когда она вошла, он поднял на нее глаза и застыл с выражением на лице, которое она не могла истолковать иначе, чем «*Только не это...!*»

— Какого черта ты вернулась?! Ведь я же говорил тебе..., - вновь закипятился он, отворачиваясь от окна.

— Куда мне было деваться...?

— Ну, уж точно не сюда! В конце концов, Красноярск — не пуп Земли. Если там не смогли помочь, можно поехать и в Москву, и в Питер... Там отличные специалисты... Если проблема в деньгах, я бы отправил, сколько нужно. Но ты притащила ребенка обратно в эту глушь ради кривляний ряженого скомороха?

Дарья понуро свесила голову на грудь и мысленно подбирала слова, чтобы попросить его...

— Я вас туда не повезу, — внезапно отрезал он, словно прочитав ее мысли, — Голову оторвать тому, кто втемяшил тебе эту дичь! Я жалею, что в прошлый раз пошел у тебя на поводу, но тебя надо было как-то отвлечь... А Девочка и так натерпелась, не хватает ей только плясок с бубном для полного счастья! Завтра же, а еще лучше сегодня, поезжай в аэропорт и купи билеты. Я проконсультируюсь со знакомыми и вышлю тебе контакты ведущих столичных специалистов.

Дарья поднялась, пожалев, что пришла. И действительно, какое право она имеет к нему вязаться? Свалилась, как снег на голову со своими проблемами, и вот — не прошло и года — снова! А все, что она там себе нафантазировала... так это от одиночества и страха.

— Простите, — пробормотала она и поднялась, — Я... мне пора...

— Опять сделаешь вид, что гордо уходишь? — тон его вдруг изменился.

— В каком смысле?

Повисло неловкое молчание. Дарья принялась накручивать вокруг шеи вязаный полосатый шарф и внезапно страшно смутилась под его взглядом. Было видно, что он только сейчас заметил и старательный макияж, и тщательно уложенные волосы, и синюю шелковую блузку с глубоким вырезом. В глазах его заплясали ироничные искорки, забрезжила какая-то мыслишка.

— Слушай..., - Он задумчиво пригладил торчащие щеткой на макушке волосы, — Может, я был слишком груб... но, поверь, это просто из-за волнения за тебя и за твою дочь. Я сегодня как раз собирался побаловать свою утробу отличным ужином и бутылкой вина. Как насчет составить мне компанию. Спокойно все обсудим и придумаем, чем я могу помочь твоей дочурке.

Неожиданная смена его настроения страшно смутила и насторожила Дарью. Она стыдливо запахнула поглубже пуховик и пожалала плечами.

— Я не могу оставить ее надолго. Мама... она может не справиться.

— Приходи, как уложишь ее спать...

— Я... попробую.

Она вышла из кабинета в ненавистные школьные запахи — жареной рыбы, свежей краски, пота, бумаги — и, почти не дыша, пробежала по лестницам до выхода. Ни на какое свидание она, конечно, не собиралась, потому что прекрасно видела, что Олег Иннокентьевич отнюдь не жаждет разделить с ней ни бутылку вина, ни, тем более, постель, хоть и подразумевалось и то, и другое.

Все, что она увидела — это то, что он распознал в ней интерес и собрался использовать его в собственных целях. Что это были за цели — ей было неведомо, но они пугали ее до чертиков. Торопясь домой обледенелыми, присыпанным отсевом тропинками, ей подумалось, что он не хотел, чтобы она возвращалась вовсе не из-за беспокойства за них с Машкой, а чтобы она ни в коем случае не попала к тому шаману — Алтанаю. Ей пришло в голову, что он не повез бы ее и в первый раз, если бы не знал точно, что шаман ушел скитаться или что-то вроде этого...

Дарья присела на скрипучие качели во дворе, пытаясь разобраться со своими неясными подозрениями. Дома — если нескончаемый Ад можно назвать домом — у нее точно не будет такой возможности. Так, чего бы он добился этим *свиданием*? Дарья грустно кивнула сама себе, представив уютный дом, накрытый стол и вино в компании интересного мужчины... Если бы он затеял это три месяца назад, она бы, без сомнения, тут же сдалась и верила их с Машкой жизни в его крепкие, надежные руки. Но три месяца назад, когда дочь нашлась, она и не вспомнила про шаманов. Поэтому, получается, и у него не было причин играть рокового соблазнителя...

А сейчас она с легкой гордостью осознала, что она уже совсем другая Дарья — характер окреп, а интуиция воспалилась, если можно так сказать... Иногда ей даже казалось, что она с легкостью читает мысли окружающих, а ведь всю жизнь до этого была, как слепой котенок — принимала мир таким, каким он сам решит ей показаться, и прятала голову в песок от любой неприглядной правды.

Олег явно не хотел ее встречи с Алтанам. И отнюдь не из-за опасений, что тот ей запудрит мозги. В такую наивную историю поверила бы разве что прежняя — слабая — Дарья. Значит, опасался он совсем обратного — что шаман расскажет Дарье нечто...

Вполне вероятно, что он, Олег, прекрасно знает, что на самом деле произошло с Машкой, и знает, что Алтанай это знает. Неужели он как-то в этом... замешан? Верилось с трудом. Ведь он спас ей жизнь когда-то, быть может, рискуя при этом собственной...

...

Дарья отчаянно подсакивала на жестком сидении, пока дядя Паша, отчаянно выкручивая руль и без конца дергая коробку, собирал все кочки, канавы и валежник. Дарье все казалось, что допотопный газик с поднятым до предела кузовом вот-вот развалится, и останется у дяди Паши в руках один только руль. На заднем сидении радостно «гулила» Машка.

— Не переживай, Дадуня! — он весело косил на вцепившуюся в поручень женщину, — Этот конь еще лет полста побеждает! Всю службу со мной прошел. Другие милиционеры с собой на пенсию своих собак забирали, а я вот выпросил автомобиль! Он уже двадцать лет как списан, а сносу ему нет, только крыло проржавело. Ну, да это не приговор.

...

Когда Дарья вернулась из школы, у мамы в гостях сидела соседка и, по

совместительству, давняя подруга Людмила. Из зала вместо музыкального сопровождения доносилось приглушенное закрытой дверью «дыр-пыр-а!». Она заглянула на кухню и поздоровалась, собираясь тут же уйти к дочери, но Людмила вытолкнула из-под стола третий табурет, и ей ничего не оставалось, как нехотя присесть и взять в руку липкую рюмку густой рябиновой наливки.

— Ну, что? Когда Олежка вас отвезет? — спросила она.

— Никогда, — коротко ответила Дарья и пригубила напиток.

— Благослови его Господь! — возвела очи горе мать, — Хоть один здоровый человек в этой психушке!

Но через пятнадцать минут Дарья уже кидала в сумку некоторые necessities, вроде воды, носовых платков, таблеток и памперсов.

— Люся, я же тебя как человека просила! — вопила мать.

— Путь девочка попытает счастья. Алтанай — не какой-нибудь там проходимец! — визгливо отвечала ей из прихожей Людмила.

— Дыр-пыр-а-пыр-дыр-а..., - согласно бормотала Машка из угла, деловито отдирая обои.

— Валюш, твои девчонки со мной будут, как у Христа за пазухой! — смеялся дядя Паша, тыча пальцем Валентину Ивановну в пышный бок, — Ты только нам пожрать с собой заверни, а то я еще не ужинал.

— Так иди и ужинай, рассольник на плите! — возмущалась Людмила и тут же успокаивала подругу, — Пашку моего не знаешь, что ли? Да уж если отправлять девчат в тайгу, то только с ним.

— Пыр-а-дыр-а-дыр-а-пыр, — поддакивала Машка с полным ртом обоев.

— Да сдался ей твой Паша! Она хотела с Олежкой прокатиться, а Олежка ишь — прокатил!

— Мама! — оскорбленно закатывала глаза Дарья, но при этом не могла сдержать улыбку. Веселая соседская семейка здорово разгоняла ауру отчаянья и боли в квартире. Она удивлялась, почему еще *тогда* не обратилась к ним — давним и самым близким друзьям родителей... Впрочем, тогда была другая ситуация.

...

— Не вешай нос, Дадуня, — весело произнес Павел, — Еще полчаса ходу, и мы на месте.

— Полчаса? — Дарья удивленно поглядела на спутника.

— Может и меньше, если поднажму. Но боюсь, тогда Марию Евгеньевну растрясет, и ей точно придется менять памперс, — подмигнул он, — Не знаю, сколько Алтанай вас промурыжит, но я обещал Валентине, что верну вас домой не позже полуночи, и решительно настроен обещание исполнить!

— Олег меня возил гораздо дольше... И даже... в общем нам пришлось заночевать в машине, потому что он сказал, что... по тайге ночью ездить не стоит...

Павел громко расхохотался, зажал себе рот рукой, но было уже поздно — с заднего сидения незамедлительно последовал громкий, залиvistый и совершенно дебильный смех.

— Сама то слышишь себя, дочка? — он утер выступившие слезы и чихнул, — И вроде давно уже из подросткового возраста вышла, чтобы верить таким жирным оправданиям.

— Да что вы..., - Дарья страшно смутилась. С виду, действительно, все было шитое белыми нитками... За одним исключением — это было слишком далеко от правды.

— Тайга эта испокон — как мать. Согреет, накормит и оденет. Бояться ее не надо, но уважать — необходимо. А насчет Олежки... ты присмотрись. Хороший он человек. Лучший в поселке, а может и во всем Крае. И тогда тебя выручил, и сейчас помогает... Холостой, обеспеченный, благородный... И судя по тому, что ночь тебя в тайге держал, то вполне не...

— Не надо, — Дарья уставилась на свои ладони, — Ни о чем таком и мыслей не было. Все-таки Машку тогда искали...

— Что врачи говорят? — сразу посерьезнел и сменил тему Павел, — Валентина говорила, никакого прогресса?

— Если бы был прогресс, разве я стала бы опять по тайге бегать в надежде на помощь колдунов?

— А следствие как идет?

Дарья пожала плечами. Она уже давно не видела и не слышала ни одного полицейского. Первое время приходили, интересовались, не пришла ли в себя...

— Думаю, вам, как бывшему следователю, известно больше, чем мне.

— Не смейся, — фыркнул Павел, чуть приоткрыл окно и стиснул зубами беломорину, — Мы тут никогда ничего не решали, кроме пьяных драк и проколотых автомобильных шин. Даже тогда, когда Чибиса поймали, он в местном изоляторе три дня провел, а потом его в Край перевезли. Даже протоколы опросов писали под диктовку. Так и сейчас. А если учесть, что я уже 25 лет на пенсии...

— А мальчика, который после Машки пропал? никаких зацепок?

— Да его давно уж искать прекратили...

— Жаль... так, видимо, и не узнаю, как его трусы оказались на Машке.

— О чем ты?

— Разве мама вам не рассказывала? Впрочем, да, — Дарья почесала переносицу, — Я ей не стала говорить, только Олегу обмолвилась. Как-то вылетело... В общем, когда Машку нашли, на ней половина вещей была чужая. Словно ее раздевали, а потом в спешке или по небрежности надели, что под руку попало. Анализы какие-то делали, сказали, что трусы и майка того пацана, что вслед за ней пропал, а носки вообще какой-то девочки, которая больше пяти лет числится без вести... Что с вами?

Дарья качнулась вперед и с любопытством покосилась на Павла, который внезапно отпустил педаль газа. Машина затряслась и заглохла. Он долго глядел вперед, на падающий за лобовым стеклом мелкий серенький снег, а потом повернулся к ней и с расстановкой спросил:

— Будто там была целая куча вещей, из которой выбрали что сверху лежало... и...

— Вроде того...

— А Олегу, значит, говорила... И что он ответил?

— Да я уж и не помню... кажется, ничего...

Павел открыл пошире окно, с трубным звуком выплюнул окурок, а потом включил первую и снова тронулся в путь.

— Уже было подобное, да? — Дарья во все глаза смотрела на растерянно играющее желваками лицо водителя, — Когда?!

— Я... расскажу тебе. Но после того, как ты поговоришь с Алтанаем. Думаю, мы близки к разгадке очень давней истории..., - он кивнул на лобовое стекло и вырубил дальний свет.

...

Дарья проследила за его взглядом и облегченно выдохнула. Лагерь эвенков находился

на прежнем месте. Только маленький водопад едва подавал голос, скованный толстым слоем льда. Она взялась за ручку и замерла в нерешительности.

— Собаки...

Павел натянул на уши черную «пидорку» и распахнул дверь.

— Это Бим и Бом. Добрейшие существа. Поэтому не бойся и проверь, как там дочка. Если нужно будет, подсоблю тебе ее нести.

Дарья оглянулась на заднее сидение, и обнаружила Машку снова пустой. В принципе, для нее это был лучший из вариантов, хоть и придется тащить на себе безвольное, словно лишенное костей, тело. Она застегнула на ней куртку, надела шапку и, чувствуя смутный укол материнской ностальгии, сунула руку под попу, проверяя памперс. Ничего, терпеть можно...

Она вышла из машины и стала вытаскивать Машку, тут же почувствовав знакомые, фыркающие толчки под зад — Бим и Бом тут как тут. На этот раз Дарья даже осмелилась коснуться ладонью их широких, как у телят, покрытых короткой жесткой шерстью, лбов и позволила им обнюхать свисающую с ее рук бесформенным пестрым кулем дочь.

Так, в сопровождении собак, она и пришла на стоянку. Дядя Паша уже разговаривал с эвенками, и она с удивлением обнаружила, что не понимает ни слова. Она задрала рукав пуховика и обнаружила, что на часах уже почти десять вечера. Стало неловко и неудобно заявиться в столь поздний час. Но, к ее удивлению, поселок и не собирался спать. Детишки без устали бегали вокруг чумов, на кострах под присмотром женщин булькали котлы, от которых поднимался густой, ароматный пар, мужчины широкими, как лопата, скребками, чесали оленей и невероятных, заросших густой, длинной шерстью лошадей, только стариков не было видно — наверное, сидели в тепле жилищ на толстых лежанках из шкур.

Дарья устала держать дочь и, осмотревшись, присела на какую-то волокушу с полозьями. Бим и Бом тут же затыкались носами в Машку, шумно отфыркиваясь и беззлобно отпихивая друг друга. Она вспомнила, как боялась их в первый раз... Тогда ей казалось, что это, хоть и очень умные, но невероятно злобные существа, которые не нападают на нее только потому, что не имеют права. Сейчас же, заглядывая исполинским псинам в глаза, она не видела ничего, кроме доброго интереса и... сочувствия?

«Дадуня!» — услышала она, и тут же поднялась. Дядя Паша махал ей рукой, стоя в компании того самого молодого шамана. На сердце опустился холод. Неужели Алтанай не вернулся? Или снова ушел? Или... умер? Ему ведь больше ста лет... Что ж она не дождалась его тогда, а уехала?...

— Алтанай?.. — начала было она дрожащим голосом, и вдруг увидела под полой приподнятой оленьей шкуры, в тепло мерцающем нутре чума старца, неторопливо завязывающего на лице какую-то черную тряпку с прорезями для глаз и расшитую костяными бусинами. Пола опустилась, отрезая обзор.

— Он сначала посмотрит Машу, — ответил Павел, — Я ему в общих чертах описал... Ему не понравилось то, что он услышал.

— Не понравилось...

— Отдай ее Тамнаргуну, — он кивнул на молодого шамана, имя которого Дарья никак не могла вспомнить все три месяца, — И подожди здесь. Алтанай позовет.

Она с облегчением передала Машку в молодые, крепкие руки и наблюдала за тем, как тот скрылся в чуме.

— Вы... так хорошо с ними говорите на их языке...

— Так большинство местных преступлений только благодаря мастерству эвенков и раскрывается. Особенно, что касается пропажи людей. Сразу говорят, жив ли — нет. Если жив, мы шевелимся шустрее, если нет... откладываем на потом...

— А почему же..., - Дарья запнулась, — Разве они тогда с Чибисом не могли помочь, чтобы найти детей?

Павел одарил ее долгим изучающим взглядом и, помолчав, ответил:

— Тогда мы еще не додумались просить у них помощи. Я все тебе расскажу. На обратном пути.

Оленья шкура вновь приподнялась, и Тамнаргун поманил ее внутрь. Она склонилась и торопливо вошла, уверенная, что Машка начала буянить, и ее зовут, чтобы усмирить ее. Но та всего лишь оживленно и кокетливо интересовалась у шамана, из Романовых он или из Рюриковичей. Дарья скривилась. Она терпеть не могла эту вертлявую, помешанную на царских родах дамочку, в которую время от времени превращалась ее дочь. Впрочем, ей одинаково противны были все дочкины «личности».

Женщина вопросительно поглядела на Алтаная, и тот стянул с головы капюшон. Ей сразу стало спокойнее. В этом капюшоне он напоминал ей архаичных средневековых палачей.

«Почти сто двадцать лет... А выглядит на крепкие семьдесят...», — промелькнула у нее мысль.

— Ее там нет, — произнес он устало, качнув головой на Машку, которая с нахальной кокетливостью пыталась забросить ногу на ногу, но памперс сильно стеснял ее движения. Дарья торопливо закивала, испытывая почти болезненное облегчение. Значит, она все правильно чувствовала — и это утомительное отвращение и раздражение к собственному ребенку было не проявлением слабого характера или малодушия, а криком материнского сердца, чувствующего подмену.

— Кто... кто же там? В ней? Бесы?! — шепотом спросила она.

Алтанай скривился, словно надкусил лимон и отвел глаза.

— Вечно вы про бесов... Нет в ней бесов. Бесы — ерунда. Даже мой правнук с легкостью прогонит хоть целый легион. Но от этого ее положение не легче.

— Так что же с ней?

— Я уже сказал. Проблема не в том, кто гостит в доме, а в том, что хозяин отсутствует.

Дарья нетерпеливо и озадаченно глядела на шамана.

— Ну, так... верните ее!

Он вздохнул, поднялся и отвел оглушенную Дарью к лежанке из ковров и шкур, усадил, а сам налил из невесть как сюда попавшего допотопного самовара крепкий чай и подал ей пузатую чашку без ручки. Подумал немного, налил еще одну и отдал ее Машке, которая с глумливой усмешкой отказалась.

— Я знаю, где твоя дочь, но не уверен, что ее можно вернуть обратно, — сказал он, — Ты послушай, женщина, и не перебивай меня. Вопросы задашь, когда я закончу.

Дарья кивнула, отхлебнув чай. Он был таким крепким, что ее сразу затошнило.

— Тунгусская тайга — особое место. Мой дед, а он тоже был шаманом, говорил, что наша тайга на Земле — это все равно, что темечко на голове младенца. Очень тонкое и уязвимое. Даже просто ходить по этой земле надо на цыпочках и едва дыша, чтобы не... повредить его. Но также это и место огромной силы. Как родничок младенца — открытый канал в космос, так и наша Тайга — на прямой связи с Господом. Когда-то наш народ пришел сюда из Бурятских степей, чтобы быть ближе к Нему. Шаманы древности умели делать такое, о чем нынешним, и мне в том числе, остается разве что мечтать. Они могли вызывать грозы и ветра, учить диких животных и даже реки человеческому языку, менять свойства предметов и влиять на умы других на расстоянии. Я был совсем маленьким, но прекрасно помню, как напугался, когда мой прадед одним лишь взглядом испепелил троих

купцов, собирающихся отобрать у него отлично выделанные шкуры.

Быть может... Я не уверен, но вполне возможно, что кто-то из них заигрался и навлек на Тайгу страшную беду. А может, сам Господь решил наказать наш народ за тщеславие, ведь во многом мы приблизились к Нему.

— Метеорит, — задумчиво произнесла Дарья и тут же прикрыла рот ладошкой. Алтанай кивнул.

— Это была страшная трагедия. Если почитать ваши *викидети* и прочий бред, то оказывается, и жертв почти не было. А жертвы были. Почти весь наш народ или изжарило на месте, или раскидало так, что насадило на ветви деревьев, как жуков на булавки. По сей день мы, оставшиеся, зализываем раны. Горсточка потомков тех отчаянных храбрецов... Но удар тот привел в действие и другие ... *процессы*.

Алтанай помолчал, прихлебывая чай. Дарья глядела на него и никак не могла поверить, что перед ней древний старик. Его возраст выдавали разве что глаза и руки. Кисти были словно кости, обтянутые тонкой, почерневшей кожей, ногти расслаивались и отставали. Казалось, одно неловкое движение, и они отвалятся, а их дремучий владелец даже ничего не почувствует. И глаза — подслеповатые и бельмастые, с желтыми белками, густо усеянными темными крапинками. Ни у кого прежде она не видала таких жутких глаз...

— Метеорит и его осколки создали бреши на полотне известного нам реала, — продолжил Алатанай, — Если раньше лишь опытные шаманы путем трансов, медитаций и некоторых других метод могли отделиться духом и путешествовать по иным пространствам, то после падения метеорита это стало доступно любому смертному, обладающему базовыми знаниями. И путешествовать он уже мог не духом, но телом.

— Что? Вы хотите сказать — физически?

— Именно так.

— То есть Машка... она была в одном из этих пространств?!

— О нет! Она служила лишь средством для путешественника. Своеобразным ключом от двери. Дослушай, пожалуйста, до конца... Мы называем это место *Мэдэ Угэй* — мир скорбных духов. Это очень неприятное место. Можно сказать, свалка бракованных душ. Трудно сказать, когда она появилась и почему, но..., - Алтанай усмехнулся, — Ты верующая?

— Что?

— Веруешь ли в твоего Бога, веришь ли библейским легендам?

— Уже не знаю... Это имеет значение?

— Я просто ищу способ рассказать более понятно.

— Я... скажем, я знакома с религией.

— Хорошо... Так вот когда-то ваш Бог заскучал в одиночестве и решил сотворить себе компанию в виде людей. И вдохнул в них разум. Эксперимент удался, он даровал первым людям жизнь вечную и прочие радости, и стали они жить-поживать в Райских кущах. Некоторое время спустя разум люди использовали против своего создателя, устроили грехопадение и были изгнаны на Землю.

Вечной жизни они были лишены, но все же жили непозволительно долго, — Алтанай хмыкнул, почесал переносицу, — Впрочем, как-то эту тему я обсуждал с одним неутомимым исследователем, и он отверг божественный вклад в ветхозаветное долгожитие. Он считал, что люди тогда жили по 500 лет и дольше лишь потому, что атмосфера была более насыщена кислородом. Впрочем, причины это не слишком важны. Важно то, что именно тогда и выяснилось, что разум человеческий крайне хрупок и не долговечен.

Прошло совсем немного времени, и Землю уже населяли безумцы, ибо редкий разум мог пережить столетний рубеж в целостности, а что уж говорить про пятьсот лет! Разум и душа неделимы и вечны, и тогда Господь решил оградить бракованные души от последующего перерождения и создал для них некий отстойник — тюрьму — куда они отправлялись коротать вечность. При этом Он стал аккуратно снижать длительность человеческой жизни, пока не добрался до нынешних семидесяти-восемидесяти лет. Да и то, не каждый доживает до этих лет в здравом уме и трезвой памяти. И человечество страшно заблуждается, веруя, что после смерти душа восстанавливается. Нет, милые мои, коли умер человек в маразме, в маразме он и останется на веки вечные. И попадет в *Мэдэ Угэй*, чтобы не иметь возможности переродиться в новом теле и потащить свой искалеченный разум в новую жизнь.

— Но ведь..., - Дарья нахмурила брови, — Бывает же, что дети рождаются *уже* с нарушениями. Как насчет врожденных заболеваний психики?

— Это просто поломки, — отмахнулся Алтанай, — Так же, как человек может спянуть и в двадцать, и в тридцать лет, он может спянуть и в утробе матери, и до зачатия, ибо цикл жизни бесконечен и не имеет начала и конца, а разум, как я уже сказал, очень хрупок. Думаю, закончится все тем, что жизнь человеческая будет все укорачиваться, пока человек, как бракованный, неудачный эксперимент совсем не уйдет в прошлое. Возможно, после Господь создаст более удачную версию, как когда-то на заре истории хомо сапиенс вытеснил неандертальца. Я не утверждаю, что моя версия — это истина, но за свою жизнь я не слышал более логичной.

Алтанай замолчал, снова принявшись за чай, а Дарья изо всех сил пыталась осмыслить услышанное. Взгляд ее коснулся Машки, и она почувствовала легкий стыд. Лицо ее и поза изменились. Расхлябанность и кокетство ушли, сменившись обиженной, угрюмой задумчивостью. Она подобралась, грузно оперевшись предплечьями на широко расставленные колени и сосредоточенно надувала маслянисто блестящие губы. Косноязычный гомик вернулся. Если он сейчас заговорит...

Она тряхнула головой и быстро спросила:

— Но каким образом это связано с моей дочерью? Если я все правильно поняла, теперь эта толпа бракованных душ по очереди атакует ее. Но почему ее?

— Не толпа, вовсе нет. Лишь малая толика тех, что ушли совсем недавно и не успели затеряться в *Мэдэ Угэй*. Так скажем, находятся в очереди с конца, — Алтанай помолчал, — Кто-то — я подозреваю, что это был мой дед- продал смертным в свое время метод, как открывать двери в мир скорбных духом, и твоя дочь попала в число несчастных, кого выбрали стать ключом.

— Зачем вообще открывать туда дверь? — воскликнула Дарья, запутанная туманными байками и по неосторожности выведя *«грустного педика»* из мрачной задумчивости. Тот приподнял брови, обвел присутствующих мутным взором и забубнил: *«Я любил его. Любил-любил. Вместе жить хотели. Хотели. Она не позволила, отправила сюда. Сука»*.

— Потому что там, к сожалению, находится источник если не вечной, то очень-очень долгой жизни.

Дарья, не веря своим ушам, уставилась на шамана. Тот кивнул.

— Мой дед первым нашел способ создать портал и добыть слезу. Правда, ценой собственного разума, ибо никто не может пройти через *Мэдэ Угэй* и остаться в здравом рассудке. Впрочем, дед оказался очень сильным и почти до самой смерти мог сам о себе

заботиться. Думаем, он и передал посторонним «рецепт» — никто в здравом уме не стал бы делиться таким губительным знанием...

— Вы сказали, добыл слезу?... Что за слеза?

— Если доберешься к самому истоку *Мэдэ Угэй*, окажешься на коленях исполинского старца. Он настолько древен, что превратился в камень. Мы не знаем, как его звать на самом деле, но, следуя вашим библейским легендам, назвали Мафусаилом — непревзойденным долгожителем. Если он и не был первейшим постояльцем *Мэдэ Угэй*, то уж точно одним из первых. Единственное, что еще в нем живо — глаза, из которых без конца текут слезы страданий. Если собрать достаточное количество слезы, то будешь жить очень долго. Все хвори отступят. Насколько долго? У всех по-разному. Кому-то хватает одной «порции», а кому-то приходится ходить туда часто... Мой дед был там один раз, прожил сто пять лет и жил бы дольше, но утопился в Тунгуске. Уверен, что теперь он там же, бродит в пустошах.

— А вы? — Дарья сглотнула, — Вы ведь там тоже были?

— Я произвожу впечатление безумца? Нет, я там не был.

— Расскажите про свежий сосновый воздух, — она слабо улыбнулась.

— Нет. Не расскажу. Я принял слезу Мафусаила, но сам за ней не ходил. И сейчас я тебе все объясню более предметно...

...

— Тамнаргун, уведи ее к женщинам и попробуй накормить, — обратился Алтанай к внуку, и тот послушно взял бубнящую Мащку на руки и унес в поднимающуюся февральскую вьюгу.

— Зачем? — испугалась Дарья.

— Не бойся, — Алтанай достал жестяную коробочку с табаком и принялся скручивать папироску, — Я не знаю, насколько для *них* ценна эта информация и насколько некоторые из них в состоянии ей воспользоваться, но рисковать не хочу. Эвенкил однажды уже рискнули, доверив свои секреты посторонним.

— Воспользоваться? Для чего?

— Понятия не имею. Например... попробовать вернуться, — Шаман выпустил густое кольцо дыма и задумчиво наблюдал, как оно тает, — Ведь каждый мечтает переродиться... Даже безумец.

...

— Чтобы создать даже самый маленький портал, нужно много энергии. Чтобы удержать его в стабильном состоянии — эта энергия нужна постоянно. В свое время у нас был такой портал в глухой тайге неподалеку от падения метеорита, и мы использовали в качестве живых батарей добровольцев. Как правило, добровольцами вызывались старые, больные, или близкие больных, готовые пожертвовать собой, чтобы дать родным шанс. Паломник за слезой тоже жертвовал. Своим разумом и возможностью к перерождению. Пока однажды мы не нашли способ добывать слезу, не жертвуя паломником. Ибо ему нечем было жертвовать.

— Сумасшедшие?

— Сумасшедший в прямом смысле этого слова вряд ли способен был бы проделать такой путь и выполнить задание. Но человек с нарушениями психики — вполне. Был у нас в поселке один такой дурачок, который ходил за слезой чуть ни каждый месяц. И, честно говоря, хуже ему не стало.

— Разве..., - Дарья пожевала нижнюю губу, — Разве нельзя было ему самому принять

эту слезу и выздороветь?

— Слеза лечит только тело. Поврежденный разум восстановлению не подлежит.

— Но как же тогда вы собираетесь вылечить мою дочь?! Из вашего рассказа я поняла, что для этого мне нужно пойти к Мафусаилу и принести слезу или... найти дурачка, который сделает это за меня. Разве нет?

— Нет, — шаман строго посмотрел на женщину, — Я уже несколько раз просил не перебивать меня. С твоими глупыми расспросами, мы просидим здесь до полуночи!

Дарья умолкла, исподлобья наблюдая за Алтанам. Зачем ей все эти странные, похожие на выдумку, подробности?

— Заряд энергии в человеческом теле ограничен. А у больных и старых, он едва покрывает доньшко, поэтому «батарейки» нам приходилось менять часто. Если из строя выходит некоторое (в зависимости от величины портала) количество, их необходимо менять. А у кого самый большой запас энергии? Правильно — у детей. Мы на это никогда не шли, но ваше племя ничем не гнушается. Живая цепочка человеческих тел держит портал открытым, если перегорит одна «лампочка» — не страшно, только нагрузка на соседей увеличится, если перегорит две и больше — портал закроется, и придется потратить гораздо больше жизней, чтобы его вновь открыть.

— Так вот что..., - Дарья прикусила было язык, но не удержалась и продолжила, — Значит, Машку использовали в качестве такой «батарейки»? Но почему она теперь...?

— Портал представляет собой некую субстанцию, в которую перетекают души жертв. Они... словом, представь несколько бутылок с разными жидкостями, которые опрокинули, и их содержимое разлилось и перемешалось. Насколько возможно отделить и собрать жидкости обратно по бутылкам? Кто бы ни решил разорвать цепь, вернув тебе дочь, он явно не знал о такой проблеме. Тело вон оно, — Алтанай неопределенно мотнул головой, — а ее сознание по-прежнему там.

— И как...? — Дарья сглотнула, не решаясь задать вопрос, с горечью и ужасом предчувствуя, каким будет ответ — никак.

— Думаю... теоретически это возможно. Но без шамана не обойтись. Если шаман силен духом и разумом, то вступив в цепь он не потеряется в портале и заодно сможет найти и вычленив сознание твоей дочери. И вернуть его в тело.

— А как же эти? Которые сейчас в ней? Они уйдут?

— Это ерунда. Просто случайные пассажиры, которые сели в свободный вагон, да так в нем и остались. Как только откроются двери, они высадятся на своей остановке.

— Это... сработает?

— Обещать ничего не могу, но чисто теоретически... Твоя задача найти портал, а как найдешь, дай мне знать — я отправлю внука.

— Как внука?! Разве вы сами?...

— Я слишком стар для этого. А Тамнар-гун полон сил и воли. К тому же ему надо набираться опыта.

— Но он же совсем мальчишка!

— Он — шаман.

Дарья пытливо смотрела в глаза Алтаная, ожидая, что он что-то еще скажет, добавит. Быть может, успокоит ее, дескать, не переживай, малец толковый. Но тот молчал.

— Я знаю, где портал, — произнесла она, поднимаясь, — Можете собирать внука в дорогу.

Она натянула шапку, застегнула пуховик и приподняла полу шкуры. В теплое нутро чума тут же ворвалась противная влажная метель.

— Послушай напоследок... совет, — ответил Алтанай, — Не говори ни с кем о нашем разговоре. Дай себе преимущество.

— Что? О чем вы?

— Тот, кто разорвал цепь, явно хотел оказать тебе услугу, пусть и медвежьей.

— Даже дяде Паше нельзя рассказать? — неуверенным шепотом спросила она.

— Я не говорил — нельзя. Решать тебе. Но, как там говорят ваши умы: кто осведомлен, тот вооружен. Завтра на закате встретишь Тамнаргуна здесь — он почеркал на бумажке и протянул ей.

— Сколько ему лет?

— Четырнадцать.

— Если что-то пойдет не так..., - Дарья страдальчески сморщилась, — Он же совсем ребенок...

— Не переживай, никто на тебя в суд не подаст, — усмехнулся шаман.

Дарья вышла в усиливающуюся метель и зажмурилась от залепляющего глаза мокрого снега. Сложила руки козырьком и двинулась в направлении подмигнувшей ей машины. Забравшись в салон, она обнаружила Машку обсасывающей индюшачью ножку, и дядю Пашу, прихлебывающего что-то из термоса.

— Хочешь? — спросил он, предлагая ей плотнуть. Дарья уловила знакомый аромат крепкого эвенкийского чая и покачала головой, — Я пытался забрать у нее кость, но... Она словно вечность не ела мяса.

— Может, так и есть, — безразлично ответила Дарья, — Пусть.

Павел озадаченно поглядел на нее и, включив первую, двинул на разворот.

— Хорошо, что ты вышла. Время поджидает, да еще метель поднялась... Что сказал Алтанай? Поможет ей?

— Вы обещали рассказать, что тогда видели..., - выдержав паузу, произнесла Дарья.

— И расскажу. Времени как раз хватит. Пока ты была у Алтаная, я только об этом и думал. Многое уже стало забываться, но... Ты только пообещай, что никому не расскажешь. Я подписку давал. Понятно, что прошло уже тридцать лет, сам я на пенсии, и вряд ли кто-то начнет меня кошмарить, но...

— Я никому ничего не скажу. Обещаю.

...

— Когда группа приехала на вызов в школу, то обнаружила Олега, навалившегося телом на решетку в подвал. Ты сидела на лестнице рядом, сунув большой палец в рот, как младенец-переросток. Вами занялись подросшие медики, а мы спустились в катакомбы.

Чибисова мы нашли очень быстро. Он привалился к стене и заливался слезами над телом Миши Альхова. На руках его и одежде была кровь. Его быстро повязали и вывели, а сами продолжили обследовать катакомбы, уверенные, что все пропавшие дети... или то, что от них осталось, где-то здесь. Но коридоры были пусты и стерильны. Да и коридоров то было всего два. И оба они упирались в наглухо заваренные двери старого бомбоубежища. Был еще третий коридор, но тот обвалился еще в шестидесятых, во время сильного землетрясения. Именно там, под завалами, и обнаружился узкий лаз. Мы все были парни стройные, а потому, хоть и со скрипом пролезли. И остолбенели.

Бомбоубежище представляло собой покосившуюся от времени бетонную коробку с низким потолком. На полу, среди десятков свечей и простых батареечных фонариков лежали... тела детей. Они были выложены кругом — голова к голове... То есть..., - Павел сбился, закашлялся и стиснул зубы, — То есть, они лежали бы голова к голове, если бы у них все еще были головы. Шеи их были срезаны, словно каждый из них попал под нож гильотины. Все вокруг было залито кровью. Некоторое время нам понадобилось на то, чтобы совладать с эмоциями, а потом мы принялись обшаривать коробку в поисках... голов. Все это отдавало какой-то чертовщиной. Еще теплые, за исключением двух, тела, свежая кровь на полу и стенах. Ясно было, что большинство детей он убил только что, но как и куда он мог спрятать головы — было совершенно не понятно. А потом один из молодых сержантов... нашел ответ. Кровь, вылившаяся из детей, подсохла, а под ней стали проступать небольшие трещины на бетонном полу. Совсем тонкие — не шире школьной тетрадки в 18 листов, поставленной ребром. Из них наружу лез... костномозговой фарш, словно... Нет,

никаких ассоциаций у нас не возникло. Единственное, что приходило в голову — это, что трещины еще совсем недавно были достаточно широки для того, чтобы вместить голову, а потом... просто... ну...

— Схлопнулись, — подсказала Дарья задумчиво.

— Схлопнулись, да... Срезав детям головы и перемолов их внутри бетона, — Павел поглядел на спутницу.

— Продолжайте, — сказала она, не отводя глаз от лобового стекла.

— Только мы не могли понять, как это возможно... Если бы было землетрясение, достаточное для того, чтобы так корезить бетонную коробку, это, как минимум, было бы заметно снаружи! А как максимум... Если Чибисов придумал столь изощренную и чудовищную казнь своих пленников, как он мог землетрясение предугадать...?

Совершенно растерянные, мы не стали ничего трогать, молча опечатали все входа в подвал и сообщили в Край, что нам нужна помощь. Краевые прибыли на следующий же день, осмотрели место и отправили запрос о помощи в Москву. Это походило на какую-то чудовищную матрешку. Но и московские коллеги, проведя несколько дней в чертовом бункере, не смогли ничего объяснить. Долгие часы прошли за допросами Чибисова, но тот уже вовсе изображал психиатрию и вразумительного от него добиться не смогли даже под пытками.

— Психиатрию? — Дарья оторвалась от снежной пляски за окном, — А что он говорил? Мне, знаете ли, близка сейчас эта тема...

— Да Дьявол его разберет, что он там нес. Это у московских психиатров надо спрашивать, если кто из них еще жив. Этих старых профессоров штук десять тогда приехало. Но к тому времени, его уже в Край перевезли, поэтому я не в курсе, что этот зверь им там пел. Ну, а из того, что я лично от него слышал, пока он еще в нашем СИЗО торчал, это что-то про... *Мафусаиловы хляби*.

— Мафусаиловы?... - Дарья во все глаза глядела на своего спутника. Ей вспомнилась любимая Машкина игрушка, когда та еще была несмысленным. Кубик с фигурными прорезями и фигурки, которые к этим прорезям надо подобрать. Круги, звездочки, бабочки... Сейчас у нее было ощущение, что она сама играет в эту игру, и рассказ Алтаная идеально совпадает с воспоминаниями дяди Паши.

— Это то, что я запомнил, — Павел заметил Дарьян интерес, — Тебе это о чем-то говорит?

— Нет, просто... жутковато звучит, — Дарья неуверенно улыбнулась и отвела глаза.

— Все мы тогда в ужасе находились, пытались что-то выведать, узнать, найти логику. Даже Олежка порог СИЗО оббивал, просил свидания с Чибисовым.

— Олег? Зачем? — изумилась Дарья.

— По той же причине, что и мы. Чтобы дело раскрыли, рассекретили, и погибшие ребята были переданы в руки родителей и похоронены по-человечески... Ведь нам строго настрого запрещено было сообщать кому бы то ни было, что дети найдены, и в каком состоянии. Все тела были ночью тайно вынесены из бомбоубежища и, Бог весть, где они по сей день. А меня, остальную опергруппу и Олежку, как свидетеля, заставили подписать кучу бумаг о неразглашении. Погибшие ребята до сих пор числятся пропавшими без вести, а их родители, скорее всего, до сих пор надеются и ждут...

— Подождите... А Олег как узнал? Про детей?

— Не понял...

— Вы говорите, что долго искали детей в катакомбах, пока случайно не обнаружили лаз... Если Олег был там, почему вам не сказал?

— Я ведь уже объяснял, что Олега мы нашли страшно перепуганным. Он и говорить толком не мог несколько дней.

— И... что он рассказал, когда смог говорить?

— Сказал, что случайно обнаружил незапертую решетку, спустился. Услышал в переходах какую-то возню и решил, что школьники стащили у гардеробщицы ключ. Пошел на звуки и никого не нашел, а потом уловил детский плач откуда-то снизу. Так и обнаружил лаз. Спустился, увидел тебя у входа и Чибисова с ребенком в стороне. Схватил тебя и дал деру обратно.

— А дети? Они были еще живы?

— Говорил, что не разобрал, — Павел нахмурился, — Говорил, что видел лежащие тела, но не приглядывался. Хотел в первую очередь тебя выручить...

— И кровь не заметил?

Павел затормозил и дернул вверх ручник.

— Дадуня, на что ты намекаешь?

— Ни на что... просто размышляю..., - Дарья поглядела Павлу в глаза, — Если в том подвале все было залито кровью, он не мог этого не заметить, как бы испуган ни был, ведь так?

— Допустим...

— Но про кровь он... не *помнил*, так?

— Говорит, что не разглядывал... Дочка, ты ведь тоже ничего не помнишь, хоть и находилась там вместе с ним. Ни тогда не вспомнила, ни сейчас... Что же ты ждешь от тогдашнего почти мальчишки, который пребывал в таком же шоке и запомнил разве что чуть больше твоего... Олег — хороший человек. Всегда был хорошим.

— Я разве говорю обратное? — рассеянно спросила Дарья, — Просто пытаюсь разобраться... Дело в том, что...

Она прикусила язык. Ни к чему об этом говорить даже доброй душе — дяде Паше. Не про себя она подумала, что в ее рваных и хаотичных воспоминаниях тоже нет места крови. Крови не было, было что-то... серебристое, разлитое на полу. Вроде ртутного озерца... Тогда она молчала, потому что не могла толком объяснить, что именно видела, да и отец стоял рядом и пресекал любые расспросы, а потом увез ее прочь в надежде, что она все забудет. И она забыла... почти. Но если Олег видел то же, что и она, кто *ему* помешал найти нужные слова и описать увиденное, каким бы странным оно ни было...?

— Поехали домой, дядя Паша, — произнесла она, — У меня страшно болит голова...

— Да, время к полуночи, — Павел включил дворники и, ожидая, пока очистится успевшее покрыться ледяной коркой лобовое стекло, спросил, — Так что тебе сказал Алтанай? Неужели будешь молчать после того, как я тебе открыл свой давний секрет?

— Он сказал..., - Дарья пожевала нижнюю губу, — Что надо продолжить лечение. В психиатрии он, увы, бессилен.

— Ну, и слава Богу! Значит, бесы и прочая нечисть тут не при чем. Положись на медиков и дай дочери немного времени. И не сомневайся — полиция работает. Они найдут этого психа.

...

Они не опоздали, и за пять минут до полуночи остановились у подъезда. Павел дважды

коротко посигналил, давая Валентине Ивановне знать, что ее дочь и внучка дома, хоть и рисковал потревожить сон соседей. С гудящей головой, едва передвигая затекшие ноги, Дарья вытащила Машку с заднего сидения и кинула взгляд наверх, где в окнах зажегся свет. За занавесками слабо угадывался силуэт матери. Она взвалила Машку на плечо и устало потащилась в подъезд, мечтая о крепком сне под теплым одеялом и зная, что еще не скоро ей доведется приклонить голову.

Через силу искупав дочь и уложив ее спать, Дарья налила себе чая и некоторое время ждала, когда мать за стенкой перестанет ворочаться и вздыхать. Когда же все в квартире замерло, она бесшумно оделась и выскользнула из квартиры.

Метель никак не желала стихать, залепляя снегом глаза и нос, вбивая обратно в легкие дыхание. Фонари заполошно мигали сквозь снежную круговерть, пока она обходила школу. Здесь стало легче, и она распрямилась, вглядываясь в небольшую, окруженную металлическими копиями забора рощу, где располагались детский сад и «школьный сад». Когда-то в благословенные Советские времена это на самом деле был *школьный сад*, где октябрята и пионеры приобщались к труду, выращивая овощи и зелень для школьной столовой. Но это было задолго до того, как Дарья пошла в школу. При ней сад уже давно зарос и служил площадкой для выгула местных собачников и их питомцев. Там же, у дальней стены забора располагался неказистый деревянный домишко, назначение которого она узнала на первом же школьном медосмотре. Злобная, хромая старуха — ортопед — сообщила маленькой Даше, что у той запущенный сколиоз, и, если она немедленно не начнет курс лечебной физкультуры, у нее скоро вырастет горб.

Как оказалось, именно в этой деревянной избушке и проходили занятия лечебной физкультурой. Дарья смутно помнила отекающую тетеньку — инструктора — которая через силу показывала горсточке напуганных ортопедом школьников скучные упражнения, а потом до окончания занятий дремала на стульчике. Дарья посещала это грустное заведение недолго. Узнав через месяц от дочери «страшный диагноз», отец отвел ее в поликлинику, где ее успокоили, что горб ей не грозит, а сколиоз на уровне среднего школьника. Старайся держать спинку прямо и пользуйся двухлямочным ранцем, а не портфелем — вот и все рекомендации.

Если здравый смысл ее не подводит, третий — обрушенный — коридор ведет именно в «лечебную физкультуру». Больше некуда. Что она будет делать, если и там вход окажется заложенным, она не представляла и старалась об этом не думать. Задача номер один — попасть в само здание.

Мысленно перекрестившись, она поглубже натянула на голову капюшон и, склонившись, нырнула в глубокие сугробы школьного сада. Идти было трудно, но хоть ветер не сбивал с ног. Старые рябины, тополя и елки тяжело покачивались, склонив ветви под тяжестью мокрого снега. Мигающий свет фонарей едва доставал до рожицы и ориентировалась она в основном по яркой, красной точке справа — сигнализации детского сада. Вскоре показался и темный силуэт домишки.

Красной точки на нем не было, и это не могло не радовать. Значит, маловероятно, что следом за ней туда нагрянет группа охранников в бронежилетах. Она обошла домишко по периметру, обследуя тщательно закрытые ставнями и в добавок заколоченные досками окна. Она и не рассчитывала попасть туда с лету, успокаивала себя, что это всего лишь разведка. А утром она попросит у того же дяди Паши лом или монтировку, сочинит что-нибудь...

Так, шаря руками по занозистому брусу стен, она вышла на темное крылечко, включила

фонарик и оглядела дверь. Она не была заколочена, но полотно перекрещивал массивный железный засов и держащий его большущий ржавый навесной замок. Губы ее тронула улыбка, которая, впрочем, почти сразу увяла. Она протянула руку и повертела его. Запирающая дужка давно была подпилена, замок висел для отвода глаз. Неужели она ошиблась? Нет! Дарья трянула головой и аккуратно сняла осыпающийся ржавчиной замок. Других вариантов не было! Машка нашлась ранним утром во дворе с обратной стороны школы. И это значит, что ее вывели через черный ход, который когда-то отпирала для Дарьи баба Надя. Но даже здесь оставалось место для сомнений. Поселок маленький, девочку вполне могли незаметно по утренней темноте привести отсюда, но... Но пропала-то она при свете дня! Неужели ее тащили из школы в сад, и ни единая душа этого не видела?! Однозначно, Олег попадал в подземелье из школы, пользуясь каким-то другим ходом.

Она положила замок на крыльцо и потянула на себя дверь.

В лицо пахло нежилым духом. Плесень, сырость, затхлость, нотки старой рвоты, холодный табачный дух, запахи птичьих и человеческих экскрементов. Пляшущий луч фонарика выхватил небольшую прихожую с покосившимися гардеробными кабинками. Исписанные стены, усыпанный битыми бутылками и окурками пол. Конечно, здесь ошивалась и, возможно, по сей день ошивается местная молодежь! И замок за собой не забывает навесить, чтобы не привлекать к убежищу внимания. Дарья громко откашлялась и прислушалась, не спугнет ли какого алкаша или уединившуюся парочку... Все было тихо, да и не похоже, чтобы зимой это место пользовалось спросом — холодно. Она прикрыла за собой дверь и осторожно прошла в основной зал, где когда-то ходила на цыпочках по кругу. Здесь было чище и даже почти уютно. Несколько продавленных кресел, на стенах вместо обоев древние журнальные постеры, на заколоченных окнах даже висели обрывки потрепанного, дачного тюля. Несколько консервных банок в качестве пепельниц и большая коробка с мусором. Дарья заметила над краем горлышко пивной бутылки с натянутым на нее презервативом и брезгливо отвернулась. Дверь была только одна — в комнатку, служившую когда-то кабинетом похмельной инструкторши. Дарья приоткрыла ее и тут же отшатнулась, с трудом подавив приступ рвоты.

Видимо, подростки по-своему наводили порядок и весь мусор из переполненных коробок сваливали сюда. Сюда же ходили по нужде — малой и большой. В нос била тяжелая, густая вонь мочи и говна, прокисшей спермы, рвоты и сгнившей еды. Весь пол был усыпан бугрящимися обрывками порыжевших газет, и Дарья почувствовала себя сапером перед густо наштигованным минами полем. Но за держащимся на верном слове, рассохшимся столом виднелась еще одна дверь. Быть может, всего лишь стенной шкаф, но проверить придется.

Натянув на нос шарф, Дарья аккуратно пересекла «минное поле», освободила дверь от хлама и потянула ее на себя. Дверь тоже рассохлась и перекосилась, а потому не желала сдаваться. Это в очередной раз убедило ее, что она на верном пути. Эту дверь не открывали очень давно. Женщина вцепилась в скользкую холодную ручку и изо всех сил дернула на себя, рискуя упасть на спину. Но не упала. На нее посыпались хлопья древней краски, дверь затрещала и с визгом приоткрылась. За ней Дарья с облегчением увидела не ряды ржавых плечиков, а узкую, деревянную лестницу. Многие ступени превратились в труху и обвалились, другие еще держались, но явно дышали на ладан. Перил не было. Лестницу с обеих сторон стискивали склизкие, покрытые инеем земляные стены.

Дарья подкрутила яркость фонарика и посветила вниз. Свет едва доставал до пола, но

было видно, что у основания лестницы есть проход, пусть и сразу поворачивающий влево — в неизвестность.

«Вот будет смеху, если я сверну себе здесь шею, а они будут искать меня, как и Машку, в тайге...», — подумалось ей, но она стиснула зубы и ступила на ближнюю из сохранившихся ступеней.

Ступень даже не скрипнула под ее весом, и она, все более уверенно, спустилась вниз. За поворотом ее встретил темный, но чистый тоннель, по которому она медленно двинулась, держась за стену. Сердце истерично трепыхалось, глаза от напряжения и страха лезли из орбит, как у испуганной лошади. Она была готова к тому, что впереди, за одним из поворотов ее непременно поджидает некто... или нечто, и понятия не имела, что она будет делать, если это произойдет. Бежать? Кричать? Бороться? Не смешите. Если это произойдет, она просто... ну, просто схватится за сердце, как в черно-белом немом кино, и умрет на месте.

Вскоре проход сузился до минимума, и ей приходилось протискиваться между грудями битого бетона, которые ненадежной шаткой конструкцией были навалены вдоль стен почти до самого потолка. Значит, где-то близко!

Миновав очередной поворот, она оказалась перед глухим завалом. Положив фонарик на пол, Дарья принялась искать лаз, поднимая и оттаскивая в сторону тяжелые обломки. Она работала без передышки около двух часов. Поясница визжала, руки тряслись, пальцы вместе с перчатками превратились в окровавленные шерстяные лохмотья, когда она уперлась в совсем уж неподъемный кусок обрушившегося некогда потолка. Это было фиаско. Поначалу она не желала признавать поражение и продолжала слепо шарить по здоровенной монолитной плите, целиком перегородившей проход, в поисках какой-нибудь брешки или лазейки, прикидывала, смогут ли они сделать что-то вдвоем и понимала, что даже целая армия эвенкийских шаманов не справится с толстенным куском бетона без электроинструмента. И даже если бы была точка подключения, воспользоваться им не получится, ведь надо соблюдать тишину...

Она привалилась к стене и сползла вниз, усевшись на обломки. Заплакала. Фонарик светил уже тускло, прерывисто. Она выключила его и принялась шарить по карманам в поисках телефона. С ним она пойдет обратно. Внезапно она замерла и задержала дыхание. Тоннель что-то подсвечивало споднизу, словно где-то рядом была неплотно пригнанная печная заслонка, за которой тлеют угли. Приглядевшись, она поняла, что свет пробивается на стыке стены и пола и, тут же позабыв про усталость и израненные руки, кинулась расчищать пол. Толстенный советский бетон лопнул по шву, и брешь все расширялась, уходя под завал. Еще через полчаса тяжелой работы, Дарья легла на пол и боязливо заглянула в расчищенную брешь.

Только сейчас она задумалась о том, насколько шумела. Это там, наверху, ничего не слышать, а здесь... Что, если *он* сейчас там? Притаился. И стоит ей только сунуть руку или ногу, как ее тут же сдернут вниз, а потом... Покосившийся потолок старого бомбоубежища не давал ей полного обзора. Она видела в паре метров под собой только кусок полопавшегося бетонного пола, озаренного подрагивающими свечными огоньками.

«Я туда не полезу», — мысленно разговаривала она сама с собой, — *«Свалюсь, как куль с крупой, и непременно сломаю лодыжку... А как мне забираться обратно? Подпрыгнуть и подтянуться на руках? Не смешите...»*

Она сняла пухлую куртку, по-пластунски, боком, протиснулась в брешь и, аккуратно свесилась по пояс. Обзор увеличился, и она сдавленно завывала.

По центру старого бомбоубежища, окруженное бесчисленными свечами, мерцало небольшое озеро, наполненное то ли ртутью, то ли жидким серебром. По его периметру тесным кругом лежали подрагивающие детские тела. Голова каждого была погружена по самые плечи в озеро, руки и ноги раскинуты звездочкой, касаясь рук и ног соседей по несчастью. Волосы, движимые подводными течениями, всплывали на поверхность, переплетались меж собой и снова уходили на глубину. Над центром чудовищного озера стоял почти осязаемый низкий гул, наполненный мельчайшими частичками, напоминающими зеркальную крошку.

Вцепившись израненными руками в острые кромки бетона, Дарья лихорадочно оглядела

подземелье. Не считая детей, она была совсем одна. Метрах в трех от ее лаза, был еще один — гораздо шире — к которому вела корявая, сложенная из все тех же обломков, лестница на три высокие, шаткие ступени. Недалеко от «озерка» расположился пляжный лежак с отломанными подлокотниками, тут же корячилась маленькая газовая плита с притулившимся рядом пропановым баллоном; в глубокой тени притаились мешки: один с картошкой, другой — с капустой, поддон из-под кирпича, заваленный кухонной утварью и биотуалет-ведро с крышкой. Все это источало душный смрад нечистот и гнилых овощей.

У противоположной стены огромным ворохом под потолок была свалена одежда. Тут и там среди наваленных курток, башмаков, платьев и брюк топорщились мертвые конечности. Некоторые уже стали голыми костями, другие напоминали мощи, третьи еще истекали соками. Все это напомнило ей старые фото из концлагерей, где тела были свалены в кучу перед крематориями.

Содрогаясь от ужаса, Дарья перевела взгляд обратно на «озеро». Низкий гуд, который оно испускало, то усиливался, то ослабевал. Внезапно его прервал приглушенный взвизг, и поверхность запузырилась, пошла кругами, а ближе к Дарье детское тело, отчаянно задрыгало ногами.

Центр озера внезапно вспучился и натянулся, как полиэтилен, попираемый снизу пятерней с широко растопыренными пальцами. Разгладился и снова вспучился — уже смелее. Рука — узловатая, старческая — была словно одета в латексную перчатку с зеркальным напылением. В какой-то миг Дарья даже уловила в ней отражение собственного перекошенного лица.

В ужасе, Дарья задержалась, отталкиваясь руками и молясь, чтобы они не подвели, не заскользили. Выбравшись в безопасность тоннеля, она принялась лихорадочно и, как могла тихо, восстанавливать завал. В какой-то момент замерла, услышав приглушенный «чвак» из бункера, словно большой камень упал в наполненную до краев выгребную яму. Та тварь — без сомнения баба Надя! — которая тщила выбраться из озера, явно достигла своей цели. Стараясь не дышать, Дарья включила фонарик на телефоне и начала пробираться к выходу.

...

Домой она добралась, когда небо на востоке уже начало светлеть. Бесшумно разделась и скользнула под одеяло. Грязная, пыльная, провонявшая плесенью и свечным дымом, то и дело вздрагивающая от пережитого потрясения, но и удовлетворенная. Мать не заметила ее отсутствия, а значит, не будет задавать вопросы, подозревать, и, быть может, мешать ее планам. Она чудовищно устала, но понимала, что поспать ей пока не удастся — слишком много дел. Может быть, после обеда получится придавить пару часов...

Когда Валентина Ивановна поднялась и пошла ставить чайник, Дарья отправилась в душ. На руки было больно смотреть, и она долго держала их под горячими струями, пытаясь отпарить коросты и струпья, а потом густо намазала их детским кремом. Три чашки крепкого, черного кофе, пока она запикивала в Машку детское морковное пюре из баночки, придали ей немного сил.

— А вы кто? — спрашивала Машка, нахально кривя испачканные морковкой губы.

— Я Даша, а вы кто? — рассеянно спрашивала Дарья в ответ, думая о своем.

— Даша? Это которая из Романовых?

— Из Романовых...

— Не верю! У вас совершенно другой типаж! Где вы видали хоть одну рыжую Романову? Я убеждена, что вы из Рюриковичей. Предоставьте вашу родословную!

Дарья устало пододвинула ей материнский журнал с Киркоровым на обложке, и Машка ненадолго заткнулась, с глубокомысленным видом разглядывая страницы. На кухню вошла Валентина Ивановна.

— Мам... мы сегодня уезжаем...

— Обрато в тайгу? — хмыкнула мать, потом пригляделась к дочери, и лицо ее посветлело, — в Красноярск? Ох, Дадуня! Это первое здравое решение за многие месяцы. Когда рейс?

— Я еще не купила билеты. Но точно знаю, что есть вечерний. На него и возьму.

— А у меня, как на зло, куча работы. Что ж, если сяду прямо сейчас, то смогу вас проводить.

— Я надеялась, что ты побудешь с Машкой, пока я съезжу в аэропорт... А провожать нас не надо, в прошлый раз мы нормально добрались... Думаю, часа за полтора управлюсь, если с транспортом не будет проблем. Метель вроде стихает...

Валентина Ивановна молча кивнула. Дарья с горечью видела облегчение на её лице, но не могла ее винить в том, что та рада избавиться от дочери и внучки. Тут и сама Мать Тереза растеряла бы всю свою святую благодать.

— Может, Павлика попросить вас отвезти...?

Дарья замялась.

— К вечеру и решим, но мне не хотелось бы снова его дергать, он и так помог...

Когда мать увела Машку смотреть мультики, Дарья быстро оделась и вышла в подъезд. Метель все еще мела. Фасады домов с подветренной стороны были сплошь облеплены снегом, на тротуарах, с одной стороны, оголился асфальт, а с другой выросли снежные наносы. Похолодало. Снежинки превратились в ледышки и больно вонзались в плоть лица и голых рук.

Школа встретила тишиной. Уроки уже начались. Заспанный охранник, уже другой, но тоже совсем молоденький, позволил Дарье пройти к директору. Под его дверью она несколько раз глубоко вдохнула и постучалась. Ответа не последовало, и она приоткрыла дверь. За столом Олега сидела Анна Геннадьевна и строго глядела на вошедшую поверх толстенных очков. Губы ее приоткрылись, и Дарья каким-то недавно появившимся у нее чутьем поняла, что та уже собралась грозно воскликнуть: «*Разве я позволила войти?!*», но осеклась, увидев ее, Дарью. По спине привычно побежал холодок. Старая, да, потасканная и замшелая — да! Но Дарье казалось, что гроза ее октябрьского детства ни чуточки не изменилась. Вот сейчас поднимется из-за стола и гнусавым, заунывным голосом заведет свою шарманку «*Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут!*»

— Я прошу прощения... А Олег Инн...

— Его нет, — перебила бывшая вожатая, — Убыл на семинар в краевой центр. Вернется к концу недели.

— Убыл... давно?

— Давно, — был краткий ответ.

Дарья не стала говорить, что не далее, как вчера, разговаривала с ним в этом самом кабинете. Что-то подсказывало ей, что Анна Геннадьевна сама об этом прекрасно знает.

«*Боже*», — думала она, разглядывая бывшую пионерку, — «*Она словно ревнивая мамаша, охраняющая своего ненаглядного дитячку от поклонниц!*».

— Хорошо..., - Дарья закусила губу, — Я зашла просто... попрощаться. Не могли бы вы ему передать привет и благодарность за все, что он для нас с дочерью сделал?

Анна Геннадьевна с крайним подозрением оглядела визитершу и через силу квакнула:

— Передам.

— Скажите, что заходила Дарья...

— Скажу.

Говорить больше было не о чем, да и не хотелось. Дарья вышла в коридор и огляделась. Она очень надеялась, что содержимое этой отвратительной паучьей ямы под личиной общеобразовательной поселковой школы она видит в последний раз. Из столовой доносились запахи готовящегося обеда — перловка и мясо с подливой — и у Дарьи привычно скрутило живот.

«Можно ли верить словам безумной пионерки?», — задавалась Дарья вопросами, пока спускалась на первый этаж, — «Уехал ли на самом деле или просто попросил ее оградить его от навязчивой бывшей ученицы, а сам прятался в это время в шкафу? Будет ли путь свободен вечером или ... Зря я к нему ходила вчера...»

...

Поспать ей так не удалось, и к вечеру голова напоминала пустой чугунок, по которому кто-то колотит палкой. У нее было достаточно времени для отдыха после того, как она закончила с делами, но поспать не давали галдящая над ухом Машка, тесное нутро взятой в аренду малолитражки, в которой невозможно вытянуть ноги, даже отодвинув до упора сидение, и страх проспать появление Тамнаргуна.

После школы Дарья сразу поехала в аэропорт. Но, конечно, не за билетами, а за машиной. Еще в прошлый раз она обратила внимание на объявление на стойке регистратора «Прокат автомобилей» и взяла его на заметку. Метель утихла, но снегопад лишь усилился, и ей надо было подумать об укрытии для себя и Машки в ожидании молодого шамана. Алтанай написал, что тот явится на закате, встреча на детской площадке у кромки леса, но закат даже в феврале понятие неопределенное. Не торчать же с ребенком на открытом воздухе у всех на виду. Поэтому из аэропорта Дарья вернулась на малюсенькой машинке. Права она получила почти десять лет назад, но ни разу за это время не садилась за руль. Поэтому, неуверенная ни в собственных навыках, ни в маршруте, ни в давно забытых правилах, дождалась на остановке очередного автобуса и потихоньку двинулась за ним, послушно останавливаясь на всех остановках и отчаянно переживая, что тот может оторваться на одном из немногочисленных светофоров.

Строгое следование поговорке «тише едешь — дальше будешь», сослужило добрую службу. Дарья без приключений вернулась в поселок и кое-как припарковалась в тесноте соседского двора, заняв сразу два парковочных места. Дома, вместо вождленного сна ее поджидало застолье — дядя Паша с женой зашли попрощаться. Через силу Дарья отсидела положенное время и, отказавшись от «посошка», ушла собирать вещи. Потом были долгие прощания и напутствия. Дарья крепко обняла и поцеловала мать, отстраненно допуская, что видит ее в последний раз, чмокнула дядю Пашу, еще раз поблагодарив за помощь, сердечно пожала руки тетя Любе.

А потом они оказались с Машкой в студеньких сумерках. Снегопад, наконец, прекратился. Дороги были почти пусты, и Дарья, пренебрегая всеми правилами дорожного движения, вскоре добралась до пункта назначения. Машка, пребывавшая некоторое время в привычной кататонии, встрепенулась и радостно затащила свое любимое «пыр-дыр».

— Скоро вернетесь домой, дорогие Пыр-Дыр, Госпожа Романова и Унылый Гомосек, —

пробормотала она, до рези в утомленных глазах глядя в кромку все более темнеющего леса, — И уж можете мне поверить, скучать я по вам не буду...

С последним проблеском дневного света, из леса появилась худенькая фигурка. Дарья едва не упустила ее, решив, что это кто-то из прогульщиков дождался окончания уроков и теперь возвращается домой. Но все же вышла из машины.

Мальчишка тут же направился к ней и забрался в машину, отогревая дыханием озябшие руки.

— Я тебя не узнала, — смущенно произнесла Дарья, оглядывая его вязаную шапку с козырьком, черный пуховик, джинсы, унты и рюкзак, который он скинул и кое-как впихнул в узкое пространство промеж острых коленок, — А где же...?

Дарья умолкла под насмешливым, колючим, как у всякого подростка, взглядом.

— Мое ритуальное облачение? Бубен? Ожерелье из сушеных пенисов? — он нервно хохотнул, — Не переживай, все в рюкзаке.

Дарья неуверенно улыбнулась в ответ. Шутит? Или, не дай бог, говорит правду? Тамнаргун поглядел через плечо на бубнящую Машку. Улыбка пропала из его глаз.

— Сколько их в ней? Ты посчитала?

— Трудно сказать... Постоянно появляются лишь трое. Но раньше было больше десятка. Может... я не знаю... как-то сами вышли?

— Ага, с потом... или с говном? — мальчишка скривился, — Ты сама то можешь выйти? Думаешь, это так просто? Даже Алтанай, чтобы выйти, месяц морит себя голодом и медитациями! Так что не носи чепухи. Поехали.

Дарью возмутил его начальственный тон, но, приглядевшись, она поняла, что за нагловатым, подростковым нахрапом прячется обычный, человеческий страх. А она ведь даже не представляет, что ему предстоит и насколько это сложно... Он пришел не потому, что мечтал помочь, а потому... что дед его отправил пройти испытание. Скорее всего опасное, быть может, смертельно опасное... Стоит ли ждать от него уважения и терпимости?

Она принялась тыкать во все кнопки на приборной панели в поисках той, что включает фары. Некоторое время он насмешливо наблюдал за ней, а потом навалился на нее и дотянулся до неприметного колесика слева. За лобовым стеклом внезапно вспыхнула детская площадка, и Дарья аккуратно повела машину прочь от таежной стены.

— Ты... шел пешком? — спросила она.

— Я похож на идиота? — последовал ответ, — 30 километров по зимней тайге пешком?

— Тогда как?...

— Я прямой потомок Первого Медведя, а не праздношатающийся школьник! — воскликнул он, и Дарья уловила в его голосе возмущение, гордость и нервическую дрожь, — Я к чему спрашиваю про ее «пассажиров»... Когда она погрузится в зеркало, их должно сразу вымыть, но меня беспокоят те, что ушли на глубину. Те самые, которые редко появляются. Ты ведь не хочешь, чтобы они там и остались, когда твоя дочь вернется?

Дарья промолчала, ибо вопрос был явно риторическим. Озаботило ее другое.

— Ты говоришь, она погрузится в... зеркало...

— Зерцало Эрлик-Хана, конечно, — пояснил он.

Дарья сжала челюсти, вспомнив подергивающиеся детские тела... Неужели, дочери снова придется пережить это погружение?!

— Я боюсь ошибиться...., - Дарья задумалась, припоминая все чужие лица, которые за

четыре месяца проступали на Машкином лице, как лица утопленников в озерной глади, — Их было двенадцать... кажется.

Тамнаргун задумчиво кивнул.

— Что ж, будем надеяться, что никто не зацепится. В крайнем случае, свозишь ее потом к Алтанаю, он вычистит. Еще вопрос..., - юноша замялся, — Зерцало, без сомнения, под контролем. Ты узнала, кто его пасет?

— Да. Но я нашла к нему другой путь. Он никем не используется.

— Уверена?

Дарья вспомнила, с каким трудом открыла присохшую и перекошенную дверь в бывшей каморке инструкторши, и кивнула.

— А уверена, что нам не помешают?

Дарья стиснула зубы. Как она может быть уверена? Она понятия не имела, где сейчас Олег. А еще... Анна Геннадьевна. Судя по ее колючему, подозрительному взгляду, она тоже в этом замешана. И, конечно, не забыть...бессмертную бабу Надю?..

— Я уверена, что *не позволю* никому помешать, — ответила она со всей твердостью, на которую была способна.

Тамнаргун окинул скептическим взглядом ее тщедушную фигурку, но промолчал.

Вскоре они были на месте. Дарья посмотрела на часы на приборной панели. Половина одиннадцатого. Сонливость прошла, но усталость по-прежнему валила с ног. Она оглядела темное, мрачное в этот поздний час здание школы. В коридорах первого и второго этажей теплился приглушенный свет, оставленный для охранника, но все кабинетные окна были темны. Можно ли верить им? Она поискала глазами окна школьного музея, бывшего когда-то «красной» комнатой, но и там было темно.

— Хочешь сказать, что зеркало под школой? — спросил Тамнаргун, наблюдая за ней, — Как удобно...

— Тут еще и детский сад через дорогу, — пробормотала она, выключила фары, положившись на свет фонарей и, проехав мимо школы, припарковалась в неприметном, темном закутке, — Здесь недалеко, но топать придется по глубоким сугробам.

...

Кое-как они, сменяя друг друга, дотащили сопротивляющуюся Машку до «лечебной физкультуры» и при свете фонариков устроились передохнуть. Здесь, на пыльном, вонючем диване, в непосредственной близости от пункта назначения, Дарья почувствовала нарастающий страх, а недавняя уверенность в собственных силах начала гаснуть. Она ожидала, что в компании ей будет не так страшно, но с удивлением и тоской поняла, что накануне, пусть и в одиночестве, ей было намного спокойнее. Смутно виднеющиеся в полумраке силуэты дочери и Тамнаргуна вселяли настоящий ужас, ведь в сущности с ней теперь двое детей, за которых она, как взрослая, несет полную ответственность.

Что, если их поджидает ловушка? Что она может противопоставить крепко сложенному и, без сомнения, решительно настроенному Олегу? Ведь ясно же, что, если он их застукает, то не позволит выйти живыми... Она содрогнулась и поднялась. Что толку мучить себя сомнениями. Узнать, свободен ли путь, они смогут только на месте.

В мельтешении фонарных лучей они спустились в катакомбы. Дарья оставила детей у входа, добралась до места и, встав на колени, прислушалась, пытаясь уловить малейшие звуки за толстой стеной. Тишина. Она аккуратно разобрала бетонные обломки и, не дыша, долго вглядывалась в мерцание свечей идущее снизу. Ничего, кроме гула, что издавало Зерцало. Она помигала своим фонариком, и вскоре появился Тамнаргун, не слишком почтительно волоочащий Машку за шиворот. Дарья достала из своего рюкзака моток бельевой веревки и, как могла, крепко прикрутила к торчащей из стены анкерной петле.

— Знаю, здесь невысоко, — ответила она на немой вопрос Тамнаргуна, — Но это только кажется. Забраться без веревки будет крайне затруднительно, тем более, если...

Она не договорила. Не хотелось еще больше нагнетать атмосферу. Она протиснулась в брешь, ухватилась за веревку и спустилась на пол бомбоубежища, тут же начав заполошно оглядываться. Никого! Если, конечно, не считать десятка плененных Зерцалом детей.

— Эй! — послышался сверху шепот, — Принимай девочку.

Дарья встала на цыпочки, вытянула руки и ухватилась за появившиеся в проеме лодыжки дочери. Та отчаянно дрыгала ногами и клялась бессмертием рода Романовых отомстить. Дарья дернула ее вниз и едва удержала. Следом шустро спустился Тамнаргун, мрачно поглядел на Зерцало и стянул шапку. Словно на похоронах.

— У нас мало времени, — произнес он, быстро копаясь в сумке и доставая оттуда

множество странных вещей. Какие-то нанизанные на леску резные, деревянные погремушки, очки для подводной рыбалки с затычкой для носа, склянку с мутной, зеленоватой жидкостью, потрепанную книжку, вроде офисного ежедневника, завернутые в тряпицу толстые свечи, стянутый бельевой резинкой веник, вроде тех, что были в руках эвенков во время первого ритуала, сплетенные из сушеной травы перстни, которые он тут же нацепил на средние пальцы рук.

— Мало времени? — Дарья присела рядом на корточки, разглядывая вещицы, — Ты думаешь, кто-то идет?..

— Понятия не имею, но как минимум двое из них мертвы, — ответил он, кинув быстрый взгляд на кольцо из распростертых тел, — Зерцало небольшое, восьмерых должно хватить, но... надо быть готовыми, что оно закроется в любой момент.

— Закроется..., - женщина с тревогой всмотрелась в несчастных детей. Восемь из них по-прежнему подрагивали, но двое уже обмякли и застыли, их затылки всплыли и лениво покачивались на поверхности, словно в бочке с мазутом, — Если будет необходимо... Я готова сама туда сунуть голову. Только пообещай...

— Давай обойдемся без обещаний, — скривился Тамнарпун, просовывая голову в ожерелье из погремушек, — Там ты сгоришь в считанные минуты. Здесь от тебя больше пользы. Твоя дочь стабилизирует Зерцало, а твоя задача... оберегать меня.

— Отгонять духов? — Дарья покосилась на «веник».

— Дед сказал, что все популярно тебе растолковал, но, видать, вам — женщинам — надо объяснять дважды.

Мальчик торопливо подскочил к зеркалу и оттащил за ноги одного из тех, что уже не дрыгались. Дарья зачарованно глядела на мертвого ребенка. Лицо его было покрыто зеркальной пленкой. Эластичная и блестящая в первые секунды, она быстро мутнела и трескалась, превращаясь в сухую крошку. Очнулась она, только когда Тамнарпун протащил мимо нее Машку, ухватив одной рукой ее сзади за шею. У «зеркала» он пнул ее под колени, от чего она с возмущенным криком осела, а потом сунул ее голову в омут. Машка забилась, но тут же обмякла. Ее ручонки принялись шарить вокруг и, нащупав руки соседей, ухватились за них и затихли.

— Ее... нужно раздеть?

— Сейчас это не обязательно. Одежда каким-то образом ускоряет расход энергии, но твоя дочь пробудет там совсем недолго, поэтому нет смысла возиться...

Дарья почти не слушала, застыв над дочерью. В голову внезапно хлынул поток давно умерших воспоминаний.

Она вновь оказалась в этой самой пещере, только тридцать лет назад. Блестящая, серебристая поверхность озера расходилась концентрическими кругами. Только не от центра к краям, а, наоборот. То и дело натянутая, как латекс, поверхность, вдруг затвердевала, змеилась трещинами, а потом снова мягчала, расправляясь.

На краю сидел Чибис, баюкая на руках тело маленького мальчика и сыпя проклятиями. Над ним, совершенно растерянная, стояла баба Надя и упрашивала:

— Виталька... Я шлушайно... прошги... не дерши жла... девочка поможет.

— Ты думаешь, так просто достать топливо, старая дура?! — завизжал Чибис и, отпихнув тело ребенка, пошел на старуху с кулаками, — Ты думаешь, его тут пруд пруди?!

— Я приведу ешо... Не шердишь...

На глаза Дарье упала теплая, подрагивающая рука, кто-то жарко зашептал в ухо: «Только

молчи, милая... ни звука...» и потянул ее назад, в густую тень.

Даша не сопротивлялась. Все вокруг было таким чудовищным и непонятным, что не могло быть чем-то иным, нежели сном... Самым страшным в жизни, проживи она еще хоть тысячу лет. Она просто искала сменку, а потом ее схватили, поволокли куда-то во тьму подземелья...

Все отдаваясь, слышались глухие звуки ударов, сдавленные вскрики, шамкающие мольбы. Под теплой ладонью Дашины глаза закрылись, она обмякла, полностью оцепенев, положившись на неведомого взрослого, который тащил ее сквозь узкий с острыми зазубренными краями лаз. Несколько минут темноты, наполненной тяжелым, прерывистым дыханием и звуками торопливых шагов. Потом рука упала с Дашиных глаз, темнота чуть рассеялась. Даша испуганно глядела на смутный силуэт рядом, а потом громко всхлипнула от облегчения, узнав Олега Иннокентьевича. Учитель тут же зажал ей рот и покачал головой.

— Подожди... Мне надо немного прийти в себя, — голос его дрожал и срывался на фальцет, сам он то и дело испуганно дергал головой, прислушиваясь.

Девочка послушно стояла навытяжку, хотя все ее существо стремилось к свету, струящемуся с такой близкой и знакомой лестницы. Стоит только подняться пару пролетов вверх, мимо каморки бабы Нади, а потом еще один и... там они оба смогут прийти в себя. В безопасности родной школы.

— Хорошо, — он чуть сдвинулся, и лицо его спряталось в густую тень, — Ты хочешь наверх? К маме и папе?

Даша снова всхлипнула и энергично закивала. Рука больше не зажимала ей рот, но она уже не смела произнести ни слова.

— Мы и пойдем наверх, только... при одном условии. Ты мне пообещаешь, что никому, ни единой живой душе не расскажешь, что видела там. Никогда. Ни через год, ни через сто лет.

Даша снова закивала и сделала шаг в сторону, но Олег Иннокентьевич мягко, но решительно удержал ее. В голосе его появились какие-то неестественные, противные нотки, от которых все внутри похолодело еще больше.

— Пообещай, или, ей богу, я немедленно отведу тебя назад. Помни, я смогу сделать это в любой момент. И никто этому не сможет помешать. Тебе лучше держать рот на замке, а лучше совсем забыть, если не хочешь оказаться там... с остальными. Ну, что скажешь? Только тихо...

— Я... обещаю..., - выдавила из себя Дарья, глядя сквозь слезы на спасительный свет и, не удержавшись, захлюпала носом и, одновременно, описалась.

Олег Иннокентьевич, пряча глаза, притянул ее безвольное тельце к себе и ласково погладил по голове.

— Не плачь, милая. Все будет хорошо. Просто... ну, просто держи обещание. Если проговоришься, я обязательно узнаю, и... Ну все, Даша, беги...

Видя, что она, совсем зашуганная, не смеет шевельнуться, он подтолкнул ее. Она сделала шаг, второй, ожидая, что ее снова одернут назад, заставят что-то обещать... Но когда ничего такого не произошло, она зашагала быстрее, потом пустилась наутек, перепрыгивая через две ступеньки, пролетела мимо каморки и, вырвавшись на широкую, наполненную обеденными запахами (жареный минтай и пюре?) и солнечным светом лестницу в гардероб, вдруг задохнулась. Перед глазами замелькали какие-то блестящие мушки, сердце трепыхалось испуганной птичкой, мокрые колготки противно холодили ставшие чужими

ноги. Она привалилась к стене и сползла на холодный мрамор ступеней.

Резкой трелью прозвенел школьный звонок, и коридоры тут же наполнились хлопающими дверьми, гулом голосов и шарканьем ног. Большая перемена, все торопятся в столовую. Слава богу! Никто не пойдет в гардероб и не увидит ее, Дашу, сидящую на ступеньках в описанных колготках... Постепенно свет перед глазами серел, мерк, последней мыслью перед долгим ничто, была: *«Кто же дал звонок, если баба Надя... ну, где-то там, в мерцающей тьме до сих пор ищет мою сменку...?»*

...

Дарья проморгалась, возвращаясь в реальность. Неожиданные воспоминания почти тридцатилетней давности отступали неохотно, но она, вместо удивления и разочарования, испытывала что-то сродни облегчению от вскрытого нарыва. Вместе с воображаемыми гноем и сукровицей наружу хлынули и преследующие ее долгие годы неясный страх, и комплексы, и патологическая неуверенность в себе.

— Тебе придется подержать меня за ноги, пока...

Речь мальчика резко оборвалась. Дарья оглянулась и с недоумением увидела, что тот стоит в какой-то странной позе, откинувшись назад и ухватившись за левый бок. Стоящие у его ног свечи зашипели и погасли, выпустив вверх тоненькие струйки дыма. Когда неведомая сила потащила его назад, в густой сумрак, Дарья закричала и вскочила на ноги. Произошло то, чего она так боялась и что все-таки проворонила!

— Оставь его, мразь! — завопила она, заламывая руки.

Олег оттащил истекающего кровью мальчика в угол и небрежно свалил на поломанную пляжную кушетку.

— Я же, кажется... предупреждал..., - произнес он, направляясь к Дарье, — что узнаю и найду. И ты отправишься к остальным. Как видишь, я выполняю свои обещания.

Свечи вокруг тревожно трепетали, по бетонным, закопченным стенам мельтешили зловещие тени, на кушетке стонал Тамнар-гун. Дарья кинула отчаянный взгляд на оставленную у «входа» сумку и, оглянувшись, сделала шаг назад. Главное — не шагнуть в этот жуткий зеркальный омут...

— Я тоже выполнила, — произнесла она трясущими губами, — Я все забыла. Если бы ты не трогал мою дочь, я бы...

— Я вернул тебе дочь! Какого хера ты вообще приперлась обратно?

— Это не моя дочь, разве ты не понимаешь?! — Дарья отступала по кривой, гусиными шагами, стараясь не наступить на подрагивающие детские ножки. Если у нее получится добраться до сумки, то будет хотя бы иллюзорный шанс.

Олег отвел глаза. В них плескалась растерянность.

— Понимаю..., - выдохнул он, — Это уже ничего не изменит, но... Я бы хотел, чтобы ты тоже меня поняла. Я не монстр и не злодей.

— Неужели? — Дарья криво усмехнулась, кивнула на детские тела и сделала еще один шагок.

— Ты пришла с шаманом, поэтому не буду спрашивать, знаешь ли ты, что там...

— Источник вечной жизни.

— Не знаю. Быть может, для кого-то и вечной. А для меня просто вопрос жизни. Самой обычной, заурядной...

Дарья молча глядела на него.

— Может, временно заключим мир? Я все объясню, — Он вздохнул, видя на лице Дарье

настороженное недоверие, и откинул прочь нож, который сжимал в руке.

Дарья чуть было не расхохоталась над такой киношной выходкой, но сдержалась. Конечно, велика вероятность, что стоит ей расслабиться, как он в два счета свернет ей шею, но она видела, что он искренне хочет ей что-то рассказать, прежде чем свернуть шею, и понимала, что в этом и есть ее шанс.

— Ладно, — произнесла она ровно, — Может, сядем?

Он покосился на кушетку, где лежал бедный мальчик, но Дарья тут же окрысилась.

— Не трогай его, — она, стиснув от напряжения челюсти, прошла мимо и уселась на свою сумку. Олег усмехнулся и присел рядом — на ступеньки своей импровизированной лестницы.

...

— Я очень болен, — начал Олег, — Это началось еще в институте. Онкология, Я ведь совершенно не планировал быть школьным учителем. Хотел попасть в сборную по плаванию, грезил олимпийскими играми... Но успехи мои становились день ото дня все хуже — какая-то необъяснимая, постоянно подтачивающая силы усталость... Словом, я сходил в больницу. Меня долго лечили, и наступила ремиссия, но ни о каком спорте не стоило уже и мечтать. Доучился и попал по распределению в этот поселок. А через некоторое время понял, что болезнь вернулась.

Он умолк и провел рукой по жесткой шапке волос, от чего они, как обычно пригладились, и тут же снова встали дыбом. Дарья слабо улыбнулась, почувствовав странное чувство ностальгии и — внезапно — обиды. Почему именно он?!

— Я планировал доработать до новогодних каникул, а потом уехать в Красноярск и снова лечь под капельницу. И вот тогда-то это и произошло...

Поселок уже давно лихорадило. Пропадали дети. Поначалу списывали, как обычно — ушли играть в тайгу и потерялись, но со временем Чибисов начал то ли торопиться, то ли просто вошел в раж. Дети пропадали из квартир, из колясок. Помню, как одна бабушка выпустила во двор внучку и задержалась буквально на минуту, чтобы одеть младшего. Вышла — а девочки и след простыл. Поселок маленький, все на уши поднялись. Кто-то что-то видел, кто-то решил, что видел... но ориентировки появились, и начались масштабные поиски. Он мог затаиться на несколько месяцев, но потом начинал снова. Как ты уже понимаешь, ни одного ребенка так и не нашли.

В тот день я пошел к бабе Наде за ключом от спортзала и увидел, что дверь в подвал открыта. Спустился и услышал какие-то звуки, то ли разговоры, то ли тихий плач. Решив, что в подвал забрались дети, я спустился и долго петлял по коридорам, пока не обнаружил провал в старое бомбоубежище. Голоса раздавались оттуда.

Не буду описывать то, что увидел, когда спустился. Ту же картину видела вчера ты. За одним исключением...

— Как... ты узнал, что я была здесь? — прервала его Дарья в некотором смущении.

— Я нашел твои отпечатки, — Олег грустно ухмыльнулся, — Кровь на бетоне. Протиснуться в этот проем я не смог, но, подсветив фонариком, увидел твои окровавленные варежки. Ты что? Вручную разгребала завал?

Дарья не ответила. Навалились вина и разочарование. *«Черт! Я сняла рукавицы, когда заглядывала в бункер!»*, — заметались в голове лихорадочные мысли, — *«И я даже не вспомнила про них! Боже, я сама во всем виновата! Мальчишка был бы жив! Да и мы с Машкой теперь — считай, что трупы...»*

Олег помедлил и, не дождавшись от Дарьи ответа, продолжил:

— Я сразу признал сторожа детского сада — Чибисова. Он ссорился с бабой Надей. Кажется, проблема была в том, что он позарился сразу на двух детей — мальчика и... тебя — и не справился. Быть может, пока он занимался тобой, мальчонка попытался удрать, а баба Надя перестаралась, пытаясь его удержать, и случайно убила. Честно говоря, я в тот миг не слишком вдавался в подробности, а целиком сосредоточился на тебе. Ты стояла совсем рядом и вполне могла бы сбежать, но, видать, так напугалась, что застыла на месте и безропотно ожидала своей участи. Когда началась потасовка, я тихонько умыкнул тебя и вывел наружу.

— Да уж, — Дарья хмыкнула, и губы ее скривились, — Только предварительно запугал так, что я на всю свою жизнь осталась моральной калекой!

— Я не мог иначе... это была цена твоей жизни... Зерцало... Оно поглотило меня целиком... Это было самое кошмарное, но и самое чудесное, что я видел в своей жизни, и мне было необходимо узнать его секреты. Я отпустил тебя, а сам вернулся в убежище. Чибисов даже не успел тебя хватиться. Он самозабвенно продолжал расправляться с бабой Надей. Я оттащил его, скрутил и попытался узнать, что происходит. Старушка, тем временем, отползла к зеркалу и... нырнула в него. А потом оно пошло рябью, трещинами и схлопнулось, забрызгав все вокруг. Я выволок Чибисова наверх, следом достал тело пацана, а провал закрыл обломками от обвалившегося перехода, впрочем, не слишком надеясь на жалкую маскировку. Признаюсь, некоторое время я думал о том, чтобы помочь ему сбежать, но потом пригляделся к мальчонке и по его шортикам, чешкам и футболке понял, что Чибисов умыкнул его прямо из детского сада, где работал, а значит, так и так был обречен. Его бы быстро вычислили. Поэтому я оставил его в переходе, вернулся в школу и вызвал милицию. О его матери я решил промолчать.

— Матери?! — Дарья аж подпрыгнула, тем временем незаметно отстегнув заклепку на боковом кармане своего рюкзака, — Баба Надя была его матерью?!

— Это я узнал уже позже, когда всеми правдами и неправдами смог добиться свидания с ним. Он все мне рассказал. О местах, подобных этому, он узнал от эвенков. Они называют их «Зерцало Эрлик-Хана» — портал в нижние миры, одним из которых является «Мэдэ Угэй». Но сам Чибисов придумал ему собственное название — «Мафусаиловы хляби». Эвенки же и продали ему некую формулу, как открыть Зерцало и попасть в хляби. Местечко не из приятных, но в самой глубине находится источник. По рассказам тех, кто до него доходил — это исполинский старик, закованный в скалу. Совершенно безумный. Уж не знаю, как эвенки до этого додумались, но если собрать его слезу и закапать себе в глаза, то любые болезни отступят, а жизнь продлится. Только если хочешь сам остаться в здравом уме, то лучше отправить к Мафусаилу кого-то... кто таковым не обладает. Баба Надя была не просто его матерью, но и паломником, которая раз за разом приносила ему слезу, едва ли сознавая, что делает...

Конечно, я не поверил! Слишком это отдавало сказкой.... Тогда он сказал, что успел спрятать порцию, и готов мне ее отдать в обмен на помощь в побеге, — Олег помолчал, — И я пообещал, хоть мы оба понимали, что я не смогу сдержать обещание, даже если захочу — к тому времени, когда я нашел и опробовал слезу, Чибисова уже увезли в Край.

Действие слезы я почувствовал мгновенно. Сначала даже решил, что принял сильный наркотик. На какие-то мгновения меня чуть не разорвало от хлынувшей в тело энергии. Мне казалось...

— Понятно, — нетерпеливо прервала его Дарья, — Ты вылечил свой рак, живешь долго и счастливо и помирать в ближайшие сто лет не планируешь. За счет десятков невинных детских жизней! Только не вздумай убеждать меня в том, что пользовался исключительно плодами рук Чибиса! Я знаю, что эти твои хляби закрылись, а дети были найдены. Мертвыми!

— Да. Дети погибли, потому что цепь не была вовремя восстановлена. Потому что несчастный мальчишка погиб, а ты... ты получила свободу.

— Что за куча дерьма?! — Дарья возмущенно заерзала, украдкой доставая из кармашка нож, — Если ты собрался возложить ответственность за их смерть на меня, то не трудись. Мне уже давно не семь лет.

Олег усмехнулся и кивнул, потом продолжил:

— Прошло несколько лет, когда я принял трудное решение открыть новый портал. Оказалось, слеза не панацея. На всех она действует по-разному. Кто-то мгновенно излечивается раз и навсегда, а кому-то приходится ценой своей души, совести и вообще всего хорошего, что есть внутри, принимать ее снова и снова. У меня ремиссия была временной. Мне было всего 30, когда болезнь вернулась, и я хотел жить. Я действовал крайне осторожно, по крупицам собирая *детей*, не чаще, чем одного в полгода... чтобы не будоражить поселок. Держал их тут же, кормил и даже развлекал, пока не собрал нужное количество, все время боясь, что рак сожрет меня раньше, чем смогу, наконец, увидеть свое отражение в Зерцале.

— Не слишком это осторожно — похитить мою дочь...

— Да я понятия не имел, что это твоя дочь! — заорал Олег и, поднявшись, заходил взад-вперед перед ней, — Я же не ясновидящий! Обратил внимание, что девочка какая-то бесхозная. Ни матери, ни отца. Всеми вопросами занимается бабушка. Идеальный вариант. А тут ты — как снег на голову!

— И ты просто решил ее достать и вернуть... Что б я не подняла излишний шум и не сболтнула чего. А чтобы я не путалась под ногами и не нагрязнула в самый неподходящий момент, пока твоя досточтимая пионервожатая выдерживает ее из этого болота, обряжает в первые попавшиеся тряпки и выводит в школьный двор на мороз... решил продержаться ночь в тайге, строя глазки и подпаивая вином... Господи...

— Ну, — Олег слабо улыбнулся и отвернулся в нелепом смущении, — Это звучит грубовато, но в общем-то... Я бы только добавил, что мне не было это... неприятно. Если у тебя сомнения по части...

Дарью чуть не вывернуло. Неужели этот придурок пытается ее успокоить?! Он помолчал и продолжил.

— Когда Зерцало, наконец, открылось, я чуть портки не намочил от страха, когда снизу кто-то стал немедленно ломиться. Оказалось — баба Надя. Она всегда была плоха головой, поэтому я ничуть не удивился, что она решила, что с момента ее погружения прошло всего несколько минут.

— Как все удачно сложилось, — ядовито произнесла Дарья, — Не пришлось самому ходить к Мафусаилу... Только... как ты ее заставил?

— Ну..., — Олег почесал переносицу, — пришлось прибегнуть к небольшой лжи... Не

все ли равно? Баба Надя жила здесь и по возможности помогала мне с «топливом», когда оно заканчивалось.

— Называй вещи своими именами, — устало поморщилась Дарья, — помогала тебе красть детей, когда кто-то из них умирал.

Олег помолчал.

— Твоя дочь была последней. Баба Надя отправилась за слезой и не вернулась. Понятия не имею, что с ней приключилось. Думаю, преклонные года дали о себе знать, хоть я и щедро делился с ней уловом...

— Кто же ходил после нее? Впрочем, не отвечай, я сама догадалась...

Дарья кинула взгляд на кушетку, на которой в позе зародыша застыл Тамнар-гун. Дышит ли? Набрав в грудь побольше воздуха, она кивнула рядом с собой, и когда он сел рядом, задала единственный существенный для нее вопрос:

— Ты... можешь ее вернуть? — глаза против воли налились слезами, — Так, чтобы она стала прежней? Я обещаю, что не произнесу ни звука! Я однажды уже сдержала обещание... Но, если ты все же мне не веришь, то... можешь меня убить. Я даже сопротивляться не буду. Только вытащи ее, а?

Она изо всех сил вглядывалась в его лицо, пытаясь уловить на нем хоть тень сомнения или размышления. Но он только вздохнул и, покачав головой, ответил:

— Слушай, я понятия не...

Дарья метнулась коброй, ужалила и тут же отскочила. Ударила кровь, теплым веером обдав ее лицо. Олег схватился обеими руками за горло, поднялся, но тут же тяжело осел обратно, кинув на нее безумный, неверящий взгляд. Протянул было руку, но тут же отдернул, пытаясь остановить фонтан, но это было так же трудно, как заткнуть ладошками случайно сорванный кран. Он повалился на живот и захрипел. Ноги его бились, словно стремясь сбежать от умирающего тела. Постепенно фонтан иссяк, но еще долго слышались бульканье и неясные хрипы. Сжавшись в комочек и почти не дыша, Дарья прижимала к себе острый охотничий клинок — папино наследство — который она обнаружила в кухонном столе вместе с рядовыми ножами. Единственный — по-прежнему острый.

Наступила тишина, разбавленная лишь гулом Зерцала. Дарья всхлипнула, засопела и, наконец, разрыдалась. Перед глазами впервые за все эти месяцы всплыло Машкино лицо, не затертое чужим безумием. Серые глазки, яркие, карие веснушки, глуповатая, широкая улыбка и рыжие растрепанные косички. Все тщетно. Что делать?

Мыслей о том, чтобы достать Машку и вернуться наверх, даже не возникало. Единственное, что приходило в голову — оттащить одного из мертвых детей и занять его место. Может быть, пусть и ненадолго, она воссоединится разумами со своей дочерью в этой зеркальной луже...

Заслышав какой-то звук, она тут же подобралась, крепче сжимая клинок и шаря взглядом по проклятой пещере. Олег?! Нет, тот по-прежнему недвижим, если не считать расползающуюся под ним алой лужи. Геннадьевна?! Баба Надя?! Бункер по-прежнему был пуст.

Дарья уронила нож и бросилась к Тамнар-гуну, который вдруг тяжело заворочался на лежаке.

— Мальш! — воскликнула она, стягивая с себя свитер и прижимая его к кровоточащему боку шамана, — Я думала, ты умер!

— Я уже говорил тебе, — ответил он сквозь зубы, вяло отпихивая ее заплоченно

мечущиеся руки, — что я прямой потомок Первого Медведя...

— А не школьник, — быстро закончила за него Дарья, — Не говори ничего. Я не смогу тебя вытащить тебя наверх... Полежи, а я сейчас же побегу и вызову скорую!

— ... Тогда свою Машку точно не вернешь, — прокряхтел он и попытался сесть, — Понабегут, все испортят... А времени мало.

Дарья увидела, что лицо его резко посинело, и торопливо надавила ему на плечи, укладывая обратно. Он не сопротивлялся.

— Что же делать? — спросила она растерянно, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы.

А потом поняла...

— Я пойду, но я ведь ничего не знаю... Как далеко идти? Сколько времени это займет? И я ведь..., - Дарья умолкла, вспомнив, что никто из смертных не возвращался в здравом уме... Что ж... главное — хотя бы просто вернуться...

Во взгляде мальчика засветилось уважение, которое пролилось на Дарьину душу, как бальзам.

— Я тебе помогу, — произнес он, прикрыл глаза и продолжил, — Надень на себя мой *чакилптын*... Из кости.

— Бусы? — догадалась Дарья.

Тамнаргун слабо усмехнулся и облизнул пересохшие губы.

— Да, надень мои *бусики*. Это оберег. Он оградит тебя, но ненадолго, поэтому торопись. Старайся смотреть только под ноги, ни с кем не вступай в разговоры, никого не... слушай. Трудно будет только в самом начале, потом... легче. Если начнешь теряться, просто припади к земле и дожись, пока она остановится... Когда увидишь горы, считай, что пришла. Источник там только один, не перепутаешь. Тебе необходимо набрать совсем немного. Представь себе пузырек «Визина». Этого будет достаточно. Обратно возвращайся как можно быстрее. Сам я там не был, но деды рассказывали, что пока идешь вперед, время отсутствует, но, когда возвращаешься назад, оно сжимается в несколько раз относительно верхнего времени.

— Что... Что-нибудь еще? — Дарья поднялась, жадно всматривалась в лицо мальчика. Она не боялась идти. Она только боялась, что ее поход будет бессмысленным, если он умрет, пока она бродит в «запределье».

— Я..., - Тамнаргун улыбнулся, — Я всего лишь Потомок Первого Медведя, а не... победитель «Битвы экстрасенсов»

На губах его внезапно выступила кровавая пена. Дарья тут же сняла с него костяное ожерелье, потом пошарила вокруг себя взглядом в поисках какой-нибудь емкости и радостно выдохнула, увидев рядом с мешком подгнившей капусты пустую пластиковую бутылку из-под сока. Схватив ее, она стремглав кинулась к озерцу, на мгновение замешкалась, а потом зажмурилась и «бомбочкой» прыгнула в лениво колышущуюся, обманчиво ровную поверхность.

Она предполагала, что это будет сродни нырку под воду, но ошиблась. Зерцало не поглотило ее мгновенно, не расплескалось вокруг фонтаном зеркальных брызг. Оно растягивалось под ее весом подобно капле смолы, опускаясь все ниже и ниже. И она растягивалась вместе с ним. Вокруг был словно густой кисель, в котором она на какое-то время застыла, как муха в янтаре, не имея возможности не только двигаться, но даже мыслить. Единственное, что она знала про себя — это что она *есть*. Да и это не было

мыслью в полном смысле этого слова. Скорее ощущением, одной бесконечно тянущейся, зудящей нотой бытия.

А потом «капля» шлепнулась о землю. Последовали несколько секунд агонии, когда все, чем она была раньше, одним хлестким ударом вернулось в нее обратно. От боли она выгнулась мостиком и завизжала, а потом рухнула, мелко подрагивая и обливаясь вонючим, холодным потом. Над ней, так близко, что даже не верилось, поблескивала изнанка Зеркала. Слава богу, лиц детей на ней не проступало...

Она поднялась, протянула трясущуюся руку и коснулась кончиками пальцев ее тугой и гибкой, как резина, поверхности, а потом огляделась.

Насколько хватало глаз, вдаль уходил сумрачный коридор со скамьями по обе стороны узкого прохода, словно в вагоне электрички. Тут и там над спинками виднелись темные головы, слышалось неразборчивое, многоголосое бормотание. Единственным неверным источником света была точка вдалеке. Но тусклая, серая, отнюдь не вызывающая ассоциаций с пресловутым «светом в конце тоннеля». Дарья оглянулась назад, увидела ту же картину, словно отражение в зеркале, и запаниковала. Куда идти — вперед или назад?! Шаманы ничего об этом не говорили! Или...?

Она закрыла глаза, стараясь собраться с мыслями. Тамнар-гун сказал смотреть под ноги, а не озираться по сторонам.

«Хорошо, сначала я увидела левый рукав «вагона», туда и пойду. И буду смотреть под ноги», — решила она и сделала несколько шагов, но тут же вернулась назад. Что, если она перепутала? Коридоры выглядели совершенно одинаково, а она в панике несколько раз обернулась вокруг себя, — *«Что, если право — это теперь лево? Боже, я уже схожу с ума, а ведь не сделала ни единого шага!»*

Она стояла, покачиваясь, в переходе и чувствовала, что ей становится трудно дышать, стены, теряющиеся во мраке, казалось, дернулись и поползли на нее с двух сторон. Она сделала шаг, второй... Все равно, куда — главное двигаться. Сознание немного прояснело, и тут ей пришло в голову, что, может, и нет разницы — вперед или назад, раз они отражение друг друга? Это ее приободрило, и она двинулась быстрее, украдкой поглядывая на проплывающие мимо головы сидящих. Мужчины и женщины, старики и дети. Неужели все безумны? Неожиданно прямо перед ней поднялся мужчина, вышел в проход и двинулся на несколько шагов впереди. Она замерла, давая ему отойти подальше, и вдруг почувствовала холодные пальцы, сжавшие ее запястье.

— А... это ты... Рыжая Романова...

Дарья взвизгнула и вырвала руку. Визг ее разнесся звонким эхом по тоннелю, тревожа «пассажиров». Бормотание и ропот усилились. Головы стали поворачиваться к ней. Желая спрятаться, Дарья уселась на свободное место через проход от «Госпожи Романовой» и, потирая руку, коснулась ее несмелым взглядом...

«Госпожа Романова» оказалась именно такой, как Дарья себе всегда и представляла. Миловидная женщина лет сорока, закутанная в шелковый халатик с райскими птицами. Мелкий барашек вытравленных пергидролью волос, на ногах — пошлые домашние туфли без задника с розовыми помпонами. Черты лица — мелкие, невыразительные, а губы глумливо и презрительно кривятся, то и дело обнажая желтоватые зубы.

— Что? Съела? — ухмыльнулась «Госпожа», по-своему истолковав испуганный Дарьян взгляд, — Думала, не выведу тебя на чистую воду?

Дарья молчала, помня предостережения Тамнар-гуна.

— То-то и оно, — женщина победоносно подмигнула, — Ты сходи к своим и спроси, кто ты. А то каждый норовит примазаться. А я вас, Рюриковичей, сразу вижу. Даже с закрытыми глазами.

Словно в подтверждение своих слов, она закрыла глаза и отвернулась. Дарья набрала в грудь воздуха, но вовремя опомнилась. Что это она? Неужели хотела начать спор?!

Она поспешно поднялась и двинулась на мигающий свет, который своей широкой раскачивающейся спиной загораживал ушедший далеко вперед мужчина. Пробивающееся сквозь жуть любопытство требовало от Дарьи разглядывать встречающихся по бокам людей. Может, увидит и «Унылого гомосека» и «Пыр-дыра» и «А-жи-жу!»... Но она боролась с собой и глядела строго под ноги, на неразборчивое и хаотичное покрытие пола. Ромбики, квадраты, крашеная белым доска, вытертый, рыженький линолеум, плешивый ковролин, крапчатый псевдо-мрамор ...

«*Это же — мешанина из больничных полов!*», — поняла она. Пестрота и рябь перед глазами утомляла, путала мысли, сводила... с ума, но она не решалась оторваться от нее, боясь воздействия более сильного — от неясных теней, проплывающих по бокам. Вальяжно развалившихся, сжавшихся в комочек, угрюмо склонивших головы, нервно подергивающихся, монотонно раскачивающихся... Время от времени кто-то неожиданно вставал, выбирался в проход и начинал шагать впереди. Один раз она почувствовала грубый толчок в спину и, потеряв равновесие, плюхнулась на скамью.

— Прочь с дороги, убогая! — прошипел некто, склонившись. Дарья, ни жива, ни мертва, в неверном свете смогла разглядеть лишь кудлатую бороду и косящие к носу глаза, — Не видишь, что ли? Гуси разбежались!

Он быстро пошел по проходу, но вскоре вернулся и снова навис над ней. Дарья сжалась, прикрывая голову, уверенная, что он непременно ее ударит. Но тот лишь повторил веско и внушительно: «*Гуси, мать твою!*» и строевым шагом снова двинулся прочь.

Дождавшись, когда его спина сольется с другими, покачивающимися далеко впереди, Дарья продолжила путь. Тоннель изначально показался ей бесконечным, но спустя несколько минут она уже оказалась у выхода.

Перед ней раскинулся зловещий ландшафт — каменистая пустошь под низким, темно-серым небом, с которого хлестал косо́й дождь. Чуть поодаль, справа, темнел лес, где каждое из деревьев имело несколько стволов и лишь одну крону, от чего тот выглядел застывшим стадом немыслимых, криволапых животных. Среди стволов что-то шевелилось, шныряло, бликовало самоварным золотом.

Дарья отвернулась — ей совершенно не хотелось знать, что это.

По пустыне бродили люди. Большинство — потеряно и праздно. Кто-то без конца размахивал руками, словно отгоняя рой ос; кто-то гусиным шагом отмерял по кругу одному ему ведомые расстояния, кто-то стыло и покинуто сидел на голых камнях, вперившись в одну точку; многие, сломя голову, бегали, поскальзываясь, падали и снова поднимались.

Дарьино внимание привлек один из таких бегунов. Сморщенный, голый старик шагал, высоко задирая одну ногу и низко припадая на другую, и без устали размахивал зажатой в желтой лапе опасной бритвой. Жиденькие, мокрые волосы облепили череп, козлиная, скатанная бородка топорщилась вперед, вызывая смутные ассоциации с Доном Кихотом, глаза сияли весельем и куражом. Если на пути кто-то попадался, он с радостным гиканьем начинал его кромсать. Если же путь был свободен — кромсал себя самого, выпуская из порезов слабые потеки жиденькой, бурой крови.

Со стороны леса послышался нарастающий шум, и Дарья испуганно отступила назад, в тень. Через несколько секунд мимо протацилась дикая колесница. Ее тянули около сотни

чудовищно искалеченных собак и кошек. Запряженные шейными удавками, они отчаянно перебирали передними лапами, ибо задние или отсутствовали, или не работали. Из распоротых животов свисали окровавленные, облепленные грязью внутренности, смешиваясь в единый тошнотворный клубок с соседскими. Животные путались в них, сбивались с ритма, опадали на камни, огрызаясь друг на друга и пытаясь укусить, но их тут же ударом длинного хлыста подбадривал «возница», восседающий в золоченой карете.

Дарья с ужасом разглядывала его. Жирный до такой степени, что едва умещался в повозке. Крошечная голова выглядывала неприметным бугорком из студенисто трясущихся плеч, словно прыщ. И если бы не дурацкая карнавальная маска «летучая мышь», была бы совершенно незаметна среди горы розовой плоти. Когда упряжка, оглашая округу истеричным лаем, визгом, воплями и хрипом, поползла мимо, Дарья с изумлением поняла, что видела такую карету ранее.

«Боже... Это ведь карета... Золушки», — осенило ее, — «Из старого Диснеевского мультфильма! Это какой-то... бред...!»

Она закрыла глаза, дожидаясь, когда колесница проедет мимо, но успела ухватить еще одну гнусную подробность — «Золушкин» массивный круп, свисающий по бокам, был затянут в черный, блестящий латекс.

Когда чудовищные звуки стихли, Дарья открыла глаза и оглянулась. Бесконечный, сумрачный вагон электрички теперь казался таким теплым и уютным, домашним.

Она вдруг вспомнила и лихорадочно зашарила по карманам, доставая оберег. Поможет ли? Или он из той же оперы, что плацебо? Действует, если свято веришь. Верила ли она? Какая разница!

Она продела голову сквозь пахнущее чем-то сладким ожерелье и шагнула на простор. Позади высилась бесконечная каменная стена, подпирающая небо и теряющаяся среди низких, черных туч.

Дождь поливал всюду. Каждое мгновение Дарья чувствовала его ледяные, острые капли, что барабанили по голове, плечам, заливали лицо. Она пожалела, что оставила в бункере и куртку, и свитер, но, проведя рукой по волосам, с удивлением поняла, что они совершенно сухие. Что это? То самое действие оберега или... просто иллюзия? Скорее, второе, ведь куда бы она ни попала, не может здесь быть ни неба, ни дождя, ничего...

Взяв курс на едва различимый на горизонте горный массив, она быстро зашагала вперед. Смотреть строго под ноги здесь давалось с трудом. Случайно столкнувшись с каким-то шатающимся субъектом, она получила увесистую оплеуху и кучу оскорблений, среди которых разобрала лишь «Fucking Ass» и «Shit». Приходилось смотреть по сторонам и маневрировать среди густого людского сборища, стараясь никого не задеть и не потревожить.

Горы медленно приближались. Тут и там из земли вырастали уродливые валуны, похожие на надгробные камни или остатки древних капищ. Но чем дальше, тем становилось свободнее, а сами люди — спокойнее, инертнее. Большинство стыло и безучастно сидело или лежало на голых камнях. Движения вокруг стало так мало, что Дарье показалось, что она пробирается среди мертвецов.

У подножия гор дождь прекратился и вскоре по долине замелькали рыжие всполохи. Солнце? — удивилась она, оглядываясь. И правда — справа в совершенно неправдоподобной близости от Земли колыхалось огромное, болезненно распухшее солнце цвета гноя с сукровицей. Занимая половину неба, оно выпускало похожие на рваные ленты лучи и возило

ими, как половыми тряпками, по каменистой, мрачной местности.

Никто не обратил внимания на чудовищное Светило, и Дарья тоже решила не обращать. Она посмотрела на далекую стену и с большим трудом различила на ее теле тоненькую, не шире человеческого волоса, трещинку — проем, из которого она пришла. Скоро не будет видно и его... «Луч» солнца коснулся ее лица, оставив липкий, слизистый след. Дарья взвизгнула от отвращения, потеряла рукавом щеку и поспешила вперед.

У подножия гор поле было сплошь уставлено каменными статуями. Так ей сначала показалось. Но когда одна из статуй внезапно шевельнулась, обдав Дарью с ног до головы каменной крошкой и песком, она сама застыла, как вкопанная. Когда-то она смотрела документальный фильм про раскопки Помпеи. Там показывали множество окаменевших в древнем вулканическом пепле людей. Только силуэты, повторяющие очертания скрючившихся в агонии фигур. Что-то подобное было и здесь. Только закованная фигура еще могла шевелиться внутри, выпрастывать из осыпавшихся отверстий сухие, жилистые руки. Изнутри доносилось совершенно неразборчивое, глухое бормотание, перемежающееся всхлипываниями.

Вдруг она почувствовала, что кто-то потянул ее за волосы. Она оглянулась и завизжала, увидев склонившееся к ней лицо, наполовину закованное в камень. Открытыми оставались лишь половина носа и один глаз, глядящий на нее с немым изумлением. И рука, крепко ухватившая ее за волосы.

Дарья вырвалась, оставив в скрюченной руке клок волос, заметалась меж фигур, бросилась наутек, слыша, как вокруг зашевелились, осыпаясь песком и мелкими камушками каменные фигуры. Они глухо смеялись ей вслед, что-то говорили на странном, шепчущем наречии, пытались до нее дотянуться. Мерзкое солнце, словно желая их поддержать, лизало ей затылок, оббивалось слизистыми лучами вокруг запястий, вдруг накрепко прилипло к футболке и потянуло назад. Дарья, не раздумывая, вывернулась, скинув ее, и запетляла меж выросших вокруг гор. Увидев крошечную темную пещерку, она забилась в нее, как лисенок в нору, и затаилась, тяжело дыша и мелко трясясь. На какое-то время сознание под хлесткими ударами панических плетей, ушло на глубину.

...

Внезапно она вынырнула на поверхность, понимая, что сидит, сжавшись в комочек в крошечной темноте и заунывно воет, прерываясь лишь затем, чтобы набрать полные легкие воздуха. Лицо было мокрым, то ли от слез, то ли от крови, то ли дождь снова пошел... Дождь? Но этот дождь не мочит...

Это была первая здравая мысль, и она умолкла. Что там, снаружи? Сколько времени прошло? Кто она? Зачем здесь?

Какие-то секунды она не могла ответить ни на один из этих вопросов, но вместо ужаса, почувствовала странное удовлетворение. Вот и славно. Ничего там нет. Можно остаться на месте и продолжить... выть? Но постепенно воспоминания — рваные и дерганые возвращались. Липкое солнце... лес каменных изваяний, потерянная футболка, погоня, нора... Боже, какая еще нора?! Ведь это вовсе не горы!

Замирая и каждый миг боясь быть растоптанной чьей-то исполинской каменной стопой, она тихонько выползла из своего укрытия и огляделась. Солнце еще шарило вокруг, оставляя на верхушках скал гнойные следы, но до Дарьи уже не могло дотянуться. Обернувшись, она поняла, что укрытием ей служила пустая глазница огромного, окаменевшего черепа. Он наполовину врос в землю, чуть ниже переходя в возвышение плеча.

Остальное давно поглотила земля. Когда череп внезапно подмигнул ей почти истлевшим, осыпающимся веком, она уже не закричала, только подмигнула в ответ.

На шее болталась какая-то дрянь, и она некоторое время разглядывала кожаный ремешок, на который было нанизано что-то вроде выгоревших деревяшек.

«Бусики», — вспомнилось ей, и она усмехнулась, снимая их, — «*Машка что ли на трудах постаралась...?*»

Дарья сунула Машкину поделку в карман и двинулась дальше, то и дело отмахиваясь от надоедливых стрекоз, напевая и «отдавая честь» слившимся в единый горный массив далеким предкам. Лица, руки, ноги — сплошное нагромождение исполинских тел. На некоторых еще сохранились одежды, налобные обручи, на костлявых ступнях угадывались ремешки кожаных сандалий. За толщиной камня чувствовалось движение. Тут и там раздавался оглушительный грохот, земля дрожала, скалы осыпались, обнажая то огромный, жадно вращающийся глаз, то гигантскую, длиннопалую руку в перстнях, то щерящиеся в приветливой улыбке черные губы.

Дарья старалась ответить каждому. Прикладывалась губами к пахнущим землей рукам, почтительно улыбалась в ответ на улыбки, приседала в реверансах перед преграждавшими путь ступнями. И во время одного из таких реверансов, из кармана ее что-то выпало. Измятый, прозрачный сосуд со странной надписью на боку — «Pulru».

Дарья подняла его и огляделась в ожидании пояснений, но предки озадаченно притихли. Крышка долго не снималась, пока она не додумалась ее крутить, а не выдергивать. Пахнуло...

Дарья застыла, почувствовав подкисший апельсиновый аромат и, закрутив крышку, решительно двинулась дальше. «*Смотреть только под ноги, идиотка!* — забилося в голове, — *только под ноги!*»

Внезапно скалы расступились, открывая глазам абсолютную пустоту, среди которой возвышалась огромная гора, отдаленно напоминающая присевшего передохнуть старика. Среди монолита угадывалась плешивая голова с темными провалами глазниц, сторбленные плечи, устало опирающиеся на костлявые колени руки.

Глазницы мокли маслянистой, мутной водицей. Большая ее часть тут же впитывалась в многочисленные морщины, трещины и пещерки, а за достающие до земли редкие капли дрались... люди. Самые отчаянные забирались наверх, цепляясь альпинистскими кошками за «брови» старика и подставляя под глаза фляги. То и дело кто-то срывался, оглашая округу предсмертными воплями, а кто-то благополучно достигал земли и тут же начинал отбиваться от наваливающейся на него толпы, требующей справедливости и равенства.

В голове окончательно прояснилось. Дарья встала было в конец очереди, но тут же отошла в сторону, смутно понимая, что до цели она дойдет... ох, как не скоро. А если еще придется биться за добычу с остальными психами... Нет, она слишком устала.

«*Сколько же их тут! Откуда?! И сколько уже прошло времени?*» — думала она, наблюдая за далеким побоищем. Смутно припомнилось, что время по дороге к Мафусаилу отсутствует, торопиться необходимо только на обратном пути. Значит, можно передохнуть и подумать. Она осмотрелась и заметила неподалеку группу сидящих у скал людей, видимо, таких же, как она — ожидающих, когда очередь рассосется. Она двинулась к ним и вдруг в веренице одинаково безучастных лиц заметила знакомое.

Чибисов!

Он сидел, с потерянным видом подтянув колени к подбородку. Совершенно такой же,

как на фото из Википедии, разве что яйцеобразная голова была не обрита, а на скулах произрастали мохнатенькие бакенбарды.

По коленке его похлопывала древняя, жилистая старуха в халате и косынке, по-деревенски подвязанной под подбородком. Сморщенное лицо, птичьи лапки, острые коленки в коричневых хлопковых колготах...

— Баба... Надя?! — спросила онемевшими губами Дарья. Старуха замерла, а потом закрутила маленькой, какой-то голубиной головой, оглядывая окружающих.

Дарья подошла и, потеснив какого-то гидроцефала, уселась рядом.

— Баба Надя? — снова позвала она, вглядываясь в старухино лицо. Она ожидала, что внутри ее немедленно что-то взорвется, потребует вцепиться ногтями в эту беззубую сморщенную физиономию. За себя, за Машку, за Мишу Альхова, за всех остальных... Нс внутри пенилось лишь удовлетворенное, злорадное любопытство.

Старуха слепо повела головой на ее голос и продолжила успокаивающе похлопывать мужчину по колену.

— Нишего-нишего, — прошамкала она и мелко сама себе закивала, — Мафушаил шкашет, што делать... Долшен быть выход.

— Я не хочу... не хочу..., - бормотал Чибисов, — Отпусти меня, мама!

Дарья с интересом разглядывала старых знакомцев, потом произнесла:

— Оставь его... он труп уже давно...

Старуха снова закивала. Выцветший платок сполз с головы, обнажая почти лысый череп.

— Омманули меня, девочка. Омманули глупую старуху... Пыталась сына помощь, а сын давно-о уше щервей кормит. Штолько вершт тут отходила... ноги до колен штощила... Ондавала вше до капельки наверх, этому учителю, детей приводила. Бошился, что для Витали моего. А Виталя — вот он, сердешный, таракан запешный.

Дарья непонимающе потрянула головой, нахмурилась.

— Так получается, что ты... думала, что он жив?! И старалась для него?..

— Откуль мне было жнать, что нет боле сына. Поругались мы, я убежала вниз, а дверца вожьми да жакройся. Так и ошталась тут бродить, как эти горемыки... А как дверца вжась открылась, так учитель сказал, что болен шибко мой Виталька, и очень ему нужна шлежа... А потом ешшо и ешшо. Вот и тащкалась туды-шуды, как папкуда.

— Так... тридцать лет прошло, бабушка..., - растерянно произнесла Дарья и умолкла. Здесь что тридцать лет, что тридцать столетий... Как точно посчитать, особенно если в голове каша? Кстати, это касалось и ее самой...

Дарья поднялась и встревоженно поглядела в сторону источника. За время разговора ни один не прошел обратно, и очередь не сдвинулась ни на метр.

— Пойдем-ка, баба Надя, — она потянула старуху за желтую, птичью лапу, — Ему уже никакая слеза не поможет, а мне вы еще можете помочь.

Старуха выдернула руку и покачала головой.

— Я ждешя, с сыном. Шлушайно нашла. Боюшя шнова потерять...

— Послушай меня, старая калоша..., - Дарья склонилась к старухе и ноздри ее гневно затрепетали, — Ты сейчас же поднимешься и поможешь мне штурмовать эту крепость. Или, ей-богу, я выволоку тебя наверх и всем расскажу, как ты заманивала в душегубку бедных детишек. Судить тебя, конечно, никто не станет по причине полного маразма, но поверь, полиция вполне может *случайно* выпустить тебя на расправу скорбящим родителям!

Дарья замолчала, но окрестные скалы еще несколько секунд на разные голоса повторяли ее слова насмешливым эхом. Баба Надя подняла на нее водянистые глаза, и в них засветилось что-то вроде здравого смысла. Дарья решила было, что та испугалась, но старуха неожиданно спросила:

— Так ты за шлежой штоле суды притопала? Дак я тебе дам!

Она полезла за пазуху и вскоре вытаскала маленький пузырек со стеклянной крышкой. В таких когда-то давным-давно женщины хранили духи. За потускневшим стеклом плескалась серенькая, мутная жидкость. Дарья, не веря в такую удачу, выхватила пузырек и сжала его в трясушейся ладони.

— Там ешто много, — успокоила баба Надя, — Я токма капельку на еного охламона и потратила. Да, как окажалошь, беш толку.

Она отвесила сыну подзатыльник.

— Мама, просто оставь меня! — взвился тот, — Просто... оставь... меня...

Крепко сжимая склянку, Дарья бросилась бежать обратно, но через несколько шагов затормозила, вернулась и в порыве смутной благодарности сообщила: *«Портал скоро закроется. Может, вам лучше вернуться?»*.

Но старуха, уже позабыв про нее, продолжила поглаживать сына и шамкать:

— Нишего... Мафушаил мудрый, он подшкашет... А покамест... пошидим...

Глава 16 (Окончание)

Только на обратном пути Дарья в полной мере поняла, от чего ее прежде спасало Тамнаргуново ожерелье. Стоило оказаться рядом с одной из блуждающих фигур, как она с головой погружалась в его безумие.

Вот она прячется среди смердящей горы трупов, еще теплой, подергивающейся, испускающей соки и газы. Вжимается в них, старается закопаться поглубже и, среди веселой немецкой речи, слышит короткие, резкие автоматные очереди. Тела рядом дергаются, принимая в себя новый свинец, закрывают собой ее, маленькую, незащищенную, хрупкую...

А следом без перерыва она оказывается в крошечной, обитой войлоком палате, без конца вытягивая и вытягивая из себя тонкие, звенящие нервы. И накидывает их на поскрипывающее веретено, и отмахивается от надоедливых людишек, что светят ей фонариками в глаза и поправляют пальцами дужки очков на потных переносицах. Не понимают они, не понимают...

Захлебываясь слезами, она попыталась держать дистанцию от блуждающих безумцев, но чем ближе к стене и к выходу, тем это становилось труднее. Толпа сгущалась, снова становилась все энергичнее и оживленнее. В какой-то момент она увернулась от размахивающего бритвой старика, выкрикивающего «*Боже! Царя! Храни!*» и тут же чуть не угодила прямо под колеса «Золушкиной» кареты. В глазах замельтешило от самоварной позолоты, по лицу протащились теплые внутренности, кто-то из несчастных животных больно укусил ее за плечо.

Она завизжала, отползая на локтях, готовая бежать, куда глаза глядят, но вдруг заметила всего в нескольких метрах от себя аккуратный прямоугольник входа в «электричку». Подобралась и в один прыжок преодолела расстояние. На нее тут же обрушилась благословенная тишина. Хотелось лечь на прохладный, разномастный пол, отдышаться, но она через силу поднялась и, не поднимая глаз, дошла до развилки.

Зеркальное озеро пошло слабенькой, ленивой рябью, когда она коснулась его поверхности вытянутыми руками. Наощупь она была как тонкая, теплая резина, и Дарье представилось, как это выглядит с той стороны. В точности, как вчера, во время «возвращения» старой пионерки... Она встала на цыпочки и надавила сильнее. Ее тут же затащило и потащило вверх. Ощущение мухи в смоляной капле вернулось, только теперь, казалось, капля собралась с земли и стала втягиваться обратно в ветку дерева. Будто время повернулось вспять.

...

— Ты... быстро..., - прошептал спекшимися губами Тамнаргун, когда Дарья, вся осыпаясь побелевшей, стеклянной крошкой, свалилась рядом на колени и бережно протянула ему драгоценную склянку, — Я не... удержу... Сама...

Трясущимися руками она выдернула стеклянную крышечку, полила ему глаза и, едва дыша, наблюдала за тем, как они сначала разгорелись неземной лазурью, а потом померкли до обычного светло-карего цвета. Тамнаргун задышал ровнее, кровавая пена на губах подсохла, и он в облегчении вытянулся на кушетке. Дарье показалось, что он стал больше и старше, и в то же время, моложе, свежее. «*Теперь он неподвластен времени...*» — внутренне трепеща, подумала она

Через несколько минут он встал с кушетки и приблизился к Зерцалу.

— Я не смогу спасти их всех, как бы мне этого ни хотелось, — произнес он, — Ты понимаешь?

— Понимаю...

— Когда я вытащу ее, Зерцало снова станет нестабильным и может закрыться в любой момент. Я могу рискнуть и попробовать достать еще кого-нибудь, но... вероятнее всего, тоже останусь без головы, — он помолчал, — Но... мы можем опустить их вниз. Если сделаем все быстро, то... у них будет шанс выбраться. Где-то в другом месте. Иллюзорный, но он будет...

Дарья кивнула. Она припомнила вереницу паломников к коленям Мафусаила. Откуда-то они все пришли и куда-то вернутся...

— Я пошел за твоей дочерью, а ты приготовься. Как только я ее достану, сразу сталкивай их вниз.

Он надел на голову странные очки, окуляры которых, покрашенные красной краской, почему-то располагались на висках, выпил какой-то дряни из покрытой патиной фляги и затих на некоторое время со склоненной головой. Может, молился?

Затем лег на живот и погрузил голову в Зерцало. Его тут же потащило внутрь, и Дарья кинулась к нему, чтобы задержать, но он справился с неведомым течением сам и застыл.

Долгое время было тихо. Когда она уже уверилась, что его воли не хватило, и он превратился в такую же несчастную «батарею», Зерцало пошло рябью, а потом на его поверхности вздулись огромные пузыри, которые тут же полопались со звоном разбитого стекла и осыпали Дарью острыми осколками. Дети начали суматошно дрыгать ногами и биться, норовя порвать путы. Дарья подскочила и заметалась, не зная, что делать и как реагировать, но вскоре все стихло. Шевелился только Тамнаргун, отчаянно выдергивая голову из Зеркала. Дарья ухватилась за его ноги и потащила.

— Вытаскивай ее! Живо! — прохрипел он, сдергивая «очки» и отплевываясь. Из ушей и носа у него хлестала кровь, руки мелко тряслись. Дарья приняла у него Машку, потянула и вскоре вместе с дочерью повалилась на бетон. Из головы тут же вылетело, что надо спасти детей. Все, что ее интересовало — ее дочь. Она принялась оттирать ее лицо от зеркальной пленки, искать в нем что-то, заглядывать в глаза. Внезапно Машка засучила ногами, перевернулась на бок и ее стошнило. А потом старое школьное бомбоубежище огласил громкий, надрывный плач. Дарья тут же разразилась бессвязной молитвой, признав дочь, прижала ее к себе. Тамнаргун что-то кричал ей, но она его почти не слышала, не в силах оторваться от дочери. Машка! Ее Машка!

Краем глаза она улавливала какие-то движения. Это Тамнаргун из последних сил ползал по кругу и сталкивал детские тела в портал. Когда последние ноги скрылись под зеркальной поверхностью, поверхность озера затрепетала, затвердела, покрылась трещинами и вдруг оглушительно взорвалась. Дарья оттащила плачущую и цепляющуюся за нее дочь поближе к выходу, привалилась к стене и, наконец, виновато посмотрела на Тамнаргуна.

Покачиваясь и вычищая краем рубашки кровь из уха, он стоял на том самом месте, где минутой ранее было Зерцало, а теперь поблескивал битым стеклом лишь старый советский бетон.

— Спасибо тебе, — одними губами произнесла Дарья и расплакалась.

Мальчик рассеянно кивнул и указал на тело Олега.

— Надо было и его отправить в Мэдэ Угэй, но я бы просто не успел...

— Прости, что не помогла... Я просто...

Тамнаргун задумчиво отмахнулся.

— Его найдут.

— Да, и найдут мои отпечатки и прочее... Но это все не важно. Главное, Машка вернулась.

— Как она?

— Лучше, чем было...

— Пойдем, я помогу тебе ее вынести.

...

Они стояли на крыльце «Лечебной физкультуры». Веяло весной и оттепелью, с ветвей рушился подтаявший снег.

— Я тебя отвезу, — произнесла Дарья.

— Ну уж нет!

— Прости, я опять забыла, что ты потомок первого медведя, а не пассажир...

— Дело не в том, — Мальчик устало рассмеялся, — сесть в машину, которой правит безумная женщина...? Я все-таки потомок первого медведя, а не... самоубийца.

Он поправил на голове мохнатую шапку и протянул Дарье руку. Она пожала ее.

— Я... теперь я сойду с ума, да? — спросила она и покорно улыбнулась.

— Ты с самого начала была чокнутой, поэтому... как знать.

Он склонился к Машке и взгляделся в ее растерянную, усталую мордашку.

— Если вдруг что-то заметишь не то, сразу к Алтанаяу, поняла?

Дарья кивнула. Тамнаргун поправил рюкзак и двинулся по глубоким сугробам прочь. Дарья спохватилась, что он идет не в ту сторону, собралась крикнуть ему, что там забор и тупик, но так и не крикнула. Скрипучие шаги как-то разом оборвались и больше не возобновились.

«Он все-таки прямой потомок Первого Медведя...», — напомнила она себе, взяла Машку на руки и стала пробираться к машине.

Эпилог

Мария нервно барабанила ногтями по столешнице, то и дело поглядывала на часы, вздрагивала от каждой новой фигуры, появляющейся в дверях уличного кафе. Когда детектив вошел, она подскочила, расплескав кофе, и жадно взгляделась в его лицо. Он кивнул, снял темные очки и уселся напротив, достав из-за пазухи плотный конверт.

Девушка тут же завладела им, надорвала край и высыпала содержимое на стол. Несколько фотографий и тонкая пачка сшитых между собой листов.

Мария коснулась подрагивающими кончиками пальцев верхней фотографии.

— Это она... Боже!

Детектив молчал, а Мария боязливо и, одновременно, жадно разглядывала фото матери. Казалось, ее окликнули, а потом сфотографировали. Так она и застыла в пол-оборота. В точности такая, какой ее запомнила Мария, но при этом совсем другая. Она не постарела, но словно... задубела. Крепкая, жилистая, с резко очерченными скулами, выдающими постоянное внутреннее напряжение, с цепким, подозрительным взглядом. Волосы коротко острижены и выкрашены в черный цвет. Она стояла на грунтовой дороге, стиснутой с двух сторон высокими кедром, одетая в короткие шорты, кеды и мужскую майку. Такие вроде называют «алкоголичками».

— Что это? — спросила Мария, прищутив глаза на фотографию.

— Альпинистское снаряжение, — ответил детектив, — Правда, зачем оно ей в таежной

деревушке, я так и не понял?

— В таежной?... Расскажите мне все, пожалуйста, — попросила она и видя, что он недоуменно поглядывает на свой отчет, пояснила, — Я обязательно все очень внимательно прочитаю. Потом, когда немного приду в себя. Сейчас я не хочу остаться с этим один на один. Впрочем, если вы торопитесь...

— Не слишком, — детектив коротко улыбнулся, — Но только баш на баш.

— Как это?

— Вы мне тоже расскажете. Вашу историю я знаю, но мне не дает покоя пара вопросов, на которые ответ можете дать только вы.

Мария некоторое время настороженно изучала его, и, когда он уже уверился, что она пошлет его ко всем чертям, неожиданно улыбнулась и кивнула.

— Я понимаю, что это не слишком профессионально — лезть в личную жизнь клиента, но... Зачем это вам?

Маша непонимающе приподняла плечи.

— У вас прекрасная семья, крупный бизнес, благополучие и достаток. Зачем вам эта *проблема*?

— Это не проблема, это — моя мать.... Вы же знаете, когда я была маленькой, то очень долго... болела. Если бы вы почитали мою карточку из психдиспансера, то бежали бы прочь без оглядки. А потом я внезапно выздоровела, но в то же время заболела мама... Словно, ну... словно...

— Словно, приняла вашу болезнь на себя? — детектив скептически скривился, — Вы же понимаете, что просто пытаетесь оправдать ее безумие некой мистической составляющей? Жертвоприношение...

Девушка молчала, отвернувшись в сторону расположенной рядом детской площадки, на которой под ласковым майским солнцем резвились малыши.

— Я подробно изучил то дело. Какая-то бесспорно странная история с поселковыми маньяками, одного из которых ваша мама грохнула, судя по всему, прямо на ваших глазах.

— Это только домыслы... Я ничего такого не помню...

— Останки многих пропавших за 30 лет детей были найдены в том бункере, но судьба большинства так и остается неразгаданной. Когда ваша мать предстала перед судом, то была уже совершенно невменяема или только притворялась таковой, но всплыла ее медкарта, которая подтверждала, что дебют ее психических нарушений произошел еще в детстве. Вполне вероятно, что прежде «спящая» болезнь, проснулась и стремительно усугубилась на фоне пережитых потрясений. Принимая во внимание характеристику индивида, которого она прикончила, и широкую поддержку общественности, суд приговорил ее к году принудительного лечения, а после — на усмотрение лечащего врача. Она добровольно продолжила лечение в стационаре и лечилась около 5 лет, а потом...

— Потом пропала, — продолжила за него Мария, — После того, как маму положили в больницу, папа и забрал меня к себе, в Москву, хотя бабушка страшно этому сопротивлялась и даже грозилась подать в суд. Мы жили с папой, Эллой и маленьким братиком. Жили хорошо... Два раза в год папа привозил меня в Красноярск, к маме. Он же и оплачивал ей «достойный» уход. Она была плоха, с трудом узнавала меня... Но врачи говорили, что это в основном от таблеток...

А потом... мама неожиданно выписалась. Даже в свои четырнадцать я понимала, что в таком состоянии она не могла бы выписаться без... поручителя, который оформил бы над

ней опеку. Бабушка была не при чем и так же напугана, как мы... Папа пытался добиться от главврача имя этого «опекуна», но тот как воды в рот набрал, а ее личное дело было тщательно подчищено. Как-то папа обсуждал это с Эллой, а я подслушивала за дверью. Они оба были страшно озадачены. Мама не была немощной, одинокой старухой, которую могли бы пустить в расход, например, черные риелторы, чтобы завладеть жилплощадью... У нее и жилплощади-то никакой не было. Вообще ничего не было. Даже та квартира была записана на папу... Так кому и с какой целью могла понадобиться психически нездоровая женщина?

Папа некоторое время вел собственное расследование, но толком ничего не добился. Думаю, он не слишком то и усердствовал. Я тоже стала постепенно смиряться и забывать ее... Мы все были уверены, что она уже мертва... Но в день, когда мне стукнуло восемнадцать, прямо в ресторан, где мы праздновали, курьер принес письмо. Мне!

Мария задрожала и взяла фото матери в руки.

— Там были какие-то непонятные бумаги и открытка, подписанная, несомненно, маминой рукой: «С Днем Рождения, дочка!». Пока я билась в истерике, папа с Эллой изучили бумаги. Оказалось, что это банковские документы. На мое имя был открыт счет и пополнен просто *астрономической* суммой. Астрономической даже для папы. Сразу после этого я вернулась в Красноярск, купила квартиру. Не то, чтобы мне было плохо в Москве. И папа, и Элла изо всех сил старались, чтобы я не чувствовала себя с ними бедной родственницей. Но мне хотелось быть поближе к маме. Я мечтала найти ее. Вы же понимаете? Всем, что у меня есть, я обязана ей. Она *заботилась* обо мне, а ведь из туманных папиных и бабушкиных рассказов у меня сложился образ потерянной и слабохарактерной женщины, которой даже кошку нельзя было доверить...

Они помолчали. Маша несмело отодвинула верхнюю фотографию и всмотрелась в следующую. Аккуратный забор с гостеприимно распахнутыми воротами, над которыми старомодной аркой изгибалась табличка «*Мафусаиловы хляби*».

— Я не нашел информации об этом селении, — произнес детектив, — Его нет ни на одной карте. То ли это название деревни, которую они заняли, то ли название секты. Я долго искал, но так и не нашел ни малейшего упоминания ни в старых, ни в современных источниках.

— Секты?! Не может быть! Вы уверены?

— Я не уверен, но других версий у меня нет. И я объясню, почему. Деревня довольно большая и густо населенная. Я долго наблюдал и, в конечном итоге, смог пройти ее, не привлекая к себе пристального внимания... вот только, кхм... для этого мне пришлось блеснуть актерским талантом...

Маша оторвалась от разглядывания фотографий и непонимающе уставилась на детектива.

— Пришлось прикинуться умалишенным, — пояснил он.

— Что вы такое...?

— Там вся община состоит из психов, беременных баб, которые в большинстве тоже не в себе, и мелких детишек лет до пяти с откровенно плохой наследственностью. Старше ни одного не видел. Как и ни одного... нормального. Впрочем, нормальные там должны быть, потому что организация быта на высшем уровне. Чистота, порядок... Люди живут в общежитиях, дети содержатся отдельно. Из того, что я видел, институт семьи или отсутствует полностью, или искажен до крайности. Я не специалист по генетике, но... подозреваю, что там процветают близкородственные связи.

Детектив покопался в фотографиях, вытащил одну и показал Марии.

Сначала ей показалось, что на фото запечатлен среднестатистический детский сад. Двухэтажный домик с большой лужайкой, огороженной низким плетеным забором. На лужайке играли дети. Но это было только первое впечатление. Приглядевшись, она не заметила ни «грибочков», ни каруселей-качелей, ни бдящего воспитателя. Голый, вытоптаный двор, на котором кучками и по одиночке расположились явно нездоровые дети. Серые одежды, явные физические и умственные уродства... Больше походило на загон для овец. Уродливых и непригодных даже для стрижки. Разве что дешевую колбасу крутить....

— Чем же они там живут? — спросила она, — В тайге много золота... может?.. Дешевая сила...

Она осеклась. По тем суммам, которые почти еженедельно падали на ее счет, дешевая рабочая сила явно отменялась.

— А вот этого я не знаю, — детектив поднялся, — Может, и золото. Все координаты в моем отчете. Добраться сложно, но вполне возможно. Впрочем, вам бы я советовал держаться от этого места подальше. Странная там атмосфера.

Он застегнул пиджак и протянул Маше руку. Она благодарно кивнула и пожала ее. Когда его спина затерялась среди гуляющих по набережной, она просмотрела оставшиеся фотографии. В основном, нехитрый быт сибирской глубинки. Длинные бревенчатые бараки, палисадники, какие-то хороводные пляски. Несколько фотографий были сделаны с воздуха. Мужчины и женщины жидкой, сутулой вереницей двигались куда-то вглубь тайги и на выходе из поселения терялись среди густых зарослей.

— Мааа-мааа, — услышала Маша и оторвалась от фотографий.

Дашка, слегка прихрамывая, выбралась из бассейна с разноцветными мячиками, встала рядом и с рассеянным интересом оглядела заваленный фотографиями стол.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Я нашла нашу бабушку, — ответила Дарья неестественным, нарочито бодрым тоном, — Скоро мы пойдем с тобой в настоящий поход! Ты ведь хочешь познакомиться с ней?

Дашка пожала плечами. Бабушку со стороны мамы она никогда не видела, и ей было наплевать. Куда больше ее беспокоило другое.

— Маа-мааа, — снова плаксиво затянула она и склонила голову, — я сандаля потеряла! Ремешок расстегнулся, и теперь не могу найти!

Мария с сомнением поглядела на кишачий ребятней бассейн.

— В машине есть сменка — кроссовки, — ответила она и вдруг задохнулась. *Сменка...* От этого слова веяло необъяснимым ужасом. Во рту внезапно пересохло, волосы на предплечьях и спине поднялись дыбом, а сердце зашлось сбивчивым галопом.

Мария испуганно глядела на дочь и, казалось, слышала фантомный визгливый скрип, словно где-то в чужих пространствах некое гигантское колесо сделало очередной оборот вокруг своей оси и затихло.

Больше книг на сайте - Knigoed.net